

SEAL OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LET THERE BE LIGHT
1868

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ

МАЙНЪ-РИДА.

БѢЛАЯ ПЕРЧАТКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

 Книгоиздательство П. П. Сойкина.

Стремянная, № 12, собств. д.

ТИПОГРАФІЯ П. П. СОЙКИНА. СПБ., СТРЕМЯННАЯ УЛ., СОБСТВ. Д., № 12.

I.

Случайная встрѣча съ женщиной въ лѣсу не можетъ не возбудить извѣстнаго любопытства даже въ томъ случаѣ, если это простая цыганка или крестьянка, которая собираетъ валежникъ, но любопытство превращается въ изумленіе. если приходится въ подобной обстановкѣ наткнуться на прекрасную даму.

Такою именно прекрасной дамой можно было бы назвать Мэри Уадъ, ѣхавшую въ лѣсу верхомъ на бѣломъ конѣ. На рукѣ у ней сидѣлъ соколъ. За нею бѣжала борзая собака. Вѣроятно, она искала одиночества, такъ какъ ея отецъ, баронетъ Мермедукъ Уадъ иначе не отпустилъ бы ее безъ провожатыхъ.

Была осень. Солнце свѣтило, но уже не грѣло. Его лучи блестѣли въ свѣтлыхъ локонахъ Мэри, освѣщали ея румяныя щеки и заставляли ее щурить прекрасные голубые глаза.

Зачѣмъ находилась эта прелестная дѣвушка одна въ лѣсу, безъ провожатыхъ? Можно было бы подумать, что она выѣхала на охоту, но нѣсколько уже разъ вылетала дичь, а всадница и не думала снимать съ своего сокола наглазникъ и не спускала его. Нельзя также думать, чтобы она заблудилась. Дорога идетъ вдоль парка, который окружаетъ замокъ ея отца, замокъ Больстрадъ, извѣстный въ исторіи еще съ эпохи Альфреда Великаго. Кромѣ того, она и ѣдетъ-то шагомъ, а не рысью. Лицо дѣвушки задумчиво. По временамъ она нагибается; очевидно, она прислушивается къ чему-то,—можетъ быть, поджидаетъ кого-нибудь?

Дѣйствительно, когда до нея донесся звукъ приближающейся рысью лошади, дѣвушка быстро выѣхала на небольшую полянку, около которой она до того все время держалась и, остановивъ лошадь подъ тѣнью огромнаго бука, пристально стала смотрѣть въ ту сторону, откуда раздался лошадиный топотъ. Черезъ минуту показался всадникъ. Это былъ крестья-

нинъ на заморенной клячѣ, одѣтый въ самое простое платье. На лицѣ Мэри Уадъ скользнула гримаса досады. Очевидно, она ждала кого-то другого.

— И какъ я не догадалась! Развѣ можно было смѣшать тяжелую рысь этой клячи съ топотомъ того скакуна, котораго я ждала. Гадкій мужикъ!

Не подозрѣвая непріятности, которую онъ причинилъ прелестной дѣвушкѣ, крестьянинъ отвѣсилъ глубокій поклонъ. Мэри отвѣтила небрежнымъ кивкомъ головы.

Едва проѣзжій скрылся изъ виду, какъ снова раздался конскій топотъ,—на этотъ разъ болѣе поспѣшный, и черезъ мгновеніе на поляну въѣхалъ всадникъ благородной осанки, въ ботфортахъ съ золотыми шпорами и въ шляпѣ со страусовымъ перомъ.

Мэри сразу узнала всадника, но даже не взглянула въ его сторону. Неопытный наблюдатель могъ бы даже подумать, что дѣвушка и не думала о немъ. Однако, рука, на которой сидѣлъ соколъ, слегка дрожала, а сердце дѣвушки усиленно билось.

Замѣтивъ амазонку, всадникъ удержалъ лошадь и сталъ приближаться шагомъ. Мэри продолжала дѣлать видъ, что не обращаетъ на него никакого вниманія. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, она съ тревогой спрашивала себя:—«Что я отвѣчу ему, если онъ вздумаетъ заговорить со мной? Навѣрное, онъ подозрѣваетъ, что я нечаянно ѣзжу здѣсь такъ часто. Какъ мнѣ хочется заговорить съ нимъ! А въ то-же время я трепещу при одной мысли, что это можетъ случиться. Впрочемъ, онъ уже много разъ проѣзжалъ здѣсь и, однако, ни разу не заговаривалъ со мной. Свѣтскій этикетъ! Неужели онъ и сегодня не нарушитъ молчанія? Нельзя ли чѣмъ-нибудь заставить его заговорить!»

И послѣ нѣкотораго колебанія дѣвушка, повидимому, рѣшилась. Она быстро сбросила съ руки сокола, который вцѣпился въ гриву лошади, сняла свою бѣлую перчатку и какъ бы нечаянно обронила ее на дорогу. Затѣмъ Мэри тронула лошадь, сначала шагомъ, точно ожидая, что вотъ-вотъ ее догонятъ, потомъ рысью и, наконецъ, галопомъ. Глаза дѣвушки блестѣли, щеки горѣли румянцемъ стыда, страха и надежды. Ей ужасно хотѣлось взглянуть, что дѣлаетъ всадникъ, но она не рѣшалась сдѣлать этого. Наконецъ, на поворотѣ дороги, она бросила украдкой взглядъ туда, гдѣ она обронила свою перчатку. Сердце дѣвушки забилось радостью

Всадникъ наклонился и, вонзивъ остріе шпаги въ перчатку, поднялъ ее. Мэри дорого дала бы, чтобы узнать, что произойдетъ дальше. Она могла бы даже слѣдить издали за всадникомъ, остановившись за густыми кустами, но стыдъ побѣдилъ въ ней любопытство и желаніе, чтобы всадникъ догналъ ее. Молчаливо признавшись въ своей любви къ всаднику тѣмъ, что она бросила ему перчатку, дѣвушка какъ бы унизила себя.... Ей было стыдно. Вотъ почему она пустила свою лошадь вскачь, и, въѣхавъ въ ворота парка, скоро была передъ замкомъ.

II.

Поднимая бѣлую перчатку, всадникъ былъ не менѣе взволнованъ чѣмъ та, которая ее бросила. Еслибъ Мэри Уадъ подождала дольше, она увидала бы, что Гарри Гольтеноръ—такъ звали молодого человѣка—страстно прижалъ ея перчатку къ губамъ, а затѣмъ прикололь ее къ своей шляпѣ съ страусовымъ перомъ.

Радость всадника смѣшивалась со смущеніемъ и недоумѣніемъ. Съ одной стороны, онъ хотѣлъ догнать дѣвушку, но, съ другой—она какъ будто не хотѣла этого; иначе—зачѣмъ было ей такъ поспѣшно удалиться? Не зная, на что рѣшиться, Гарри Гольтеноръ продолжалъ оставаться на полянѣ. Мысли его путались.

Можетъ быть, дѣвушка бросила перчатку совсѣмъ не намѣренно, можетъ быть послѣдняя упала нечаянно? Однако онъ не могъ ошибиться, онъ видѣлъ, какъ она сбросила сокола, какъ сняла перчатку и уронила ее. Это было сдѣлано съ намѣреніемъ. Даже навѣрное! Уже не въ первый разъ онъ видѣлъ эту дѣвушку здѣсь въ лѣсу. Зачѣмъ пріѣзжала она сюда одна? И потомъ эти ея нѣжные, робкіе взгляды... Онъ начиналъ понимать, и въ то же время радость сознанія, что его, можетъ быть, любятъ, странно перебивалась въ немъ печальными воспоминаніями его прежнихъ успѣховъ у женщинъ.

— Тогда меня любили,—думалъ онъ,—за мое положеніе и состояніе, а теперь? Если эта дѣвушка любитъ меня, то, конечно, не за это. Вѣдь она не знаетъ даже моего имени. Конечно, если она любитъ меня, то безъ всякой мысли о томъ, что я, знатенъ ли и богатъ ли.

На лицѣ всадника промелькнула радость и торжество. Но почти тотчасъ же лицо его опять приняло выраженіе грусти.

— Все равно,—рано или поздно, она должна узнать, кто я. Я вынужденъ буду открыть ей это. Проклятая тайна! Она уничтожитъ возможное счастье! Даже хуже. Узнавъ правду, Мэри, пожалуй, возненавидитъ меня, станетъ презирать,—думалъ онъ. И грустное выраженіе лица всадника становилось еще печальнѣе. Онъ начиналъ отчаиваться.

— Въ самомъ дѣлѣ,—продолжалъ онъ разсуждать,—вѣдь если бы она хотѣла, чтобъ я отдалъ ей перчатку, то она подождала бы меня. Можетъ быть, это была простая случайность, что она обронила свою перчатку?

Чьи-то приближающіеся шаги вывели его изъ задумчивости. Это была прелестная дѣвушка лѣтъ восемнадцати. Она приблизилась къ всаднику. Еслибъ послѣдній не былъ всецѣло занятъ Мэри, онъ, вѣроятно, съ восхищеніемъ взглянулъ бы на нее. Со своими черными, страстными глазами, густыми черными волосами и бѣлыми, какъ слоновая кость, зубами она, въ самомъ дѣлѣ, была красива, какъ королева. Впрочемъ, одѣта она была очень просто. Единственнымъ ея украшеніемъ былъ букетъ лѣсныхъ цвѣтовъ, приколотый къ волосамъ.

Гарри Гольтеноръ посмотрѣлъ на дѣвушку довольно равнодушно. Взявъ отъ нея письмо, которое она держала въ рукахъ, онъ, распечатывая его, спросилъ:

— Это, вѣроятно, вашъ отецъ принесъ это письмо изъ Оксбриджа?

— Да, сударь. Онъ послалъ меня къ вамъ и велѣлъ принести отвѣтъ, но такъ какъ я не застала васъ дома, то пришла сюда.

— Какъ же вы узнали, что я здѣсь? Мой слуга нѣмой и не могъ сообщить вамъ объ этомъ.

— Я по его знакамъ поняла, что вы здѣсь. А такъ какъ отецъ сказалъ, что письмо это очень важное, то я и пришла сюда.

И дѣвушка покраснѣла при этомъ, какъ вишня. Въ сущности, она преувеличивала слова отца; ей просто было велѣно отнести и оставить письмо въ Стонъ-Динѣ, гдѣ жилъ Гарри.

Углубившись въ чтеніе, всадникъ не замѣтилъ смущенія дѣвушки.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ, складывая письмо и повернувшись къ ней. Письмо это дѣйствительно важное, но скажите отцу, что отвѣта не будетъ. Я поѣду самъ. Но чѣмъ мнѣ вознаградить васъ, Бетси? Знаете, вамъ нужно пре-

вить ваши чудные волосы лентой. Только не такой, какъ эти голубые цвѣты, а пунцовой, она будетъ вамъ больше къ лицу.

Дѣвушка съ досадой отказалась. Она ждала иной благодарности.

— Ну, въ такомъ случаѣ, примите, вмѣсто ленты, эту золотую монету—сказалъ всадникъ.—Вы купите себѣ платье или перчатки.

Къ изумленію Гарри, и на этотъ разъ послѣдовалъ отказъ и притомъ такой грустный, что этого нельзя было не замѣтить. Откуда была эта грусть?

Всадникъ выразилъ сожалѣніе, что дѣвушка не приняла его благодарности и сказавъ, что найдетъ другой для этого случай, далъ шпоры лошади и поскакалъ къ Оскбриджу.

А дѣвушка долго еще смотрѣла ему вслѣдъ, грустно вздыхая о своей нераздѣленной и непонятой любви.

III.

— Еслибъ онъ далъ мнѣ ленту въ подарокъ,—сказала она, наконецъ, себѣ,—я, конечно, взяла бы ее. Но онъ предлагалъ ее, какъ награду за мой трудъ, такъ же, какъ и этотъ противный золотой. Далъ бы онъ мнѣ локонъ своихъ волосъ! Я бы предпочла его всему золоту и всѣмъ лентамъ Оксбриджа. Ему понравились мои волосы... Онъ сказалъ, что голубой цвѣтъ мнѣ не къ лицу... Такъ прочь же эти цвѣты! Въ волосахъ Бетси Денсей никто уже не увидитъ голубого цвѣта.

И, сорвавъ голубые цвѣты съ головы, она бросила ихъ на землю.

— Эти цвѣты далъ мнѣ Вилль. Но Богъ съ нимъ, съ Виллемъ Уифордомъ и съ его подарками. Я ничѣмъ не вызывала его на это. Да и надѣла я эти цвѣты не для него, а для другого. Онъ любитъ красный цвѣтъ. Еслибъ я это знала!... Я нарвала бы красныхъ цвѣтовъ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, дѣвушка замѣтила на дорогѣ конскіе слѣды, которые отличались отъ слѣдовъ лошади Гольтенора.

— Очевидно, здѣсь проѣзжала Мэри Уадъ—сказала она себѣ. Въ душѣ Бетси зашевелилась смутная ревность. Дѣвушка хорошо умѣла различать слѣды, такъ какъ была дочерью дровосѣка. Къ тому же она видѣла Мэри въ этомъ мѣстѣ уже дважды и инстинктомъ женщины догадывалась, что именно привлекало ее сюда.

Вдругъ опять раздался конскій топотъ

— Неужели это Гарри?—подумала съ радостью Бетси.

Надежда ея не оправдалась. Это былъ тотъ самый крестьянинъ, который встрѣтился Мэри Уадъ. Увидѣвъ его, Бетси тотчасъ же узнала въ немъ дровосѣка Вилли Уифорда и собиралась ускользнуть отъ него, но онъ успѣлъ замѣтить ее.

— А, это ты, Бетси!—крикнулъ онъ еще издали.—Всего часъ тому назадъ ты была дома. Что ты дѣлала здѣсь?

— Относила письмо, которое далъ мнѣ отецъ для мистера Гольтенора.

— Значитъ, ты видѣла его?

— Да, онъ былъ здѣсь.

— Отдала ему письмо, и больше ничего?

— Ничего!

— Чортъ возьми, Бетси. Вы ужасно охотно бѣгаете по дѣламъ этого Гарри Гольтенора. Мнѣ это совсѣмъ не нравится.

— Я исполнила лишь порученіе отца.

— Ладно, знаемъ,—проворчалъ дровосѣкъ.

И онъ предложилъ дѣвушкѣ сѣсть на крупъ своей лошади. Вдругъ, замѣтивъ на землѣ цвѣты, которые онъ далъ утромъ Бетси, дровосѣкъ воскликнулъ:

— Вотъ тебѣ разъ! Мои цвѣты лежатъ въ пыли и затоптаны.

— Неужели?—воскликнула дѣвушка съ притворнымъ удивленіемъ.—Они, вѣрно, упали, когда я поправляла прическу. Отецъ такъ торопилъ меня, что я не успѣла хорошенько прикрѣпить ваши цвѣты. Противные волосы, съ ними столько хлопотъ! Ужъ не обрѣзать ли ихъ, Вилли?

— Ну, вотъ. Такіе чудные волосы было бы жаль рѣзать. А такихъ цвѣтовъ, какіе я далъ тебѣ, въ лѣсу много. Горевать о нихъ не стоитъ. Садись скорѣе и ѣдемъ. Мнѣ нужно поскорѣе увидѣть твоего отца.

Повинуясь дровосѣку, Бетси вскочила на лошадь и противъ воли должна была обнять талію нелюбимаго ею человѣка, который преслѣдовалъ ее своею любовью

IV.

Когда Мэри Уадъ въѣхала въ паркъ отцовскаго замка, лицо ея было блѣдно. Ее мучило раскаяніе. Вотъ почему, соскочивъ у подъѣзда съ лошади, она быстро бросила поводья

груму и поспѣшила въ домъ, стараясь, пройти такъ, чтобы ее никто не замѣтилъ. Но едва Мэри успѣла добѣжать до своей комнаты, какъ ее окликнулъ голосъ ея кузины, такой же хорошенькой, какъ и она, дѣвушки,—Лоры Ловлесъ.

Замѣтивъ, при входѣ въ комнату Мэри, что у послѣдней нѣтъ одной перчатки, Лора воскликнула:

— Но гдѣ же твоя перчатка, Мери?

— Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же она?—И Мэри стала искать въ карманахъ и въ шляпѣ. Конечно, перчатки не нашлось.

— Вѣрно я потеряла ее дорогой,—сказала Мэри.—Придется купить новую пару.

Между дѣвушками завязался разговоръ.

— Знаешь, Мэри,—говорила Лора,—говорятъ, въ окрестностяхъ много разбойниковъ. Еще недавно ограбили одну даму. Пожалуйста, не ѣзди одна.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Лора произносила эти слова, въ комнату вошелъ отецъ Мэри и дядя Лоры, баронетъ Мермедукъ Уадъ

— Твоя кузина совершенно права,—сказалъ онъ, подхватывая разговоръ дѣвушекъ.—Скоро будетъ опасно ѣздить не только по большимъ дорогамъ, но и въ собственномъ паркѣ. Поэтому, дѣти, съ этихъ поръ ограничьте ваши катанья паркомъ. За его оградой вы рискуете даже и въ томъ случаѣ, если съ вами провожатые.

— Это правда,—согласилась Лора.

— Надо, впрочемъ, надѣяться на лучшія времена,—замѣтилъ баронетъ.—Пока же у меня есть проектъ, который, навѣрное, придется вамъ по душѣ.

— Въ чемъ дѣло?—спросила первая Лора, которая была любопытнѣе своей кузины.

— Я хочу устроить сельскій праздникъ,—отвѣтилъ Мермедукъ. Онъ объявилъ, что предполагаемый праздникъ онъ устроитъ въ паркѣ, при чемъ пригласитъ на него всѣхъ окрестныхъ жителей. Поводомъ являлся день рожденія его сына, который долженъ былъ возвратиться на дняхъ домой.

— Вотъ будетъ счастливый день!—подумала Лора, какъ только ея дядя покинулъ ихъ.—Вернется Вальтеръ! Мери была, однако, настроена менѣе радостно. Единственное, чѣмъ этотъ праздникъ могъ доставить ей удовольствіе,—это возможность увидѣть на немъ Гарри Гольтенора. Но можно было сомнѣваться, чтобъ онъ явился на него.

V

Въ Боккингэмскомъ графствѣ настало лучшее время года—осень. Все облито было золотыми лучами солнца, которые на красной зелени давали особенно нѣжные тона.

Любуясь знакомымъ пейзажемъ, отъ Оксбриджа ѣхалъ верхомъ молодой человѣкъ. Это былъ сынъ баронета Мермедука, возвращавшійся изъ столицы, гдѣ онъ состоялъ пажемъ при дворѣ. Онъ думалъ о томъ, почему отецъ вызвалъ его домой, но не жалѣлъ, что покинулъ службу. Городская жизнь была ему не по душѣ. А, между тѣмъ, какъ пажъ королевы, онъ пользовался благосклонностью послѣдней, да и король, повидимому, благоволилъ къ нему. Молодой человѣкъ, однако, думалъ о другомъ. Ему уже представлялась охота, встрѣча съ кузиной Лорой и съ сестрой Мэри.

Высокій, стройный, Вальтеръ Уадъ едва достигъ девятнадцатилѣтняго возраста. Надъ губой у него пробивались уже, впрочемъ, небольшіе усы. Голубые глаза, широкій лобъ, бѣлокурые волосы, горбатый носъ, выдающійся подбородокъ и насмѣшливая улыбка, не сходившая съ лица, обличали въ немъ аристократа и достойнаго наслѣдника больстрадскаго замка. Богатая сбруя коня и дорогой костюмъ вполнѣ гармонировали съ его внѣшностью.

Какимъ образомъ однако могъ очутиться сынъ баронета Мермедука пажемъ при дворѣ? Уады никогда не любили королей. Они были въ числѣ тѣхъ владѣтельныхъ бароновъ, которые заставили подписать Іоанна Безземельнаго хартію англійской свободы. Не разъ также Уады выступали на защиту этой свободы и съ оружіемъ въ рукахъ. Какъ же объяснить, что одинъ изъ Мермедуковъ попалъ ко двору? Дѣло въ томъ, что мать Вальтера была очень честолюбива и стояла втайнѣ за королевскую партію. Одинъ изъ ея братьевъ занималъ даже высокій придворный постъ. Онъ-то и пристроилъ, по желанію матери, Вальтера пажемъ королевы. Но послѣ смерти жены, которой онъ уступалъ при жизни, чтобы не вносить раздора въ семью, сэръ Мермедукъ немедленно же потребовалъ сына домой, такъ какъ распущенные придворные нравы, установившіеся при Карлѣ I, могли принести юношѣ лишь одинъ вредъ.

Это и было причиной возвращенія Вальтера домой. Конечно, поступокъ сэра Мермедука не особенно понравился королю и вызвалъ даже гнѣвъ послѣдняго.

VI.

Продолжая мечтать, молодой пажъ добрался до гостинницы, которая находилась въ полумилѣ отъ рѣки Кольнъ. Его вниманіе привлекъ стоявшій тутъ отрядъ всадниковъ. Это были королевскіе кирасиры. Около нихъ толпились окрестные жители, глазѣя на закованныхъ въ латы солдатъ. Очевидно отрядъ только что прибылъ. Это было видно по тому, что лошади его не остыли, а солдаты возились около нихъ. Вальтеръ сейчасъ же понялъ, что отрядъ этотъ принадлежалъ къ сѣверной арміи, которая по тайному приказанію короля была выдвинута на югѣ для борьбы съ надвигавшимся революціоннымъ броженіемъ. Молодой всадникъ хотѣлъ было продолжать путь, но громкій голосъ приказалъ ему остановиться. Въ это же время къ нему направились два всадника, очевидно начальники отряда. Это легко было узнать по ихъ шелковымъ кафтанамъ, надѣтымъ подъ кирасами,и по щегольской ихъ обуви, золотымъ шпорамъ и по бѣлымъ страусовымъ перьямъ на каскахъ. Одинъ изъ офицеровъ былъ начальникъ отряда, другой—младшій офицеръ.

— Что вамъ угодно отъ меня?—спросилъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ Вальтеръ, когда офицеры подъѣхали къ нему.— Почему вы потребовали, чтобы я остановился?

— Я не хотѣлъ нисколько оскорбить васъ, молодой человѣкъ—отвѣтилъ начальникъ отряда.—Но ваша лошадь вся въ мылѣ, и вамъ необходимо отдохнуть и подкрѣпить силы.

— Благодарю васъ за любезность,—сухо отвѣтилъ Вальтеръ,—но я спѣшу и не могу, поэтому, воспользоваться вашимъ гостепріимствомъ. Что-же касается моей лошади, то черезъ часъ она отдохнетъ въ конюшнѣ.

— Значитъ вы уже недалеко отъ цѣли путешествія?

— Да,—отвѣтилъ Вальтеръ.

— Вы, вѣроятно, ѣдете погостить къ кому-нибудь изъ вашихъ деревенскихъ друзей, чтобы надышаться воздухомъ и завтракать яичницей, а обѣдать ветчиной съ рѣпой?

Эта шутка почти разсердила Вальтера, но онъ сдержался и отвѣтилъ тоже шуткою-же. Затѣмъ, полагая, что говорить больше не о чемъ, онъ хотѣлъ уже ѣхать дальше, но начальникъ отряда вновь удержалъ его.

— Ну, выпейте по крайней мѣрѣ вина, которое сейчасъ принесетъ намъ хозяинъ гостинницы.

Вальтеръ нехотя согласился. Когда подали вино и юноша поднесъ кубокъ ко рту, офицеры потребовали, чтобы онъ выпилъ за здоровье.

— За чье?—спросилъ Вальтеръ.

— За чье хотите. Выпейте за даму своего сердца.

— За здоровье дамы моего сердца!—произнесъ Вальтеръ и передалъ кубокъ начальнику отряда.

— Вѣроятно, эта какая-нибудь пастушка,—замѣтилъ последній. Ну, да все равно,пью за вашу возлюбленную. А теперь вы должны выпить за здоровье короля. Вы вѣдь не откажетесь отъ подобнаго тоста?

— Разумѣется, нѣтъ,—отвѣтилъ юноша, хотя по правдѣ говоря, мы разстались съ нимъ не особенно дружелюбно.

— Ха, ха, ха! — засмѣялся капитанъ, — значитъ король имѣетъ честь быть вашимъ знакомымъ?

— Я состоялъ у него на службѣ три года.

— Такъ вы придворный?

— Я былъ пажемъ королевы.

— Позвольте въ такомъ случаѣ узнать ваше имя.

— Я Вальтеръ Уадъ.

— А, сынъ баронета Мермедука Уада?

— Да.

— Гмъ!—сдѣлалъ капитанъ, пристально взглянувъ на юношу. Ну, такъ мы еще встрѣтимся съ вами. А теперь провозгласимъ тостъ всякаго вѣрноподданнаго: «за здоровье короля!»

Вальтеръ выпилъ, хотя ни рѣчь, ни тонъ капитана ему не нравились. Въ тѣ времена было неудобно отказываться отъ подобнаго тоста, и юноша повторилъ вслѣдъ за капитаномъ: «за здоровье короля!»

За юношей повторилъ тотъ же тостъ и младшій офицеръ, Стоббсъ, а за нимъ, чокаясь пивными кружками, громко закричали солдаты: «да здравствуетъ король!»

VII.

Наступила пауза. Вдругъ явственно раздался звонкій и громкій голосъ, который произнесъ: «за здоровье народа!»

Этотъ новый и неожиданный тостъ ошеломилъ солдатъ и привелъ въ бѣшенство офицеровъ. Ихъ глаза засверкали гнѣвомъ, и они бросились къ тому мѣсту откуда раздался голосъ.

Тотъ, кто произнесъ дерзкія слова «за здоровье народа», и не думалъ скрываться. Онъ остановился около гостиницы. Это

былъ всадникъ на прекрасной лошади, изящной и благородной наружности. Повидимому онъ часто наѣзжалъ сюда, такъ какъ трактирщикъ, не ожидая его приказаній, поспѣшилъ вынести ему кубокъ вина. Всадникъ, несмотря на произведенное имъ смятеніе, спокойно осушилъ кубокъ и отдалъ его хозяину гостиницы обратно. Это показалось до такой степени страннымъ, что солдаты не шевелились. Остановились въ изумленіи и офицеры, бросившіеся было къ всаднику. Совсѣмъ иное настроеніе чувствовалось въ толпѣ крестьянъ. Они, очевидно, сочувствовали всаднику, и послѣ непродолжительнаго колебанія тоже чокнулись своими оловянными кружками и прокричали «за здоровье народа!»

Послѣ этого снова воцарилось молчаніе, но на этотъ разъ, оно, какъ будто, обѣщало разразиться бурей. Всѣ взоры устремились на капитана и на всадника. Если бы послѣдній былъ простымъ крестьяниномъ, то капитанъ не задумался бы расправиться съ нимъ. Но передъ нимъ былъ человѣкъ въ богатомъ кафтанѣ, золотыхъ шпорахъ и съ длинной шпагой.

— Громъ и молнія!—воскликнулъ начальникъ отряда, выступивъ впередъ.—Вы должно быть выпили лишнее, господинъ кавалеръ, что рѣшаетесь произносить такія бунтовщическія слова. Но это не пройдетъ, пріятель. Шапку долой и спойте намъ иную пѣсню. Предупреждаю, что вы не уѣдете отсюда, пока не выпьете за здоровье короля!

— Я вашъ пріятель!—презрительно откликнулся всадникъ.—Хорошо. Такъ вотъ, пріятель, я не имѣю привычки чокаться съ незнакомцами. Да къ тому-же ни вы, ни ваше предложеніе мнѣ не нравятся. Во всякомъ, случаѣ если бы мнѣ и вздумалось пить за здоровье англійскаго короля, то ужъ никакъ не въ обществѣ людей, которые опозорили англійское знамя у Ньюборнской переправы.

Сказавъ это, всадникъ далъ шпоры своему коню, засмѣялся и помчался, какъ птица.

Намекъ на позорное дѣло у Ньюборна и смѣхъ всадника привели капитана въ ярость. Онъ обнажилъ саблю и бросился на оскорбителя.

— Ты выпьешь, негодяй, за здоровье короля своею кровью! Держите его! Стрѣляйте! Садитесь на коней!—кричалъ онъ въ изступленіи.

— Повѣрьте мнѣ,—замѣтилъ трактирщикъ, здоровенный дѣтина, привыкшій обращаться со своими посѣтителями доволь-

но фамильярно,— повѣрьте мнѣ, вы проѣздитесь напрасно. Легче поймать на лету сокола, чѣмъ этого всадника. Когда вы сядете только въ сѣдло, онъ уже будетъ отсюда за двѣ мили.

— Негодяй!—закричалъ капитанъ, какъ ты смѣешь говорить такъ!

— Я хотѣлъ только дать вамъ добрый совѣтъ. А не нравится, такъ поѣзжайте. Только напрасно.

— Такъ ты знаешь его?—спросилъ капитанъ.

— Немножко. Это одинъ изъ моихъ кліентовъ. Онъ часто заѣзжаетъ ко мнѣ выпить по пути стаканъ вина.

— А какъ его имя? Гдѣ онъ живетъ?

— Не могу въ точности сказать,—отвѣтилъ осторожный трактирщикъ.—Зовутъ его Чернымъ всадникомъ. А живетъ онъ, будто-бы, поблизости отъ холмовъ Джерезъ.

— Я хорошо знаю, гдѣ онъ живетъ,—вдругъ вызвался какой-то крестьянинъ.—Въ Стонъ-Динѣ. Я могу провести васъ, господинъ офицеръ, если хотите.

— Ну, когда надо будетъ, я самъ найду этого мерзавца,—грубо замѣтилъ капитанъ и скомандовалъ:

— Слѣзай съ коней! Лошадей въ конюшню! Затѣмъ онъ потребовалъ отъ трактирщика вина и пива для солдатъ.

— А гдѣ же пажъ?—вдругъ спохватился онъ.

— Они уѣхали, капитанъ,—отвѣтилъ одинъ изъ солдатъ.— Прикажете вернуть?

— Нѣтъ, не надо. Завтра я буду съ нимъ обѣдать. Ну, живо трактирщикъ, вина! А вы, плуты—обратился онъ къ кирасирамъ, извольте мнѣ осушить это пиво въ честь короля

Солдаты отвѣтили дружнымъ «ура».

VIII.

Воспользовавшись общей суматохой, Вальтеръ благополучно выбрался изъ гостинницы и уѣхалъ.

Добравшись до поворота дороги, онъ, боясь преслѣдованія со стороны капитана, пустилъ лошадь вскачь. Предосторожность эта была далеко не лишняя, такъ какъ именемъ короля войска постоянно совершали злоупотребленія. Особенно этимъ отличалась сѣверная армія, которая мстила мирнымъ обывателямъ за свое позорное пораженіе отъ шотландцевъ у Ньюборна.

Находясь при дворѣ, молодой человѣкъ, не вникавшій въ

смыслъ политическихъ событій, естественно видѣлъ причину разлада между короной и народомъ въ ошибкахъ самого народа. Король казался ему верхомъ справедливости. Впервые его мнѣніе измѣнилось послѣ произвольнаго распущенія парламента, который самъ же Карлъ I созвалъ, чтобы возстановить спокойствіе въ странѣ. Сцена у трактира открыла ему глаза и на другія отрицательныя стороны существующаго государственнаго строя. Какъ это часто бываетъ съ молодыми людьми, подъ вліяніемъ только что видѣннаго въ немъ проснулась свободолюбивая натура его предковъ. Онъ припомнилъ жестокія казни, которыя ему пришлось видѣть, и вся его придворная жизнь показалась ему въ своемъ настоящемъ непривлекательномъ свѣтѣ. Кирасиры-же просто внушали ему отвращеніе.

— Это настоящіе грабители,—говорилъ онъ себѣ.—Король долженъ былъ бы обуздать ихъ. А, между тѣмъ, онъ, говорятъ, поощряетъ ихъ. Да, то, что говорилъ объ этомъ Пимъ въ парламентѣ, было истинной правдой.

Въ это время къ нему долетѣли крики солдатъ, провозглашавшихъ «ура» королю. Юноша рѣшилъ, что значитъ погони не будетъ, и сталъ думать объ отважномъ всадникѣ, пившемъ за здоровье народа.

— Хорошо бы было,— мелькнуло у него въ умѣ,—еслибъ я съѣхался съ нимъ. Сестра писала мнѣ, что въ краѣ пошаливаютъ разбойники и что недавно еще была ограблена одна дама. А, между тѣмъ, уже всходитъ мѣсяцъ, и дорога почти безлюдна.

Хотя Вальтеръ былъ и не трусъ, но поднимаясь на Красный Холмъ, онъ чувствовалъ себя не особенно хорошо, такъ какъ зналъ, что именно на вершинѣ этого холма и была ограблена дама, о которой писала ему сестра. Вдругъ, подъ тѣнью деревьевъ, онъ замѣтилъ неподвижно стоявшаго всадника.

— Вѣрно это разбойникъ,—подумалъ Вальтеръ. Однако, разбойникъ этотъ не двигался и не прятался.

— Если я не ошибся,—вдругъ заговорилъ мнимый разбойникъ,—вы тотъ самый юноша, котораго я недавно видѣлъ въ дурной компаніи?

— Онъ самый,—отвѣтилъ Вальтеръ.

— Отлично,—отвѣтилъ мнимый разбойникъ, который оказался Чернымъ всадникомъ,—вдвоемъ намъ ѣхать будетъ удобнѣе.

Вальтеръ не заставилъ повторять приглашенія и поѣхалъ рядомъ съ незнакомцемъ.

Очень скоро Черный всадникъ внушилъ юношѣ не только довѣріе, но и удивленіе. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, полный силъ, средняго роста, но отличнаго сложенія. Голубые глаза его, кроткіе и симпатичные блестѣли рѣшимостью. Костюмъ Чернаго всадника вполнѣ гармонировалъ съ его наружностью. Плащъ, кафтанъ, панталоны были бархатные, каштановаго цвѣта. На головѣ его была надѣта широкополая мягкая шляпа, къ которой рубиновой пряжкой было прикрѣплено страусовое перо. Талію его опоясывалъ широкій поясъ изъ ярко-краснаго китайскаго крепа, черезъ плечо на вышитой портупеѣ висѣла шпага въ серебряныхъ ножнахъ. Кружевные манжеты и воротникъ дополняли этотъ изящный костюмъ.

Вороной конь всадника былъ выше всякой похвалы.

— Вы Вальтеръ Уадъ,—сказалъ всадникъ.

— Откуда вы знаете, какъ меня зовутъ?—спросилъ изумленный юноша.

— Вы сами сообщили объ этомъ.

— Когда?

— Да всего часъ тому назадъ, у гостинницы.

— Значитъ, вы слышали, какъ я назвалъ себя капитану?

— Да. А вы на службѣ при дворѣ?

— Съ сегодняшняго утра я уже въ отставкѣ.

— По своей волѣ?

— Нѣтъ, меня вызвалъ домой отецъ.

— Но,—извините за нескромный вопросъ,—отчего?

— Я и самъ хорошенько не знаю этого,—отвѣтилъ Вальтеръ.—Мнѣ извѣстно только, что отецъ писалъ королю и просилъ уволить меня. Могу сообщить вамъ еще, что король былъ за это разсерженъ на отца.

То, что разсказалъ пажъ, повидимому, понравилось Черному всаднику.

— Отецъ вашъ, очевидно, имѣлъ основаніе поступить такъ,—замѣтилъ онъ.

— Я очень люблю охоту, но не въ обществѣ придворныхъ дамъ, которыя только вспугиваютъ дичь своими [illegible] Поэтому, съ своей стороны, я радъ вернуться въ д[illegible]

— Ну, знаете, это не по этикету такъ выра[illegible] махъ. Развѣ между фрейлинами никто вамъ [illegible]

ць, королева, какъ говорятъ, окружаетъ себя только краса-
дами.

— Все это намазанныя куклы, которыя подражаютъ фран-
скимъ дамамъ,—отозвался пренебрежительно Вальтеръ.—
стоящая англійская дѣвушка, рожденная и воспитанная въ
ревнѣ, румяная и скромная, стоитъ, по моему, гораздо вы-
. Тамъ, вы этихъ качествъ не найдете. Да и сердца тамъ
льшивыя.

— Браво!—замѣтилъ Черный всадникъ.—Вы, я вижу,
стоящій придворный сатирикъ. Я радъ, что вы высказы-
ете мысли, которыя близки и мнѣ. Я тоже люблю дѣвушку,
росшую на просторѣ полей.

— Какъ я радъ, что у насъ одинаковые вкусы,—отклик-
лся Вальтеръ.

— Вѣроятно и вы, мистеръ Вальтеръ, не совсѣмъ равно-
шны къ какой-нибудь хорошенькой дѣвушкѣ нашихъ
аевъ?

Вальтеръ отвѣтилъ полупризнаніемъ.

— Позвольте задать вамъ еще вопросъ,—продолжалъ Чер-
ый всадникъ.

— Пожалуйста.

— Скажите, кромѣ васъ, у сэра Мермедука нѣтъ другихъ
тей?

— У меня есть сестра, миссъ Мэри Уадъ.

— Она одинаковаго роста съ вами?

— Вѣроятно. Впрочемъ, навѣрное сказать не могу, такъ
ікъ я не видѣлъ ее три года. Я знаю только, что она выше
ей кузины.

— Кузины?

— Да, Лоры Ловлесъ. Она воспитывалась вмѣстѣ съ нами
навѣрное, останется у насъ въ домѣ до...

Вальтеръ нерѣшительно умолкъ.

— До какого времени останется?—спросилъ незнакомецъ,
итро посмотрѣвъ на пажа.

— Пока она сама захочетъ,—отвѣтилъ совершенно уже
рѣшавшись Вальтеръ.—А, можетъ быть, ее увезетъ ея отецъ,
гда она достигнетъ совершеннолѣтія.

— Ну, мистеръ Вальтеръ, держу пари, что еще раньше
[illegible] найдетъ себѣ новаго опекуна, съ которымъ и оста-
[illegible] всегда въ замкѣ вашего отца. Что вы на это скажете?...

Вальтеръ не только не разсердился на эти слова, но р: смѣялся отъ чистаго сердца. Онъ любилъ свою кузину, и і мекъ Чернаго всадника былъ ему не непріятенъ.

Во время этой бесѣды всадники достигли пустынной мѣ ности, извѣстной подъ именемъ Джеретсъ-Гасъ.

IX.

Мѣстность это представляла собой обширное плато, зарс шее верескомъ. До Больстрада,—имѣнія сэра Мермеду Уада, оставалось еще мили двѣ. На всемъ этомъ протяжен въ предѣлахъ плато находилось единственное жилище: пол разрушенная хижина съ провалившейся крышей и покос вшимися стѣнами. Къ хижинѣ прилегалъ садъ, черезъ кот рый и проходила дорога. Путники уже приближались къ эт хижинѣ, откуда Вальтеру оставалось всего минутъ деся ѣзды до дому, когда съ боку дороги раздвинулись вѣтви, грубый голосъ произнесъ:

— Кошелекъ или жизнь! И въ то же мгновеніе имъ заг родилъ дорогу какой-то человѣкъ, махая длиннымъ копьем Подойдя къ лошадямъ, онъ еще разъ повторилъ свое требовані

— Ты требуешь отъ насъ кошелекъ или жизнь,— медле но и съ ироніей повторилъ его слова Черный всадникъ.- Хорошо, любезный. Но прежде позволь узнать, по какому пр ву ты этого требуешь, и кто ты самъ?

— Къ чорту болтовню!—проворчалъ разбойникъ, маха копьемъ.—На большой дорогѣ нечего объясняться относител но правъ. Предупреждаю, вы не выйдете живыми, пока н отдадите ваши деньги. Всякое сопротивленіе будетъ безполе но. Вонъ, смотрите, тамъ стоитъ дюжина молодцовъ, которы тотчасъ же окружатъ васъ.

И разбойникъ указалъ на ближайшіе кусты. Дѣйствител но, тамъ стояло съ полдюжины молодцовъ огромнаго роста наполовину скрытыхъ вѣтвями. Но всѣ они были неподвижн и никто изъ нихъ не произнесъ ни слова.

Атаманъ закричалъ имъ:

— Стойте, ребята! Пока васъ не нужно. Эти господа слиш комъ хорошо воспитаны, чтобы съ ними нужно было обращать ся грубо, они и сами не станутъ сопротивляться.

— Н ›расно такъ думаете,—сказалъ Черный всадникъ и при эт мъ онъ вынулъ изъ одной кобуры пистолетъ.—И я

и мой спутникъ, мы будемъ защищаться до последней крайности.

Вальтеръ тоже вооружился своей шпагой.

— Да падетъ же кровь на ваши головы,—закричалъ атаманъ разбойниковъ; и онъ поднялъ при этомъ копье.

Въ этотъ моментъ луна освѣтила лицо разбойника. Черный всадникъ, собиравшійся уже выстрѣлить, сразу узналъ и черные волосы, и густую бороду, и знакомый ему волчій взглядъ.

— Грегори Гартъ! Неужели ты сдѣлался грабителемъ и убійцей?

— Простите, простите меня, сэръ Гарри!—воскликнулъ разбойникъ и отбросилъ свое копье. Если бы я зналъ только! Простите меня! Сэръ Гарри, хотя я и большой негодяй, но я не простилъ бы себѣ всю жизнь, если бы съ вашей головы упалъ по моей винѣ хоть одинъ волосъ.

Всадники переглянулись. Стоявшіе за кустами разбойники оставались все такіе же молчаливые и неподвижные.

Атаманъ первый заговорилъ снова.

— Это проклятая судьба толкнула меня на это ремесло. Убейте меня сэръ Гарри!—сказалъ онъ и выставилъ свою грудь, какъ бы подставляя ее подъ выстрѣлъ.

— Полно, Гартъ, зачѣмъ? раньше ты былъ честнымъ человѣкомъ и не можешь такъ кончить свою жизнь,—отвѣтилъ Черный всадникъ.

— Да, сэръ, когда-то я дѣйствительно былъ честенъ, но теперь...

— Не надо приходить въ отчаяніе, Грегори. Я знаю, что ты, какъ и я, многое испыталъ въ жизни, и я буду къ тебѣ снисходителенъ. Слава Богу, что я узналъ тебя и что наша встрѣча не кончилась рукопашной. Можетъ быть, она заставитъ тебя опомниться.

— Даю вамъ слово въ томъ, сэръ Гарри.

— Я не сомнѣваюсь, что ты исполнишь то, что говоришь,—замѣтилъ Черный всадникъ.—Теперь же, пока мы не отъѣдемъ, вели своимъ людямъ не покидать мѣста, гдѣ они стоятъ, иначе они рискуютъ получить пулю изъ моего пистолета. Завтра здѣсь долженъ пройти отрядъ солдатъ. Вотъ на него они могутъ напасть, сколько имъ будетъ угодно.

Атаманъ громко разсмѣялся.

— Я готовъ имъ отдать ваше приказаніе сэръ Гарри, но они не послушаютъ меня. Еслибъ вы даже приблизились къ

нимъ и проткнули кого-нибудь изъ нихъ шпагой, то они и къ этому отнесутся равнодушно!...

— Въ самомъ дѣлѣ, твои люди кажутся мнѣ черезчуръ уже терпѣливыми. Но ты шутишь, Грегори, если думаешь...

— Я думаю только, что это просто чучелы, которыя сдѣланы моими руками.

Всадники въ свою очередь разсмѣялись.

— Ну, такъ-то лучше,—сказалъ Гарри. Во всякомъ случаѣ, совѣтую тебѣ бросить это ремесло, иначе ты кончишь висѣлицей.

— Но чѣмъ же я буду жить, сэръ?

— Работай.

— О, я ищу работы, но напрасно,—печально сказалъ разбойникъ. Вы представить себѣ не можете, сэръ, какая въ народѣ нужда. Жить честно теперь въ Англіи—это значитъ умереть съ голоду.

— Послушай, Грегори,—сказалъ Черный всадникъ,—я знаю, что у тебя честное сердце. Вѣрь мнѣ, скоро настанетъ часъ, когда ты можешь пригодиться для добраго дѣла.

— Правда?

— Да, послушайся моего совѣта. Ликвидируй свое дѣло и жди, когда по странѣ раздастся кличъ: «Богъ и народъ!»

— Дай Богъ вамъ успѣха,—произнесъ горячо Грегори, крѣпко пожимая руку своего бывшаго господина.—Повѣрьте, я ждалъ вашего возвращенія. И, клянусь, эта ночь будетъ послѣдней, что я разбойникъ. Позвольте вернутся мнѣ завтра къ вамъ.

— Отлично, Грегори,—сказалъ Черный всадникъ, въ свою очередь пожимая руку своего бывшаго слуги.

— До свиданья же, Грегори. Приходи ко мнѣ.

Сказавъ это, Черный всадникъ далъ шпоры своей лошади. Вальтеръ поскакалъ за нимъ.

X.

Это смѣшное приключеніе развеселило Вальтера.

— Вы слышали про ограбленіе одной дамы?—спросилъ онъ Гарри.—Вѣроятно, ее ограбилъ вашъ Грегори.

— Да, повидимому. Ха, Ха! И когда подумаешь, что шесть провожатыхъ этой дамы разбѣжались отъ страха передъ этими чучелами!

— Забавная исторія

— Представьте, этотъ Грегори мой старый охотникъ, онъ училъ меня стрѣльбѣ. Очевидно, его довела до разбойничества нищета.

— А какъ вы думаете, онъ искренно раскаялся?—спросилъ Вальтеръ.

— Я увѣренъ въ этомъ,—отвѣтилъ Гарри.—Однако мы уже у въѣзда въ вашъ паркъ. Намъ время разстаться.

— Зачѣмъ же намъ разставаться?—замѣтилъ Вальтеръ.—Поѣдемъ къ намъ. Я обязанъ вамъ, можетъ быть, жизнью.

— Это случайность.

— Это вы говорите только изъ скромности, которая равняется вашей храбрости. И такъ какъ вы не захотѣли открыть мнѣ свое имя, то я скажу дома, что мнѣ спасъ жизнь сэръ Гарри.

— Это будетъ невѣрно. Отецъ мой, правда, имѣлъ титулъ, но вы зовите меня просто Гарри Гольтеноръ. Милости прошу васъ ко мнѣ въ Стонъ-Динъ. Буду очень радъ. Особаго угощенія не обѣщаю, но дичь и хорошее вино у меня всегда есть. По утрамъ я почти всегда дома.

— Я надѣюсь, что раньше вы побываете у насъ. Впрочемъ сегодня, дѣйствительно, очень ужъ поздно. Но вы во всякомъ случаѣ должны обѣщать мнѣ, что посѣтите нашъ домъ. Я представлю васъ отцу и моей сестрѣ Мэри. Они рады будутъ случаю отблагодарить васъ за услугу, которую вы оказали мнѣ.

Слова юноши были, повидимому, пріятны Гарри, но онъ отвѣтилъ не сразу.

— Обѣщаете?—снова спросилъ Вальтеръ.

— Съ удовольствіемъ. Какъ-нибудь, соберусь.

— Нѣтъ, нѣтъ не какъ-нибудь, а завтра-же,—живо замѣтилъ Вальтеръ.—Завтра отецъ по случаю дня моего рожденія устраиваетъ въ паркѣ сельскій праздникъ. Такъ пожалуйста, завтра!

— Непремѣнно пріѣду,—отвѣтилъ Гарри.

На этомъ спутники разстались. Юноша въѣхалъ въ паркъ, а Гольтеноръ повернулъ на лѣсную дорогу, ведущую къ Стонъ-Дину.

XI.

Оставшись одинъ, Грегори Гартъ глубоко задумался. Принявъ окончательно рѣшеніе измѣнить свою жизнь, какъ онъ обѣщалъ Гарри, онъ сталъ обсуждать планъ продажи своего

небольшого гардероба, находившагося на чучелахъ. Вдругъ до его слуха донесся конскій топотъ, и въ Грегори вновь заговорила жилка разбойника.

— Но вѣдь я далъ обѣщаніе!—проговорилъ онъ про себя.—Ну, ничего. Сегодняшняя ночь будетъ послѣдняя.

Въ это время показался одинокій всадникъ.

Грегори сталъ въ засаду. Ждать пришлось не долго.

Скоро незнакомецъ очутился передъ хижиной. Это былъ кавалеръ, одѣтый въ шелкъ, на прекрасной лошади. Грегори тотчасъ-же потребовалъ отъ него кошелекъ. Вмѣсто того, чтобы защищаться, всадникъ попросилъ пощады.

— Не безпокойтесь,—обратился къ нему Грегори, приставляя ему къ груди свое копье,— мои люди не тронутъ васъ, если вы не будете оказывать сопротивленія. И онъ громко приказалъ своимъ чучеламъ оставаться неподвижными.

— О, я и не думаю защищаться!—поспѣшилъ заявить путешественникъ.—Мои деньги въ вашей власти. Только ихъ у меня не много. Я всего только королевскій посланный.

— Королевскій посланный!—воскликнулъ обрадованный Грегори.—Это превосходно! А, позвольте узнать, куда вы ѣдете?

— Я везу приказъ его величества капитану Скарту, начальнику небольшого кирасирскаго отряда, который стоитъ у сэра Мермедука Уада въ Боккингэмскомъ графствѣ, въ Больстрадѣ. Вы, можетъ быть, знаете сэра Мермедука и укажете мнѣ дорогу?

— Быть проводникомъ не мое ремесло. Ищите дорогу сами, замокъ баронета въ двухъ шагахъ отсюда. А что касается кирасиръ капитана Скарта, то мнѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла. Подайте вашъ пакетъ и деньги, и, пожалуйста, попроворнѣе!

— Возьмите мой кошелекъ, часы, цѣпочку, но оставьте мнѣ пакетъ! Это приказъ короля.

— Ну, я, можетъ быть, и не особенно люблю вашего короля, господинъ въ атласѣ, и дѣлать ему одолженіе совсѣмъ не намѣренъ. Проворнѣе! Отдавайте вашъ багажъ, а не то мои молодцы снимутъ его съ васъ вмѣстѣ со шкурой.

— Берите, берите все! Вотъ кошелекъ..... вотъ часы.....

— Скорѣе, скорѣе! Мнѣ ждать некогда, торопилъ его Грегори.

— Кажется, все. У меня остался только ножикъ, карандашъ и записная книжка.

— А что это такое у васъ на шеѣ? Покажите-ка.

— Это медальонъ.

— А что въ немъ?

— Предметъ, совершенно безполезный для васъ: локонъ волосъ.

— Ну, это можете оставить себѣ. А медальонъ отдайте. Его можно заложить.

Перепуганный всадникъ покорно исполнилъ полученное приказаніе.

— Теперь, увѣряю васъ у меня нѣтъ больше ничего,—сказалъ онъ

— Какъ ничего? А ваше платье? А шляпа? А шпага? Давайте сюда и ихъ.

— Но вѣдь тогда я останусь голый!

— Ну, это безразлично. Слѣзайте и раздѣвайтесь.

Черезъ минуту всадникъ остался въ одномъ бѣльѣ.

Между тѣмъ Грегори связалъ его платье въ узелъ, отвелъ въ сторону лошадь, а несчастнаго посланнаго связалъ по рукамъ и ногамъ.

— Ты хоть и трусъ,—съ презрѣніемъ замѣтилъ ему Грегори,—но повидимому, хитеръ и золъ, и я не хочу, чтобы ты сейчасъ шелъ дальше. Переночуй здѣсь, въ этой хижинѣ.

Послѣ этого Грегори раздѣлъ своихъ чучелъ, тряпье которыхъ можно было сбыть на толкучкѣ, привязалъ узелъ со всѣми вещами къ сѣдлу, вскочилъ на лошадь незнакомца и двинулся въ путь.

— Какъ разъ полночь,—подумалъ онъ,—значитъ я сдержалъ слово, которое далъ сэру Гарри. И сдержу и впередъ. Да, съ сегодняшняго дня Грегори Гартъ этимъ ремесломъ больше не занимается.

XII.

Около полудня слѣдующаго дня кирасиры, остановившіеся у гостинницы, стояли въ строю, въ ожиданіи выступленія.

Когда ряды выстроились и выравнялись, капитанъ Скартъ выѣхалъ впередъ и скомандовалъ: «впередъ маршъ!»—и отрядъ во главѣ съ раскраснѣвшимся отъ вина капитаномъ и пьянымъ поручикомъ Стоббсомъ двинулся въ путь.

Несмотря на то, что переходъ предстоялъ короткій, и не-

смотря на выпитое вино, капитанъ Скартъ былъ въ очень дурномъ расположенiи духа. Оскорбленiе, которое нанесъ ему наканунѣ Черный всадникъ, страшно унизило его въ глазахъ солдатъ и его самолюбiе сильно страдало.

— Мнѣ сказали, что этотъ нахалъ живетъ въ окрестностяхъ Больстрада. Если тамъ будетъ скучно, я, по крайней мѣрѣ, смогу найти его и отомстить ему.

Если бы капитанъ, разсуждавшiй такимъ образомъ, могъ видѣть, что дѣлалось за густою стѣною деревьевъ, покрывавшихъ вершину Редъ-Гилля, онъ замѣтилъ бы Гарри, который въ это время подъѣзжалъ къ Больстрадскому замку.

Когда отрядъ достигъ хижины, около которой произошли описанныя выше ночныя событiя, до него донеслись крики.

Скартъ приказалъ нѣсколькимъ кираспрамъ узнать, въ чемъ дѣло. Войдя въ хижину, они увидѣли связаннаго человѣка. Несчастный разсказалъ о нападенiи разбойника, о томъ, какъ его ограбили и раздѣли. Онъ прибавилъ также, что у него отняли и приказъ короля, который онъ везъ капитану Скарту.

Капитанъ былъ очень раздосадованъ, что пропала адресованная ему бумага, но при видѣ смѣшного посланца, не могъ удержаться все-же отъ смѣха. Одѣвъ его и снарядивъ, Скартъ отправилъ его назадъ въ Лондонъ, а самъ со своимъ отрядомъ продолжалъ путь къ замку сэра Мермедука

XIII.

Въ этотъ самый день и въ тотъ самый часъ когда отрядъ Скарта выступилъ изъ гостинницы, въ паркѣ Больстрадскаго замка устроенныя баронетомъ Мермедукомъ увеселенiя были въ полномъ разгарѣ. Лица дамъ и кавалеровъ выражали беззаботное веселье. Исключенiе составляла лишь Мэри Уадъ. Какъ она ни старалась скрыть свою грусть, это ей не удавалось. Она съ волненiемъ оглядывала вновь прибывающихъ, но его не было. Никто, однако, не понималъ причины ея волненiя. Одна лишь кузина Лора догадывалась о причинѣ грусти Мэри.

— Отчего ты такая скучная сегодня?—спросила она подходя къ Мэри

— Почему это тебѣ показалось?..

— Ты такая странная..

— Только и всего?

— Не пригоряйся, пожалуйста. Вѣдь я не скажу никому. Но имѣй въ виду, что за тобой наблюдаютъ другіе. Постарайся быть веселѣе.

— Но, Лора, не могу же я выражать лицомъ то, чего нѣтъ у меня въ душѣ? Научи.

— Постарайся скрыть тревогу твоего сердца.

— Значитъ ты думаешь, что оно въ тревогѣ?

— Конечно, Мэри. И я скажу тебѣ на ухо: ты влюблена, Мэри.

— Какія глупости! Окуда ты взяла это?

— Да изъ всего твоего поведенія. И сейчасъ ты грустна оттого, что его нѣтъ.

— Ты права, Лора. Да, я люблю, я надѣялась, что онъ пріѣдетъ сегодня.

Недалеко отъ обѣихъ дѣвушекъ стояла группа, въ которой больше всего выдѣлялась одна громко говорившая дѣвица— Доротея Дейрель. Разговоръ шелъ о Черномъ всадникѣ, о встрѣчѣ съ которымъ только что разсказалъ Вальтеръ Уадъ.

— А онъ сказалъ вамъ свое настоящее имя, этотъ Черный всадникъ?—спросила Доротея Вальтера.

— Да, его зовутъ Гарри Гальтеноръ,—отвѣтилъ юноша.

— Гарри Гольтеноръ! Мы уже слыхали это имя,—раздались голоса.

— Онъ очень недавно появился въ нашихъ краяхъ,—замѣтилъ одинъ изъ кавалеровъ,—ни съ кѣмъ не водитъ знакомства и живетъ въ какомъ-то уединенномъ ветхомъ домѣ.

— Однако, о немъ всѣ говорятъ,—сказалъ другой.—Разсказываютъ, что онъ трубадуръ, что онъ вернулся съ востока.

— Не съ востока, а съ запада,—бойко и съ презрительной улыбкой возразила Доротея Дейрель.—Это онъ изъ Америки вывезъ свои идеи равенства и братства, а также еще и слугу индѣйца. Вы видали его, мистеръ Уадъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.—Я провелъ съ Гольтеноромъ очень мало времени, да притомъ еще ночью, такъ что не разглядѣлъ хорошенько и самого господина. Но я питаю надежду, что сегодня онъ пріѣдетъ сюда. Онъ обѣщалъ. Можетъ быть, онъ въ толпѣ. И, извинившись передъ дамами, Вальтеръ отправился искать Гарри.

— Идите, идите,—проводили его нѣсколько женскихъ голосовъ,—и приведите его сюда. Мы очень хотимъ познакомиться съ нимъ.

Поиски Вальтера оказались тщетными. Онъ вернулся ни съ чѣмъ.

— А вонъ, я вижу какого-то всадника, который ѣдетъ къ парку,—замѣтила вдругъ одна изъ дѣвицъ. Всѣ взглянули по указанному направленію. Въ самомъ дѣлѣ кто-то ѣхалъ къ парку, но прямо къ изгороди, а не къ воротамъ.

— Должно быть, это не сюда,—сказала Доротея Дейрель.— Но нѣтъ, онъ подъѣхалъ къ самой оградѣ. Онъ хочетъ кажется перескочить ее. Вотъ такъ ѣздокъ! Вѣдь ограда не менѣе пяти футовъ вышины.—И дѣвица стала апплодировать.

Всадникъ перескочилъ ограду, какъ ни въ чемъ ни бывало.

— Кто это?—стали спрашивать кругомъ.

— Это и есть тотъ, о которомъ мы сейчасъ говорили,—отвѣтилъ Вальтеръ и пошелъ встрѣчать гостя, подъѣзжавшаго уже къ лужайкѣ.

— Черный всадникъ! Черный всадникъ!—закричала толпа и крестьяне и крестьянки побѣжали взглянуть на него, громко высказывая одобренія лихому наѣзднику.

Вальтеръ подвелъ Гольтенора къ тѣмъ дѣвицамъ, которыя такъ интересовались имъ. Мэри замерла, когда увидѣла на Гарри бѣлую перчатку.

XIV.

Въ ту эпоху, о которой мы разсказываемъ, присутствіе на шляпѣ кавалера перчатки, ленты или локона волосъ означало, что ему симпатизируетъ какая-нибудь дама. На праздникѣ сэра Мермедука такихъ украшенныхъ знаками любви шляпъ было не мало. Не надо поэтому удивляться, что перчатка на шляпѣ Гарри не обратила на себя никакого вниманія. Ее замѣтили лишь заинтересованныя лица. Къ такимъ лицамъ нужно было причислить Мэри Уадъ и Лору Ловлесъ.

Лора сразу узнала перчатку Мэри, но послѣдняя ни за что не хотѣла признать ее, а потомъ вынужденная къ этому, сказала, что Черный всадникъ, вѣроятно, нашелъ ее въ лѣсу. Для чего, однако, онъ прикрѣпилъ ее къ шляпѣ?

Между тѣмъ Вальтеръ продолжалъ знакомить гостей съ новопріѣзжимъ, на котораго были устремлены взоры всѣхъ дамъ. Когда Вальтеръ подвелъ его къ Мэри, онъ слегка былъ смущенъ, но не показалъ этого. Во время короткаго офиціальнаго разговора Гольтенора съ Мэри, никто изъ гостей не догадывался, что они не разъ уже встрѣчались въ лѣсу. Никто не замѣтилъ также

и смущенія Мэри, такъ какъ въ это время вниманіе всѣхъ сосредоточилось на труппѣ мавританскихъ танцоровъ и танцовщицъ, исполнявшихъ одинъ изъ номеровъ увеселительной программы.

Мужчины, женщины и дѣвушки, которые принимали участіе въ этихъ танцахъ, были одѣты въ яркіе костюмы. Одинъ изображалъ разбойника Робинъ-Гуда, другой его помощника Литль-Джона и т. д. Дѣвушки-же одѣлись, кто красавицей Марьянною, кто царицей Маей изъ народныхъ легендъ.

Особенно хороша была дѣвушка, изображавшая Марьянну. Брюнетка, со страстнымъ выразительнымъ лицомъ и большими черными глазами, она приковывала къ себѣ вниманіе всѣхъ окружающихъ. Даже благородные кавалеры, стоявшіе подъ руку со своими дамами, не безъ удовольствія посматривали на нее.. А наиболѣе смѣлые рѣшались даже на громкіе комплименты по ея адресу,—комплименты, которые возбуждали ревность не одной знатной дамы.

Мэри Уадъ тоже не могла отдѣлаться отъ чувства ревности, видя, какъ Гарри Гольтеноръ, стоявшій въ первыхъ рядахъ, смотрѣлъ на Марьянну. Страстные взгляды Бетси Денсей, изображавшей Марьянну, обращенные на Гарри, говорили какъ будто Мэри о какихъ-то таинственныхъ отношеніяхъ между Бетси и Гарри. Мэри блѣднѣла и волновалась, стараясь скрыть свое настроеніе.

Вдругъ странный шумъ прервалъ мавританскіе танцы. Это былъ топотъ кавалерійскихъ лошадей, звукъ сабель и трубъ. Наступила тишина. Всѣ спрашивали и недоумѣвали, зачѣмъ и откуда эти солдаты.

Черезъ минуту въ ограду въѣзжалъ эскадронъ кирасиръ подъ командой капитана Скарта. Остановивъ свой отрядъ, капитанъ громкимъ голосомъ обратился къ своему помощнику, поручику Стоббсу:

— Вы не знаете, зачѣмъ собрались сюда эти крестьяне?

— Не знаю, капитанъ.

— Посмотрите,—продолжалъ Скартъ,—они разряжены какъ на майскомъ праздникѣ, а между тѣмъ май давно прошелъ. Подъѣзжайте, Стоббсъ, къ этимъ хорошенькимъ поселянкамъ и спросите, что они тутъ дѣлаютъ, черти?

Исполняя приказаніе, Стоббсъ подъѣхалъ къ толпѣ и спросилъ:

— Что вы тутъ дѣлаете, черти?

Его грубый вопросъ не удостоился отвѣта ни сэра Мермедука, ни его гостей.

— Здѣсь праздникъ,—отвѣтилъ наконецъ кто-то изъ толпы.

Поручикъ вернулся къ капитану и доложилъ о томъ, что ему сказали.

— Праздникъ! Прекрасно. Нужно познакомиться съ этими невѣжами и ихъ хорошенькими дѣвушками. Пожалуй, здѣсь будетъ не скучно, Стоббсъ, какъ вы думаете?

— Совершенно съ вами согласенъ капитанъ,—отвѣтилъ поручикъ.

Скартъ приказалъ своимъ людямъ спѣшиться, а самъ, въ сопровожденіи Стоббса подошелъ въ своихъ тяжелыхъ латахъ къ танцующимъ.

XV.

— Такъ у васъ праздникъ, милые люди?—произнесъ капитанъ, подойдя къ толпѣ.—Счастливая мысль! Погода для этого прекрасная. Продолжайте, мы мѣшать вамъ не будемъ, а только посмотримъ. Вы позволите?

— Добро пожаловать,—раздались голоса.

Капитанъ и поручикъ Стоббсъ стали разгуливать въ толпѣ. Между тѣмъ, владѣлецъ замка рѣшилъ не заговаривать съ офицерами и не обращать на нихъ вниманія, пока они сами не объяснятъ причины своего пріѣзда. Поэтому, онъ приказалъ продолжать мавританскіе танцы, и бубны, и колокольчики зазвенѣли снова. Увидя танецъ, офицеры подошли еще ближе.

— Браво! Браво, Марьянна!—воскликнулъ капитанъ восхищенный плясомъ Бетси.—Позволь, красавица, солдату поцѣловать твои розовыя щечки.—И не ожидая отвѣта, Скартъ поднялъ забрало, обнялъ крестьянку и поцѣловалъ ее.

Возмущенная Бетси ударила капитана по лицу. Однако послѣдній оказался настолько уменъ, что обратилъ все въ шутку и самъ первый началъ громко смѣяться.

Нѣкоторымъ присутствующимъ сцена показалась забавной, но въ общемъ толпа пришла въ негодованіе.

— Безстыдникъ! Бросимъ его въ ровъ ребята!—раздались голоса.

— Покажи ему, Робинъ-Гудъ, какъ приставать къ дѣвушкамъ!—кричали изъ толпы.

Робинъ-Гудъ не заставилъ себя просить и подскочивъ къ

Скарту ударилъ его по головѣ своимъ арбалетомъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что капитанъ зашатался.

— Негодяй!—закричалъ оправившись Скартъ, весь красный отъ злобы.—Не хочется пачкать о тебя шпагу, а то я проткнулъ бы тебя, какъ тушу. Убирайся, иначе я уничтожу тебя. И вытащивъ шпагу изъ ноженъ, онъ сдѣлалъ выпадъ.

— Вотъ, кто накажетъ этого нахала-офицера!—раздались вдругъ голоса. Изъ толпы гостей выдѣлился одинъ кавалеръ и подойдя къ мѣсту происшествія, быстро сталъ между капитаномъ и крестьяниномъ.

Увидя передъ собою кавалера, одѣтаго въ бархатъ, со шпагою въ рукѣ, капитанъ на мгновеніе смутился. Но при видѣ сотенъ направленныхъ на него глазъ онъ быстро оправился. Показать трусость предъ благородными дамами,—это значило-бы обезчестить себя. Къ тому же стоявшій передъ нимъ кавалеръ былъ никто иной, какъ тотъ самый Черный всадникъ, который у гостинницы пилъ «за здоровье народа». Все вмѣстѣ взятое привело капитана въ бѣшенство.

— Ахъ, это опять вы, измѣнникъ королю!—крикнулъ онъ.

— Измѣнникъ или не измѣнникъ,—спокойно отвѣтилъ Гарри,—но я требую, чтобы вы извинились въ поступкѣ, которымъ нанесли оскорбленіе всему обществу. Можетъ быть, такія любезности, какія вы себѣ только-что позволяли, въ модѣ во Фландріи, но здѣсь онѣ недопустимы. И я дамъ вамъ маленькій урокъ.

— Кто вы такой, чтобы смѣть учить меня?—презрительно и еле сдерживая себя спросилъ капитанъ.

— Человѣкъ, котораго вы, во всякомъ случаѣ, не можете назвать мужикомъ, чтобъ избѣгнуть боя. Повторяю, или просите немедленно извиненія, или же защищайтесь.

— Извиняться! Мнѣ! Ха, ха, ха! Знаете, эта шутка можетъ стоить вамъ жизни. Поручикъ Стоббсъ, вы когда-нибудь слышали, чтобъ я извинялся передъ кѣмъ-либо?

— Никогда!—сказалъ поручикъ.

— Такъ становитесь,—обратился Гольтеноръ къ Скарту.

— Нѣтъ, такъ не годится,—замѣтила подбѣжавшая Марьянна. Вы не должны биться съ человѣкомъ, который съ ногъ до головы закрытъ латами.

— Марьянна права,—раздались голоса изъ толпы.—Капитанъ долженъ снять латы.

— Я не хочу имѣть преимущества,—замѣтилъ капитанъ.—

пусть этотъ кавалеръ сражается въ латахъ, если онъ хочетъ, но я своихъ латъ не сниму.

— Въ такомъ случаѣ вашъ противникъ надѣнетъ латы,—сказалъ подошедшій къ нимъ Вальтеръ.—Безъ этого условія вы драться не можете

Кто-то указалъ на Стоббса, ростъ котораго подходилъ къ росту Чернаго всадника. Съ разрѣшенія Скарта, его разоблачили, и Черный всадникъ одѣлся въ его латы, отказавшись, однако, отъ каски.

— Я останусь въ своей шляпѣ,—сказалъ онъ.—Эта перчатка, которая на ней, послужитъ мнѣ щитомъ.

— Не надѣйтесь на вашъ талисманъ,—насмѣшливо произнесъ Скартъ.—Черезъ десять минутъ эта перчатка, снятая съ вашей шляпы концомъ моей шпаги, очутится на моей каскѣ.

— Ну, день вашей славы далекъ, если вы думаете взять ее у меня, капитанъ. Для этого нужно немножко больше храбрости и ловкости, чѣмъ для переправы у Ньюборна.

Переправа эта была темнымъ пятномъ въ военной славѣ Скарта.

— Ты клевещешь, негодяй,—сказалъ онъ,—и ты отвѣтишь мнѣ за эти слова кровью!

— Довольно словъ! Къ дѣлу!—сказалъ Гарри.

— Вы готовы?

— Нѣтъ еще.

— Въ чемъ же дѣло?

— Я кавалеристъ и хочу, поэтому, сражаться на лошади.

Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Гарри.—Для меня это лишній шансъ успѣха.

— Коня!—крикнулъ Скартъ,—и очистить мѣсто для поединка.

XIV.

Капитанъ и Гарри сѣли на лошадей. Въ толпѣ воцарилось молчаніе. Все вниманіе сосредоточилось на противникахъ. Завязались пари. Большинство держало за Чернаго всадника. Что касается женщинъ, то онѣ удалились въ замокъ. Остались немногія, въ томъ числѣ Мэри. Притаившись за деревомъ, она съ замираніемъ сердца приготовилась слѣдить за поединкомъ, отъ котораго, казалось, зависѣла ея жизнь.

Наконецъ раздался трубный звукъ, и лошади поскакали одна на встрѣчу другой.

— За короля!—крикнулъ Скартъ, обнажая шпагу.

— За народъ!—отвѣтилъ Гольтеноръ.

Первое столкновеніе прошло благополучно для обоихъ. Шпаги ударились о латы.

Второе тоже кончилось безъ результата. Но обоими противниками овладѣлъ уже гнѣвъ.

Поэтому, въ третій разъ они сшиблись такъ стремительно, что у Чернаго всадника свалилась шляпа. Однако онъ съ быстротою молніи нагнулся и подхватилъ ее концомъ шпаги. Бурные апплодисменты привѣтствовали его ловкость, какъ бы предсказывая ему успѣхъ и въ поединкѣ. При четвертой встрѣчѣ лошади разошлись, но Гарри успѣлъ повернуть свою лошадь и, такимъ образомъ, очутился сзади Скарта. Послѣдній, не рискуя повернуть, обратился въ бѣгство.

— Трусъ! трусъ!—закричала толпа.—Побѣда Гольтенору!

У Мэри отъ волненія замерло сердце.

Хотя у капитана была и хорошая лошадь, но Гарри скоро догналъ его.

— Сдавайтесь, или смерть вамъ!—крикнулъ онъ.

— Ничего подобнаго,—отвѣтилъ Скартъ, и размахнулся шпагой.

Онъ промахнулся.

— Самъ виноватъ, нахалъ,—произнесъ Гарри, бросаясь на капитана.

Рѣзкое движеніе лошади спасло капитана отъ смерти: шпага Гарри пронзила ему руку. Скартъ упалъ, а лошадь его помчалась дальше. Черный всадникъ мгновенно соскочилъ на землю и, приставя шпагу къ горлу Скарта, громко произнесъ:

— Проси пощады, иначе я убью тебя!

— Что дѣлать, счастье на вашей сторонѣ. Прошу пощады.

— Такъ-то лучше,—произнесъ Гарри и, вложивъ оружіе въ ножны, вернулся къ обществу.

Его окружили со всѣхъ сторонъ. Марьянна, ставъ передъ нимъ на колѣни, поднесла ему букетъ цвѣтовъ.

Видя, какъ благосклонно Гарри принялъ букетъ отъ Бетси, Мэри почувствовала такой приливъ ревности, что поспѣшила удалиться въ замокъ. Не понравилась эта признательность Бетси Гольтенору также и Виллю Уифорду, обожателю Марьянны, который изображалъ Робинъ-Гуда.

Хотя Скартъ былъ раненъ легко, но гордость его была страшно унижена. Перевязавъ рану онъ, однако, все-же направился

къ площадкѣ, гдѣ стоялъ сэръ Мермедукъ Уадъ. Баронетъ хотѣлъ уже обратиться съ вопросомъ къ капитану, когда тотъ сказалъ:

— Я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ, сэръ, но вы, я вижу, не одни...

— Не имѣю причины дѣлать нашъ разговоръ секретомъ... Говорите.

— Какъ вамъ будетъ угодно.

— Я хотѣлъ бы знать,—сказалъ баронетъ,—зачѣмъ вы вообще пожаловали ко мнѣ?

— Воспользоваться вашимъ гостепріимствомъ. И не одинъ, а со всѣмъ эскадрономъ.

— Вы шутите, капитанъ.

— Нисколько.

— Объяснитесь, въ такомъ случаѣ,нетерпѣливо произнесъ хозяинъ замка.

— Извольте. Поручикъ Стоббсъ!—крикнулъ капитанъ, дайте сюда королевскій приказъ.

Стоббсъ вынулъ изъ кармана пергаментный листъ и подалъ его Скарту. Развернувъ бумагу, капитанъ громко прочелъ:

«Король сэру Мермедуку Уаду.

«Его величество, увѣренный въ вѣрноподданническихъ чувствахъ сэра Мермедука Уада, поручаетъ ему помѣстить и хорошо содержать капитана Скарта и его кирасиръ, пока его величество найдетъ это нужнымъ и полезнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его величество рекомендуетъ капитана Скарта, какъ достойнаго и храбраго офицера.

«Къ сему приложена большая королевская печать въ Уайтгольскомъ дворцѣ. 15 октября 1640.

Король Карлъ».

XVII.

Ветхій старый домъ, въ которомъ жилъ Гарри Гольтеноръ, находился въ прелестной Стонъ-Динской долинѣ совершенно въ сторонѣ отъ дороги.

Въ послѣдніе годы никто не жилъ въ немъ. Только недавно опять заговорили о Стонъ-Динѣ и Черномъ всадникѣ, вернувшемся въ него изъ долгаго и далекаго путешествія въ Виргинію, откуда онъ привезъ и новаго слугу, черноволосаго американскаго дикаря Оріола.

[illegible]опытство, возбужденное въ графствѣ Чернымъ всадни[illegible]бъяснялось его поведеніемъ. Его часто видѣли на ярмар[illegible] на праздникахъ и всякихъ иныхъ сборищахъ, гдѣ онъ [illegible]говорилъ о положеніи страны и о правахъ народа. Сами [illegible] не новыя, эти мысли находили въ ту эпоху живой от[illegible]ликъ въ народной массѣ, которая волновалась уже давно и [illegible] ждала благопріятнаго случая для открытаго возмуще[illegible]ія. Скоро Черный всадникъ сдѣлался самымъ популярнымъ [illegible]номъ въ округѣ.

Когда, покинувъ замокъ Мермедука Уада, Гольтеноръ под[illegible]зжалъ къ своему дому, была уже ночь. На подъѣздѣ его под[illegible]жидалъ Оріоль. Бросивъ ему поводья, Гарри приказалъ провес[illegible]ть лошадь и затѣмъ дать ей корму. Потомъ, спросилъ:

— Никого не было?

Индѣецъ знакомъ показалъ, что въ домѣ есть гость. Гость [illegible]этотъ былъ никто иной, какъ Грегори Гартъ. Онъ забрался въ [illegible]кухню и храпѣлъ тамъ на всю комнату.

— Вотъ кого не ожидалъ,—подумалъ Гарри. Что [illegible]вило его такъ скоро придти ко мнѣ? Во всякомъ случаѣ [illegible] хорошо. Онъ будетъ мнѣ полезенъ. Пусть выспится! [illegible] Гольтеноръ замѣтилъ въ рукѣ Грегори какой-то пакет[illegible] [illegible]знакомой для Гарри красной королевской печатью.

— Письмо отъ короля въ рукахъ Гарта! Кому же?—[illegible] [illegible]ремѣнивъ свое прежнее рѣшеніе—[illegible] выспаться Гарту, он[illegible] [illegible]крикнулъ:

— Грегори, кошелекъ или жизнь!

Слова эти сразу заставили проснуться Грегори.

— Кошелекъ или жизнь!—повторилъ онъ за Гарри. Мы [illegible]юди васъ не тронутъ, если вы не будете сопротивляться...

— Проснись, Грегори, и скажи мнѣ откуда у тебя это [illegible]письмо?

— А, это [illegible] Гарри, [illegible] мнѣ приснилось, что я... Пись[illegible]мо? Да, да.. Я встрѣтилъ какого-то посланнаго короля съ [illegible]нимъ и от[illegible]его, чтобы доставить вамъ.

— [illegible] ко мнѣ?

— [illegible]лагалъ, что вамъ не безполезно будетъ [illegible]узн[illegible]ніе.

[illegible]лъ пакетъ. Письмо было адресовано капи[illegible]

[illegible] ты отнялъ его?—спросилъ Гарри.

[illegible]

— Да, такъ...

— И, пожалуй, не только письмо, но и еще что-ниб. другое?—спросилъ Гарри. Ну, разсказывай, иначе я т прогоню изъ дому. Ты ограбилъ его?

— Я только снялъ съ него часы, платье..

— А вреда не нанесъ ему?

— О, нѣтъ. Я только связалъ его.

— Но вѣдь ты обѣщалъ мнѣ...

— Я и сдержалъ свое слово... эта ночь была послѣдняя

— Ну, хорошо. Скоро, можетъ быть, ты пригодишься более полезнаго дѣла. А пока поужинай и ложись спать.

— Сэръ Гарри, вы бы все-таки прочитали письмо. жетъ быть, оно касается и васъ.

Гольтеноръ прочелъ письмо, положилъ его въ карман оставивъ Грегори, отправился въ свою библіотеку, стар ную комнату съ высокими рѣзными дубовыми стульями.

XVIII

Здѣсь Гарри еще разъ перечелъ королевское письмо Скарту. Письмо это предписывало наборъ рекрутъ въ Б кингэмскомъ графствѣ.

— Это для чего?—подумалъ Гарри.—Ужъ не для н ли войны съ шотландцами? А, можетъ быть, для борьбы съ довольнымъ народомъ? Ну, здѣсь трудно будетъ ему набра много людей. Я достаточно подготовилъ крестьянъ и могу считывать на нихъ. Теперь же, съ этимъ постоемъ перей къ недовольнымъ и сэръ Мермедукъ! Это хорошо. Надо детъ завтра съѣздить къ нему и поговорить съ нимъ. Кст я увижу Мэри...

И, подперевъ голову руками, Гарри глубоко задумал Онъ пришелъ въ себя только тогда, когда вошедшій въ нату Оріоль сообщилъ о пріѣздѣ новаго гостя.

— Попроси ко мнѣ сюда,—сказалъ Гарри.

Такое позднее посѣщеніе не удивило его. Къ нему стоянно пріѣзжали разныя лица по ночамъ. Черезъ нѣско минутъ въ библіотеку вошелъ человѣкъ высокаго рост строгимъ, загорѣлымъ лицомъ

— Вы, очевидно, издалека?—спросилъ Гарри.

— Да, изъ Лондона.

— По чьему порученію?

порученію Джона.

...ъ, вы привезли мнѣ письмо?

...о раньше я долженъ убѣдиться, что вы дѣйстви... самое лицо, къ которому адресовано это письмо.

...онъ, пославшій васъ, не заплатилъ пошли... кораблей.

Услышавъ условленныя слова, пріѣзжій подалъ Гарри письмо. Оно было безъ всякой подписи и гласило:

«Дѣла идутъ хорошо. Благоволеніе короля несомнѣнно привлечетъ въ нашу партію и сэра Мермедука. Старайтесь помѣшать капитану набирать рекрутъ. Соберите 20-го сходку друзей. Прибудутъ Пирпъ, Гарри Ванъ, Мартенъ. Хорошо бы пригласить Мермедука. Будьте осторожны, но торопитесь. Время близко. Наблюдайте за капитаномъ. Онъ имѣетъ, вѣроятно, секретныя порученія. Мой посланецъ долженъ немедленно вернуться. Можете вполнѣ довѣриться ему. Онъ человѣкъ испытанный. Можете сами убѣдиться въ этомъ, заглянувъ ему подъ шляпу, которую онъ не снимаетъ по причинамъ, на которыя вы не обидитесь. Свое имя онъ скажетъ вамъ самъ.»

Гарри догадался, что письмо было отъ извѣстнаго тогда въ Англіи патріота Гемпдена.

По прочтеніи письма Гарри украдкой взглянулъ подъ шляпу незнакомцу. Оба поля ея были опущены на уши и подвязаны подъ подбородокъ. Замѣтивъ, что Гарри смотритъ на его шляпу, посланный сказалъ:

— Не подумайте, что я не снимаю шляпы по невоспитанности; еслибъ я снялъ ее, вы бы поняли причину этого. Но это излишне. Я просто скажу вамъ кто я: я Вильямъ Принпъ.

— А, Принпъ!—воскликнулъ Гарри, крѣпко пожимая ему руку.—Очень радъ видѣть васъ и весь къ вашимъ услугамъ.

— Патріотизмъ Гарри Гольтенора извѣстенъ Вильяму Принну,—отвѣтилъ пуританинъ, которому велѣлъ отрѣзать уши Карлъ I.—Мы съ вами товарищи по общему дѣлу. Я, какъ и вы, другъ всѣхъ страдальцевъ. Спасибо за радушный пріемъ, но я сейчасъ же долженъ ѣхать обратно. Дѣло не должно ждать, жатва близко.

Гольтеноръ приказалъ подать скорѣе поужинать. Пока Принпъ закусывалъ, онъ писалъ отвѣтъ на полученное письмо,—отвѣтъ, тоже безъ адреса и безъ подписи, такъ что, въ случаѣ ареста посланнаго, опасность грозила исключительно

послѣднему. Но Приннъ—этотъ закаленный жданскую и религіозную свободу—былъ выше закусивъ, онъ взялъ отъ Гарри его письмо, крѣ руку и поспѣшилъ въ обратный путь—въ Лон

XIX.

Когда Приннъ уѣхалъ, Гарри написалъ ныя письма, которыя затѣмъ отправилъ съ Гре[illegible] оля онъ послалъ за Дикомъ Денсеемъ и еще другимъ дровосѣко

— Надо торопиться,—сказалъ себѣ Гарри, оставш одинъ. До 20-го времени остается немного

И онъ опять сѣлъ писать. Когда были готовы новыя двѣнадцать записокъ, онъ всталъ, наконецъ, и произнесъ:—Ну, довольно. Если съѣдутся всѣ, то собраніе будетъ многолюдн

Вскорѣ прибыли и тѣ люди, за которыми отправи Оріоль. Когда послѣдній доложилъ о нихъ Гарри, онъ вел ввести ихъ въ библіотеку. Первымъ явился извѣстный краѣ браконьеръ Дикъ Денсей. Войдя въ библіотеку, онъ по тительно поклонился Гольтенору. Это былъ человѣкъ огр наго роста и геркулесовскаго сложенія, но съ честнымъ, крытымъ выраженіемъ лица. Одѣтъ онъ былъ очень про даже бѣдно. На боку у него прицѣпленъ былъ огромный но а въ рукахъ онъ держалъ толстую, суковатую палку.

— Вы очень нужны мнѣ, Денсей,—обратился Гарри вошедшему.—Вѣдь два дня ходьбы не утомятъ васъ?

— Если нужно, могу и четыре,—отвѣтилъ Дикъ. Я вс да былъ готовъ услужить вамъ, а теперь, послѣ вашего заст ничества за мою дочь, еще больше радъ этому. Позволі кстати поблагодарить васъ и за себя, и за дочь.

— Не стоитъ говорить объ этомъ, Дикъ. Я сдѣлалъ что было нужно. То же самое сдѣлалъ бы и другой. Такъ в въ чемъ дѣло, Денсей. Надо разнести эти шесть писе Имѣйте въ виду, что они должны попасть только въ ру самихъ адресатовъ.

— Понимаю. Значитъ, если я кого не застану, то принес письма назадъ.

— А вотъ эти шесть писемъ нужно отправить,— прод жалъ Гарри,—въ другую сторону. Я хочу попросить объ это Вилля Уифорда. Скажите, Дикъ могу я довѣриться ему?

— Вполнѣ,—отвѣтилъ Дикъ.

...ри, Денсей выпилъ кружку эля, которымъ ...оріоль, и затѣмъ быстро пошелъ по дорогѣ. ...библіотеку Вилль Уифордъ. На немъ были еще ...вчерашняго костюма Робинъ-Гуда и онъ выгля... щеголемъ, но лицо его имѣло видъ угрюмый и не... Онъ, дѣйствительно, ревновалъ Бетси къ Гарри и не могъ скр...ть своихъ чувствъ. Узнавъ, чего хочетъ отъ него Гольтеноръ, Вилль обѣщалъ честно исполнить порученіе и вышелъ. Но, уходя, онъ бросилъ на Гарри далеко не дружелюбный взглядъ.

Это замѣтилъ входившій въ это время въ библіотеку Оріоль. Когда шаги Вилля смолкли, онъ сдѣлалъ выразительный знакъ рукой.

— По твоему, онъ нехорошій малый?—спросилъ Гарри.

Индѣецъ наклонилъ голову.

— Возможно,—отвѣтилъ Гарри.—Я и самъ не чувствую къ нему довѣрія. Однако, пойдемъ спать.

XX.

На другой день послѣ сельскаго праздника, капитанъ Скартъ и поручикъ Стоббсъ сидѣли въ отведенной имъ роскошной комнатѣ замка и вели оживленную бесѣду.

— Это хорошо, что наши кирасиры не ропщутъ. Въ сараѣ имъ не очень хорошо. Но не могъ же я позволить имъ расположиться въ замкѣ. Здѣсь Англія, а не Фландрія, и злоупотреблять нашимъ положеніемъ нельзя. Это набросило-бы тѣнь на короля.

— Да, вы правы,—отвѣтилъ Стоббсъ.

— Къ тому же, у меня есть причина быть деликатнымъ съ баронетомъ. Здѣсь хорошенькія дѣвушки, и я былъ бы радъ отдохнуть здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ. Кстати, вы, Стоббъ, не видали еще этихъ красотокъ?

— Видѣлъ какъ онѣ прогуливались въ саду. Одна изъ нихъ дочь хозяина, другая—племянница.

— Которую же изъ двухъ выберете вы?—спросилъ капитанъ.

— Маленькую, племянницу.

— Вотъ это хорошо, потому что мой предметъ—очаровательная Мэри, и, такимъ образомъ, мы съ вами не столкнемся.

А то была бы дуэль. Однако, [illegible]
впечатлѣніе вчерашняго скандала. Я [illegible]
выйти еще не могу. Пойдите, Стоббсъ [illegible]
извинитесь отъ моего имени. Скажите [illegible]
или еще что-нибудь, но во всякомъ [illegible]
снискать расположеніе баронета. Имѣй [illegible]
наши отношенія будутъ очень натянуты [illegible]
шимся общества барышенъ. А можетъ даже случится, что онъ увезетъ ихъ отсюда совсѣмъ.

— Сейчасъ же пойду отыскивать баронета,—произнесъ встревоженный словами капитана Стоббсъ.

— Вѣроятно вы найдете его въ библіотекѣ. Деревенская аристократія встаетъ рано, а баронетъ кажется человѣкъ ученый и любитель книгъ.

— Иду, иду,—сказалъ поручикъ, и вышелъ изъ комнаты.

Скартъ остался одинъ и глубоко задумался. Онъ не на шутку увлекся прелестной Мэри Уадъ. При иныхъ обстоятельствахъ онъ не задумался бы начать свое ухаживанье съ твердой увѣренностью въ успѣхѣ. Красивый и видный мужчина, онъ зналъ, что нравится женщинамъ и былъ достаточно самоувѣренъ. Но вчерашняя неудачная дуэль испортила все дѣло!

— Проклятый Черный всадникъ!—думалъ онъ.—Еслибъ я могъ предвидѣть, что встрѣчу здѣсь Мэри, я не затѣвалъ бы этой дурацкой ссоры. Что дѣлать! Кажется, однако, что Гольтенoръ не знакомъ съ баронетомъ. Къ тому же, возможно, что онъ женатъ. Но зачѣмъ тогда онъ носитъ на своей шляпѣ бѣлую перчатку? Вѣдь это считается залогомъ любви!.... И капитанъ взволнованно заходилъ по комнатѣ. Вдругъ онъ замѣтилъ на маленькомъ столикѣ бѣлую перчатку. Перчатка была женская—въ этомъ не могло быть сомнѣній. Она обшита была кружевами, и на ней прикрѣплена была золотая кисточка. Вглядѣвшись въ свою находку, Скартъ узналъ въ ней пару той самой перчатки, которую онъ видѣлъ на шляпѣ Гарри. Онъ хорошо запомнилъ ее видъ.

— Это пара!—воскликнулъ онъ.—Но какъ могло случиться, что одна перчатка здѣсь, а другая—у него на шляпѣ. Неужели этотъ Гальтенoръ мой соперникъ?

Скартъ долго разглядывалъ найденную имъ перчатку, потомъ засунулъ ее въ карманъ и вновь задумчиво зашагалъ по комнатѣ.

XXI.

Когда Мэри и Лора показались къ обѣду въ столовой, онѣ встрѣтили тамъ обоихъ офицеровъ, которые были изъ вѣжливости приглашены къ семейной трапезѣ.

Фальшивое положеніе, въ которое ставилъ баронета приказъ короля, заставлялъ его поступать такъ, хотя въ его отношеніи къ офицерамъ чувствовалась холодность и натянутость.

Капитанъ Скартъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы казаться любезнымъ, чтобы загладить впечатлѣніе отъ приказа короля, который дѣлалъ его и Стоббса незванными гостями въ домѣ. Онъ пытался даже посмѣиваться надъ распоряженіемъ короля. Но всѣ его старанія пропали даромъ. Сэръ Мермедукъ относился къ словамъ капитана холодно и недовѣрчиво, а Мэри или молчала или ограничивалась короткими отвѣтами въ вѣжливомъ, но безразличномъ тонѣ.

Поручикъ Стоббсъ былъ вообще менѣе разговорчивъ чѣмъ его товарищъ, но и онъ испытывалъ себя не особенно ловко. Лора была исключительно занята своимъ кузеномъ.

Немедленно по окончаніи обѣда обѣ дѣвушки удалились. Ушелъ вскорѣ подъ какимъ-то предлогомъ и сэръ Мермедукъ, такъ что офицеры остались за столомъ съ однимъ Вальтеромъ.

Между тѣмъ, вернувшись въ свою комнату, Мэри подошла къ окну и стала глядѣть на дорогу, ведущую къ замку.

— Пріѣдетъ или не пріѣдетъ?—загадывала молодая дѣвушка. Вальтеръ мнѣ сказалъ, что Гольтеноръ долженъ видѣться съ отцомъ по какимъ-то политическимъ дѣламъ. Очевидно онъ на сторонѣ народа а не двора, хотя я увѣрена что онъ знатнаго рода. Но это только возвышаетъ его въ моихъ глазахъ. Вчерашній праздникъ однако огорчилъ меня. Какъ это онъ могъ съ улыбкой принять цвѣты, которые поднесла ему эта Бетси? А вдругъ, вмѣсто моей перчатки, на его шляпѣ окажутся эти цвѣты? Я буду въ отчаяніи. И при одной мысли объ этомъ, Мэри поблѣднѣла. Въ это время открылись ворота и на аллеѣ показался всадникъ.

— Онъ! онъ!—вырвалось у дѣвушки.

И она впилась глазами въ его шляпу. Бѣлая перчатка была на мѣстѣ.

— Значитъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, любитъ меня!—Между тѣмъ Гарри въѣхалъ во дворъ замка, слѣзъ съ лошади и во-

въ домъ. Очевидно онъ направился къ сэру Мермедуку, который находился въ библіотекѣ.

Проводивъ глазами вошедшаго въ подъѣздъ Гольтенора, Мэри задумалась. Удастся ли ей увидѣть его? Вчера она успѣла сказать ему лишь два слова. Но сегодня онъ гость, и они могли бы разговаривать совершенно свободно!

— Чтобы обратить вниманіе, я заткну себѣ за поясъ оставшуюся отъ той пары перчатку.

Мэри принялась искать перчатку, но нигдѣ не могла ее найти, и это ей показалось дурнымъ знакомъ. Боясь, чтобы Гольтеноръ не уѣхалъ не повидавшись съ ней, она рѣшила пойти въ паркъ, гдѣ Лора гуляла съ ея братомъ.

— Проѣзжая на обратномъ пути черезъ паркъ,—подумала она,—Гольтеноръ непремѣнно встрѣтитъ меня.

Молодая дѣвушка поспѣшила надѣть шляпу и спустилась въ паркъ. Найти, однако, Лору и Вальтера ей не удалось. Напрасно проискавъ ихъ она медленнымъ шагомъ пошла къ воротамъ, черезъ которыя долженъ былъ выѣхать Черный всадникъ. Едва она успѣла дойти до воротъ, какъ показался Гольтеноръ. Наступили уже сумерки, и онъ не сразу призналъ дѣвушку.

— Миссъ Мэри Уадъ!—воскликнулъ онъ, наконецъ узнавъ ее.

Дѣвушка молчала.

— Простите, если я помѣшалъ вашей прогулкѣ,—опять заговорилъ Гарри,—но я давно уже искалъ случая поговорить съ вами.

— Вы были у папы?—спросила Мэри.

— Да, у меня было дѣло къ нему.

— Надѣюсь, васъ не ранилъ вчера этотъ офицеръ?

— О, нѣтъ! Благодарю васъ за участіе.

— Ну, что мое участіе? Вы были награждены цвѣтами изъ рукъ красавицы!

— Ахъ, этой хорошенькой крестьянкой!—замѣтилъ добродушно Гарри.—Впрочемъ, мнѣ не столько хотѣлось отомстить за ея честь, сколько наказать нахала. Еслибъ вы не напомнили о ней, я и не вспомнилъ бы ее.

Глаза Мэри блеснули радостью.

— Хорошо же вы помните благодарность красавицы! замѣтила, улыбнувшись, Мэри.

— Но вѣдь я и не за нее поднялъ перчатку!—отвѣтилъ Гарри.

Эти слова прозвучали для Мэри, как прелестная музыка. Невольно она подняла глаза на шляпу чернаго всадника.

Наступила неловкая пауза. Наконецъ, первымъ заговорилъ Гольтенорь.

— Скажите,—началъ онъ—имѣю-ли я право не возвратить вещь, которую я случайно нашелъ?—И Гарри показалъ рукой на прикрѣпленную къ его шляпѣ перчатку.

Отъ волненія и радости Мэри не знала, что отвѣтить.

— Эта находка,—продолжалъ Черный всадникъ,—останется лучшимъ воспоминаніемъ моей жизни, а, между тѣмъ приличіе требуетъ, чтобы я вернулъ ее той, которая ее потеряла. Я могу оставить ее у себя только съ ея разрѣшенія.

— Оставьте ее себѣ,—съ радостью и поспѣшно отвѣтила дѣвушка.

— Въ такомъ случаѣ, миссъ Мэри, отвѣтьте мнѣ еще на одинъ вопросъ, но только правду.

— Даю вамъ слово.

— Вы нечаянно обронили эту перчатку или нарочно?

Гарри тщетно старался прочесть въ глазахъ дѣвушки страстно ожидаемый имъ отвѣтъ. Глаза Мэри были опущены. Только яркій румянецъ залившій ея лицо выдавалъ ее.

— Миссъ Мэри! Помните, вы дали слово сказать мнѣ правду!

— Съ намѣреніемъ,—почти шепотомъ произнесла Мэри, дрожа отъ волненія и робко поднявъ на Гарри свои прелестные глаза.

Гольтенорь въ одинъ мигъ соскочилъ съ лошади и приблизился къ дѣвушкѣ....

XXII.

Рѣшительно никто не видѣлъ этой встрѣчи двухъ влюбленныхъ, никто не слышалъ, что они говорили другъ другу, но когда они разставались, ревнивый Скартъ замѣтилъ ихъ. Ища предлога встрѣтиться съ Мэри и Лорой, онъ какъ разъ въ этотъ-же вечеръ спустился въ паркъ и разгуливалъ по его аллеямъ. Послѣ безплодныхъ поисковъ, онъ хотѣлъ уже вернуться домой, какъ вдругъ увидалъ лошадь Гарри. Онъ сразу узналъ ее.

— Господи!—воскликнулъ онъ,—да вѣдь это лошадь Гольтенора! Что онъ можетъ дѣлать здѣсь, въ паркѣ сэра Мермедука?

И Скартъ быстро пошелъ, прячась за кусты, къ лошади. Когда онъ добрался до нея, онъ увидѣлъ, какъ Гарри садился въ сѣдло. Въ ту же минуту мимо него промелькнула въ кустахъ женская фигура въ широкополой шляпѣ.

— Да это Мэри!—произнесъ капитанъ, сгорая отъ ревности.—Значитъ онъ былъ на свиданіи! Проклятіе!

Какъ ни былъ храбръ Скартъ, но чувство благоразумія удержало его отъ перваго порыва: броситься и заколоть своего соперника. Онъ уже два раза испыталъ силу этого человѣка и его ловкость владѣть шпагой, а, кромѣ того, рука его была все еще на перевязи.

Что касается Мэри, то онъ не зналъ, какъ поступить по отношенію къ ней,—подойти, или незамѣтно скрыться. Съ одной стороны, онъ боялся, что неожиданное его появленіе можетъ возбудить въ дѣвушкѣ подозрѣніе, но съ другой—отпустить ее, не воспользовавшись случаемъ поговорить съ ней, было выше его силъ. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ, наконецъ, рѣшился подойти и, придавъ своему лицу беззаботность, догналъ Мэри и поклонился ей.

— Неужели, миссъ, вы не боитесь гулять такъ поздно однѣ у большой дороги? По словамъ сэра Вальтера она кишитъ разбойниками.

— Съ тѣхъ поръ, какъ въ замкѣ поселился капитанъ со своими кирасирами мы перестали бояться кого-бы то ни было.

— Благодарю за комплиментъ. Если мое пребываніе у васъ можетъ быть полезно хоть съ этой стороны, то мнѣ легче будетъ перенести сознаніе, что я здѣсь по приказанію короля.

— Извиняться излишне, капитанъ.

— Но поймите, миссъ, мое фальшивое положеніе! Еслибъ я могъ уѣхать, не ослушавшись королевскаго приказа, я съ радостью отказался бы отъ удовольствія, которое мнѣ доставляетъ мое пребываніе здѣсь.

— Вотъ какъ! Обязанности къ королю выше всего?

— Для офицера, да.

— Можетъ быть, во Франціи или во Фландріи, но не въ Англіи. По крайней мѣрѣ, въ моихъ глазахъ, да, вѣроятно, и всякой другой англичанки существуютъ и другія обяза-

сти. Развѣ вы не слышали, напримѣръ, объ обязанностяхъ по отношенію къ народу, или, если хотите, къ государству?

— Политическое убѣжденіе Ричарда Скарта выражается тремя словами: Государство—это король!

— Это было когда-то, но не теперь. Времена и убѣжденія мѣняются. Я увѣрена, что имена Питта, Вана, Кромвеля, Гемпдена и Гольт...

Капитанъ прервалъ ее.

— Однако какъ вы неосторожны, миссъ Уадъ! Отъ вашихъ словъ пахнетъ бунтомъ. Знаете, еслибъ я слѣпо слѣдовалъ присягѣ, то долженъ былъ бы арестовать васъ.

— Ахъ, въ такомъ случаѣ ваше общество не безопасно, и я покидаю васъ. Прощайте, капитанъ.

И высокомѣрно поглядѣвъ на смущеннаго Скарта, Мэри быстро пошла къ замку.

XXIII.

Когда Гарри подъѣзжалъ къ гостинницѣ «Турецкая Голова», которая находилась на половинѣ пути отъ Оксбриджа до рѣки Кольнъ, въ ней уже собралось около сотни человѣкъ. Все это были люди изъ народа, рабочіе, ремесленники, мелкіе торговцы.

Что они дѣлали тутъ? Почему всѣ они были въ какой-то тревогѣ, говорили шепотомъ? Почему волновался хозяинъ «Турецкой головы», здоровякъ Жерви? Зачѣмъ пріѣхалъ сюда Гольтеноръ? На всѣ эти вопросы отвѣтить очень легко. Гостинница «Турецкая голова» и была мѣстомъ народныхъ сходокъ, подготовлявшихъ нападеніе Карла 1-го.

Пріѣздъ Гольтенора вызвалъ всеобщій интересъ.

— Черный всадникъ! Черный всадникъ!—передавали быстро другъ другу расположившіеся въ большой залѣ «Турецкой головы» члены сходки. Когда Гарри вошелъ въ залу, его встрѣтили горячія привѣтствія и его тотчасъ же избрали предсѣдателемъ сходки. Начались дебаты объ угнетеніи народа, о несправедливыхъ налогахъ, о казняхъ. Говорили горячо, убѣжденно.

— Вотъ честный народъ,—думалъ Гарри, возвращаясь съ этой сходки уже подъ вечеръ къ себѣ домой, въ Стонъ-Динъ.— Съ этими пуританами дѣло освобожденія народа будетъ доведено до конца.

Проѣзжая подъ букомъ, гдѣ Мэри уронила перчатку, онъ остановилъ лошадь и предался мечтамъ. Пламенный патріотъ превратился на минуту въ не менѣе пламеннаго влюбленнаго.

Если-бы капитанъ Скартъ зналъ въ эту минуту, откуда ѣхалъ Гольтеноръ, а Мэри знала бы, что любовь къ ней Гарри можетъ заставить его забыть политическія обязанности!...

XXIV.

Дикъ Денсей жилъ въ лѣсу, въ жалкой хижинѣ, съ самой простой и грубой мебелью.

Нѣсколько дней спустя послѣ праздника въ паркѣ сэра Мермедука дровосѣкъ съ дочерью Бетси сидѣли въ этой хижинѣ за ужиномъ.

— Былъ кто-нибудь безъ меня?—спросилъ Денсей.

— Приходилъ два раза солдатъ изъ замка.

— Чортъ съ нимъ. И чего они шатаются!

— Онъ сказалъ, что ему нужно видѣть васъ.

— Меня? Не тебя ли?—И дровосѣкъ подозрительно взглянулъ на дочь.

— Я передаю вамъ то, что онъ сказалъ. Онъ приходилъ отъ капитана.

— Отъ капитана? Что же ему нужно этому капитану?

— Я не знаю

— Онъ спрашивалъ тебя о чемъ-нибудь?

— Да, знаю ли я сэра Гольтенора, и гдѣ онъ живетъ?

— Ну, и ты сказала?

— Сказала, что вы его знаете, а что живетъ онъ въ Стонъ-Динѣ.

— А Вилль былъ?

— Былъ тогда же, когда приходилъ солдатъ. И они съ нимъ поссорились.

— Изъ за чего же?

— Должно быть изъ за меня. Вилль не можетъ равнодушно слышать, если какой-нибудь мужчина заговоритъ со мной. И я скажу вамъ, отецъ, что я не въ силахъ больше терпѣть это. Какое право имѣетъ онъ слѣдить за мной?

— Ну, это ты ошибаешься. Онъ имѣетъ право слѣдить за тобой, потому что онъ твой другъ. И совѣтую тебѣ быть съ нимъ повѣжливѣе, иначе онъ найдетъ себѣ жену въ другомъ мѣстѣ.

Бетси ничего не отвѣтила, такъ какъ подобные разговоры уже много разъ приводили къ разногласіямъ съ отцомъ и ни къ чему больше.

— Смотри же, помни мои слова. Ну, а теперь дай мнѣ шля-

пу и палку. Я пойду въ Стонъ-Динъ. Если же я разойдусь съ Гольтеноромъ и онъ зайдетъ сюда, задержи его. И, выйдя съ этими словами изъ хижины, Дикъ зашагалъ въ Стонъ-Динъ.

Какъ только онъ скрылся изъ глазъ, Бетси побѣжала за перегородку, гдѣ она спала, причесала волосы и надѣла новый корсажъ.

— Хорошо, что отецъ сказалъ о его пріѣздѣ, а то онъ засталъ бы меня непричесанной и въ старыхъ тряпкахъ. Ахъ, лаетъ собака! Значитъ онъ!... И она бросилась открывать дверь. Каково же было ея разочарованіе, когда она увидѣла Вилля Уифорда.

— Здравствуй,—сказалъ онъ, неловко кланяясь ей.—Ужъ не ждала ли ты меня, что разодѣлась?

— Вы отлично знаете, что я никогда не жду васъ и никогда не бываю рада вамъ.

— Знаю, но развѣ я не могъ придти къ твоему отцу?

— Его нѣтъ.

— Куда же онъ ушелъ?

— Въ Стонъ-Динъ. Если вы поспѣшите, то нагоните его.

— Ну, мнѣ не къ спѣху. Подожду, и воспользуюсь случаемъ. Ты, очевидно, ждешь кого-нибудь! Меня не обманешь. Но такъ какъ я знаю, что ты не очень разборчива въ выборѣ ухаживателей, то не знаю только, кого именно ты ждешь: солдата ли, который уже приходилъ сюда, или кавалера изъ Стонъ-Дина? Надо сказать тебѣ, что твой нарядъ мнѣ совсѣмъ не нравится.

— Вилль!—воскликнула дѣвушка.—Вы не имѣете права оскорблять меня. Уходите!

— Уйду, только скажу два слова. Ты знаешь, Бетси, что я люблю тебя... Вчера отецъ далъ мнѣ свое согласіе...

— Вотъ какъ!—замѣтила Бетси.—Безъ моего согласія! Такъ знайте же, Вилль Уифордъ, что никогда, никогда я не буду вашей женой!

— Проклятіе!—произнесъ дровосѣкъ, махая топоромъ.—Но знай-же и ты, Бетси, что если ты выйдешь за другого, я убью и его, и тебя.

— Уходите, постылый,—и стыдитесь, что грозите беззащитной дѣвушкѣ! И Бетси бросилась въ хижину, закрывъ на засовъ дверь.

— Измѣнница! Я убью ее,—проворчалъ Вилль и скрылся въ лѣсу.

— Слава Богу, ушелъ,—съ облегченіемъ произнесла Бетси. А Гарри? Пріѣдетъ ли онъ?...

И она задумалась о своей любви.

Вдругъ опять залаяла собака.

— Неужели опять Вилль?

И дѣвушка выглянула въ окно. Лицо ея освѣтилось радостью. Это былъ Гольтенoръ. Бетси едва успѣла открыть дверь, какъ онъ уже входилъ въ хижину.

XXV.

Капитанъ Скартъ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ, прихлебывая изъ стоявшаго передъ нимъ стакана вино, думалъ о томъ, какіе шаги предпринять, чтобы его ухаживанье за Мэри имѣло успѣхъ. Онъ видѣлъ всю затруднительность своего положенія и зналъ, что Мэри равнодушна къ нему; онъ понималъ свое фальшивое положеніе въ замкѣ, гдѣ его избѣгали, какъ непрошеннаго гостя, наконецъ, онъ сознавалъ, что у него есть соперникъ. Но, разсчитывая на свое лукавство, капитанъ, все-же не терялъ надежды. Первое и самое главное было уничтожить соперника. Но какъ? Вотъ именно этотъ вопросъ его и занималъ больше всего. Онъ уже придумалъ планъ, сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія и теперь ждалъ результатовъ. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы войти въ довѣріе Дика Денсея и Вилля Уифорда, съ которыми, какъ онъ слышалъ, Гольтенoръ имѣлъ дѣла. Онъ узналъ, гдѣ они живутъ, и рѣшилъ на слѣдующій день ѣхать къ нимъ и подкупить ихъ, надѣясь такимъ путемъ вывѣдать какіе-нибудь факты, которые могли бы скомпрометировать Гарри.

Вдругъ въ дверь раздался стукъ. Это былъ курьеръ съ депешей, которая гласила буквально слѣдующее: «Его Величество Король, капитану Скарту, начальнику кирасировъ въ графствѣ Боккингемскомъ.

«Сверхъ прежнихъ нашихъ приказаній, предписываемъ капитану Скарту набрать въ графствѣ столько рекрутъ, сколько ихъ окажется. Кромѣ того, узнавъ, что въ графствѣ устраиваются митинги, Его Величество приказываетъ капитану Скарту открыть и арестовать ихъ участниковъ для представленія виновныхъ въ Звѣздную палату на судъ, который приговоритъ ихъ къ должному возмездію.

Karolus Rex»

— Нечего сказать, пріятное порученіе! Быть шпіономъ. Нѣтъ, я хоть и солдатъ, а такимъ ремесломъ заниматься не стану. Вотъ охота бѣгать по трактирамъ и выслѣживать всякихъ мужиковъ! Однако, я прочелъ не все. Тутъ есть еще и приписка.—И капитанъ вновь принялся за чтеніе. Въ припискѣ предписывалось наблюдать за агитаціей, которую велъ въ краѣ Гольтеноръ и, въ случаѣ серьезныхъ уликъ, арестовать его и отправить въ Звѣздную палату.

— Вотъ это шпіонство мнѣ нравится и мнѣ остается только поблагодарить Его Величество за это порученіе!—воскликнулъ съ радостью только-что передъ тѣмъ возмущавшійся капитанъ.—Ну, мистеръ Гольтеноръ, теперь берегитесь! Я и раньше думалъ, что вы революціонеръ, а теперь я въ этомъ почти увѣренъ Только бы собрать доказательства! Впрочемъ, Звѣздная палата удовольствуется весьма малымъ. Это превосходное судилище!

Произнеся эти цѣническія слова, капитанъ, точно сгорая отъ нетерпѣнія скорѣе приступить къ возложенному на него порученію, всталъ и быстро вышелъ изъ своей комнаты

XXVI.

Мы покинули Бетси въ тотъ моментъ, когда въ хижину ея отца вошелъ Гарри. Дѣвушка и не подозрѣвала, что за ней слѣдитъ Вилль Уифордъ. Между тѣмъ, послѣдній, разставшись съ Бетси, не ушелъ, а только спрятался въ лѣсу. Вскорѣ онъ замѣтилъ Гарри Гольтенора, который приближался къ хижинѣ. Увидя, какъ послѣдній вошелъ къ Бетси, Вилль хотѣлъ броситься за нимъ и убить, какъ его, такъ и Бетси, но въ это время на дорогѣ показался Дикъ Денсей, и ревнивый дровосѣкъ принужденъ былъ отложить свою месть до другого раза. Угрюмый онъ поплелся домой.

Хижина Вилля была еще беднѣе, чѣмъ жилище Денсея. Несмотря на это, онъ слылъ за человѣка денежнаго, такъ какъ всегда хорошо платилъ, хорошо одѣвался и не стѣснялся тратами на костюмъ для деревенскихъ праздниковъ. Онъ и слылъ за хорошаго жениха, и поэтому хотѣлъ выдать за него свою дочь Денсей. Съ своей стороны Вилль Уифордъ не могъ простить Бетси, что она пренебрегаетъ имъ. Придя домой, Вилль швырнулъ топоръ въ уголъ и сѣлъ за столъ.

— И зачѣмъ ему эта Бетси?—думалъ Вилль про Гарри.—

Онъ можетъ ухаживать за знатными дамами. У него шляпа съ перьями, дорогое платье и прекрасная лошадь. И зачѣмъ онъ вообще появился у насъ въ краѣ? По ночамъ у него собираются какіе-то люди. Развѣ это не подозрительно? Надо будетъ узнать это. Вѣроятно, капитанъ присылалъ ко мнѣ тоже изъ-за подозрѣній относительно этого Гольтенора. Еслибъ онъ хотѣлъ отомстить мнѣ за арбалетъ, ему не зачѣмъ было бы присылать за мной. Что я за птица? Меня можно пристрѣлить и въ лѣсу. Нѣтъ, онъ очевидно хочетъ выпытать отъ меня какія-нибудь свѣдѣнія о Гольтенорѣ. Онъ тоже его не любитъ! Что жъ? Если онъ ненавидитъ его такъ же, какъ я, то вдвоемъ намъ не трудно будетъ отправить его на тотъ свѣтъ... Видно, придется мнѣ сходить къ капитану...

Размышленія Вилля были прерваны голосомъ какого-то человѣка, который входилъ въ хижину.

— Здорово пріятель!—произнесъ входившій.

Это былъ капитанъ Скартъ. Онъ продолжалъ: —Надѣюсь, вы извинили меня за мою шалость на праздникѣ. Что до меня, то я люблю храбрость и не только не сердитъ на васъ, но захватилъ даже съ собою бытылку вина, чтобы распить ее съ вами.—Говоря это, капитанъ откупорилъ металлическую фляжку, которая висѣла у него черезъ плечо.

Вилль, видимо, былъ очень польщенъ любезностью офицера и его простымъ тономъ. Онъ немедленно пригласилъ гостя занять мѣсто за столомъ, досталъ стаканы и наполнилъ ихъ виномъ.

— Видите ли,—сказалъ Скартъ, возвращаясь къ инциденту на праздникѣ,—мы съ поручикомъ хлебнули тогда лишнее. Ну, а при этихъ условіяхъ легко и глупость сдѣлать. Къ тому же ваша Бетси дѣвушка дѣйствительно красивая.

— Не дурна, да,—отвѣтилъ дровосѣкъ, довольный тѣмъ, что хвалили Бетси.

— Счастливый вы, малый, скоро будете мужемъ этой красавицы! Только запретите тогда вашей женѣ подносить цвѣты мужчинамъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ Вилль.

— Да только то, что я и другіе были очень удивлены, что цвѣты были поднесены не вамъ, который первымъ заступился за дѣвушку, а другому.

— Чортъ возьми, вы правы! Дѣйствите[illegible] никъ получилъ то, что слѣдовало мнѣ...

— Несомнѣнно. Этотъ франтъ вмѣшался въ чужое дѣло. Онъ хотѣлъ, очевидно, понравиться дѣвушкѣ. Я сразу понялъ это тогда же, а теперь имѣю основаніе сказать, что я не ошибся.

— Вы узнали что-нибудь?—спросилъ взволнованнымъ тономъ Вилль. Ради Бога, скажите, что вы знаете про Бетси и Гольтенора, скажите... и я клянусь...

— Я скажу вамъ рѣшительно все, что знаю самъ, но, чтобы быть увѣреннымъ, что я не ошибся, я долженъ знать, кто такой этотъ Черный всадникъ. Прежде всего, гдѣ онъ живетъ?

— Очень близко отсюда, въ Стонъ-Динѣ.

— У него кто-нибудь бываетъ?

— Днемъ нѣтъ, но ночью...

— Такъ вотъ что! Къ нему собираются по ночамъ? Вы знаете это навѣрное?

— Да.

— Но кто-же эти посѣтители?

— Я никого изъ нихъ не знаю. Все это пріѣзжіе. Да вотъ въ ближайшее воскресенье у него будетъ сходка. Мнѣ извѣстно это, потому что я разносилъ письма.

— Въ которомъ же часу это будетъ?

— Въ полночь, капитанъ.

— Навѣрное?

— Да. Мы съ товарищемъ Денсеемъ наняты даже принимать лошадей пріѣзжихъ, такъ какъ всѣ они пріѣдутъ безъ слугъ. Но что вы хотѣли мнѣ сказать, капитанъ, про Бетси? Если только онъ соблазнилъ ее, я его убью! Пускай меня потомъ вѣшаютъ...

— Видите ли, сказалъ капитанъ, мнѣ сообщили, что видѣли Бетси съ Гольтеноромъ въ лѣсу ночью.

— Когда же это было?

— Въ ночь праздника, что ли... нѣтъ, на другой день.

— Измѣнница! Это какъ разъ было въ тотъ день, когда я разносилъ письма...

— Мнѣ не говорили, что съ Бетси былъ именно Черный всадникъ, но я думаю, что это онъ, такъ какъ одѣтъ былъ кавалеръ въ бархатѣ, а на головѣ у него была шляпа съ перомъ. Къ тому-же ихъ видѣли недалеко отъ Стонъ-Дина.

— О! Измѣнница! Я убью ихъ обоихъ.

— [illegible] же обоихъ! Можетъ быть онъ и не соблазнилъ [illegible]

ее. Вы должны наказать только его, и, если хотите, я могу вамъ устроить это, если только то, что вы сказали, правда.

— Если вы поможете мнѣ капитанъ, я буду благодаренъ вамъ до смерти.

— Это очень легко. Имѣйте только терпѣніе до вечера. Передъ заходомъ солнца я буду опять у васъ, и мы условимся. Только держите наше свиданіе въ тайнѣ.

Съ этими словами капитанъ распрощался съ Уифордомъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ обратно къ замку.

XXVII.

Была какъ разъ полночь воскресенья. На дворѣ завывала буря. Мэри Уадъ и Лора еще не спали. Онѣ сидѣли у окна и повѣряли одна другой сердечныя тайны, какъ вдругъ до ихъ слуха донесся конскій топотъ. Обѣ дѣвушки выглянули въ окно: по аллеѣ ѣхали капитанъ Скартъ и поручикъ Стоббсъ.

Когда офицеры выѣхали изъ парка, къ нимъ присоединилось человѣкъ 20 кирасиръ. Всѣ эти люди поскакали къ Стонъ-Дину. Оставивъ солдатъ вблизи дома Гарри, но скрытыми, капитанъ и поручикъ, закутанные въ плащи, въѣхали въ ворота. Отдавъ лошадей грумамъ, которыхъ роль исполняли Денсей, Грегори и Уифордъ, оба офицера не пошли, однако въ подъѣздъ, а руководимые Уифордомъ обошли домъ и зашли за его заднюю стѣну.

— Идемте скорѣе,—шепотомъ произнесъ Уифордъ,—время дорого.

Онъ ввелъ обоихъ офицеровъ въ темный проходъ, а затѣмъ въ небольшую комнату, запыленное окно которой выходило въ главный залъ, гдѣ должна была состояться сходка.

— Здѣсь намъ будетъ отлично,—сказалъ Скартъ, обращаясь къ поручику.—Слышите? Они уже говорятъ. Оставь насъ Вилль и вернись черезъ двадцать минутъ.

Какъ только дровосѣкъ вышелъ, капитанъ заперъ дверь, прочистилъ на окнѣ небольшое пространство, чтобы можно было слѣдить кто говоритъ, и сталъ слушать. Уже черезъ нѣсколько минутъ ему стало ясно, что онъ попалъ на революціонное собраніе. Въ залѣ сидѣло и стояло свыше двадцати человѣкъ. Трое или четверо изъ нихъ поочередно выступали ораторами. Скартъ очень досадовалъ, что онъ почти никого изъ нихъ не зналъ. Онъ даже и не подозрѣвалъ, что слышалъ одного изъ благороднѣй-

шихъ патріотовъ Англіи—Джона Гемпдена. Послѣ Гемпдена говорилъ будущій краснорѣчивый обличитель Стаффорта. Наконецъ, заговорилъ и хозяинъ дома—Гарри Гольтеноръ. Его рѣчь не отличалась по своему краснорѣчію отъ другихъ рѣчей, но поражала своею пылкостью и страстностью. Онъ избѣгалъ многословія и шелъ прямо къ цѣли, призывая къ государственному перевороту. Когда онъ умолкъ въ залѣ раздался громъ аплодисментовъ.

— Ну, мы слышали болѣе, чѣмъ достаточно, Стоббсъ. Надо уходить. Оставаться дольше опасно. Но что это? Я слышу знакомый голосъ!

Капитанъ опять приникъ къ стеклу. Каково же было его удивленіе, когда глазамъ его представилась знакомая фигура сэра Мермедука Уада. Дѣйствительно, говорившій ораторъ былъ никто иной, какъ баронетъ. Хотя его рѣчь и не отличалась краснорѣчіемъ и была очень короткой, тѣмъ не менѣе онъ сказалъ болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы его могли обвинить въ государственной измѣнѣ.

Скартъ быстро сообразилъ всѣ выгоды, которыя могли принести ему въ его несчастномъ ухаживаніи за Мэри видѣнная имъ сцена, и сердце его наполнилось нехорошей радостью, а въ умѣ мелькнула мысль о возможности шантажа.

— Теперь, идемъ, Стоббсъ—шепнулъ онъ поручику.—И оба офицера осторожно, точно воры, выбрались изъ замка.

— Если только Уифорду удастся подвести намъ незамѣтно лошадей, то наше дѣло выиграно,—сказалъ капитанъ.

Дровосѣкъ уже ждалъ ихъ подъ тѣнью дерева. Шпіоны поспѣшили вскочить на лошадей и довольные, что никто ихъ не замѣтилъ, присоединились черезъ нѣсколько минутъ къ поджидавшимъ ихъ кирасирамъ.

XXVIII

Когда миновала уже всякая опасность, и отрядъ спокойно двигался къ замку сэра Мермедуку, Скартъ заговорилъ снова.

— А хорошо бы было, поручикъ, еслибъ мы могли накрыть сразу всю эту шайку! Какъ вы думаете?

— Превосходно, капитанъ.

— Меня бы произвели въ полковники, а васъ въ капитаны!

— Такъ и накроемъ ихъ сейчасъ.

— Опасно, у насъ мало людей. Завтра, во всякомъ случаѣ, я арестую Гольтенора.

— Ну, а что мы сдѣлаемъ съ сэромъ Мермедукомъ?—спросилъ поручикъ. Вѣдь вы теперь можете арестовать и его?

— Когда мнѣ будетъ угодно. Но вотъ что, Стоббсъ. Я обѣщаю вамъ выхлопотать у королевы чинъ, но о сегодняшнемъ нашемъ приключеніи вы должны молчать, пока я найду нужнымъ. Слышите?

— Никому не скажу ни слова, капитанъ.

— Такъ помните, поручикъ, если вы сдержите ваше обѣщаніе вы будете капитаномъ. Особенно берегитесь проронить хоть одно неосторожное слово сэру Мермедуку. Сказавъ это, капитанъ замолчалъ и сталъ строить планы, какъ онъ унизитъ сэра Мермедука и какъ заставитъ его подъ страхомъ висѣлицы склонить Мэри къ выходу замужъ за него.

Когда отрядъ въѣхалъ въ паркъ Больстрадскаго замка, капитану, взглянувшему на окно Мэри, показалось, что въ немъ мелькнула фигура молодой дѣвушки. Скартъ остановился и сталъ ждать, не покажется ли она опять. Но видѣніе скрылось.

— Должно быть, мнѣ показалось,—подумалъ онъ. Но онъ не ошибся. Мери дѣйствительно стояла у окна, когда капитанъ въѣзжалъ въ паркъ. Она много разъ подходила къ окну. Увидѣвъ ночью выѣзжавшихъ офицеровъ, Мэри невольно подумала объ опасности, которая могла угрожать Гарри, и уже не могла больше заснуть; она ждала возвращенія кирасиръ

— Слава Богу, они одни,—сказала она съ облегченіемъ, увидѣвъ ихъ.—Значитъ, Гольтенoръ невредимъ.—Только послѣ этого Мэри, наконецъ, заснула.

Что касается капитана, то онъ въ эту ночь не спалъ совсѣмъ. Къ разсвѣту онъ приказалъ приготовиться 30 кирасирамъ, чтобы ѣхать арестовывать Гарри. И эта мысль не давала ему уснуть.

— Подожди, не долго разгуливать тебѣ на свободѣ,—думалъ онъ.—Сегодня же я привезу тебя передъ окна Мэри связаннымъ арестантомъ...

И радость низкаго мщенія такъ взволновала капитана, что онъ вскочилъ съ постели.

— Но какъ показать его ей? Въ шляпѣ съ бѣлой перчаткой или съ обнаженной головой? Нѣтъ, ни то ни другое. Первое было бы глупой издѣвкой, а второе можетъ вызвать въ ней особенное сочувствіе къ его униженію. Я придумалъ лучше! Онъ явится ей

на глаза въ шляпѣ, но не съ бѣлой перчаткой на ней, а съ букетомъ такихъ цвѣтовъ, какіе поднесла ему Бетси. Какая ревность заговоритъ въ ней, когда она увидитъ эти цвѣты! Да она сразу-же возненавидитъ его! А я воспользуюсь этимъ...

Въ это время въ коридорѣ раздались шаги. и въ комнату вошелъ поручикъ Стоббсъ.

— Люди готовы, капитанъ.

— Хорошо, ѣдемъ.

Офицеры вышли изъ замка, осторожно сѣли на лошадей и шагомъ, стараясь не производить шума, выѣхали на большую дорогу, ведущую къ Стонъ-Дину. За ними слѣдовали 30 человѣкъ вооруженныхъ кирасиръ.

XXIX.

По разъѣздѣ своихъ ночныхъ гостей Гольтенорь отправился въ свою библіотеку: ему нужно было написать нѣсколько спѣшныхъ и важныхъ писемъ. Только онъ и Оріоль и не спали во всемъ домѣ. Грегори Гартъ завалился на кухнѣ спать, а Денсей ушелъ домой.

Въ то время, какъ Гольтенорь писалъ, Оріоль ходилъ по двору и разсматривалъ лошадиные слѣды. Идя по этимъ слѣдамъ, онъ обогнулъ весь домъ и достигъ задняго крыльца. Къ удивленію его дверь оказалась тутъ не запертой. Странные слѣды шедшіе за домъ и отворенная дверь возбудили въ Оріолѣ подозрѣніе. Онъ вошелъ въ домъ и, пройдя темнымъ переходомъ, очутился въ той самой маленькой комнатѣ, въ которой шпіонили Скартъ и поручикъ Стоббсъ. Индѣецъ сразу замѣтилъ, что въ комнатѣ былъ кто-то. Онъ сталъ внимательно осматриваться и очень скоро открылъ на стеклѣ расчищенное мѣсто. Прильнувъ къ стеклу, Оріоль сразу понялъ, что тутъ наблюдали за собраніемъ и что, значитъ, на сходку попали шпіоны. Убѣдившись въ этомъ, Оріоль немедленно пошелъ въ библіотеку сообщить Гарри Гольтенору о своемъ открытіи.

Гольтенорь дописывалъ послѣднее письмо, когда къ нему вошелъ Оріоль. Замѣтивъ на лицѣ индѣйца тревогу, Гарри бросилъ писать и спросилъ:—Въ чемъ дѣло Оріоль? Ты такой тревожный...

Индѣецъ жестомъ показалъ, что онъ открылъ враговъ

— Такъ вотъ что! Ты открылъ врага?

Индѣецъ опять сдѣлалъ тотъ-же жестъ, поднявъ при этомъ три пальца.

— Какъ? Трехъ! Объясни, Оріоль.

Индѣецъ снова показалъ жестомъ, чтобы Гарри слѣдовалъ за нимъ. Они вмѣстѣ вышли на дворъ, обогнули домъ и вошли въ маленькую комнату. Къ нимъ присоединился и Грегори. Увидѣвъ расчищенное мѣсто въ стеклѣ, Гарри сразу сталъ пасмурнымъ. Онъ понялъ, что были шпіоны, которые слышали всѣ рѣчи на его сходкѣ.

Одинъ изъ предателей тотчасъ-же былъ узнанъ. Его легко было найти по слѣдамъ толстыхъ сапогъ, подбитыхъ гвоздями. Это былъ несомнѣнно Вилль Уифордъ.

— Напрасно я довѣрялся ему,—сказалъ Гарри.

— Ну и поплатится же мнѣ этотъ негодяй,—гнѣвно пробурчалъ себѣ подъ носъ Грегори.

Угадать остальныхъ шпіоновъ было не трудно. Ими могли быть только Скартъ и кто-либо изъ драгунъ. Гольтеноръ задумался. Благодаря подслушаннымъ рѣчамъ, онъ самъ, и многіе другіе, между прочимъ, сэръ Мермедукъ, подвергались серьэзной опасностит Надо было принять какое-нибудь рѣшеніе.

— Необходимо скрыться какъ можно скорѣе,—подумалъ Гарри, и крикнулъ:

— Грегори!

— Чего изволите?

— Скорѣй осѣдлай лошадь! А ты, Оріоль, заряди мои пистолеты и вложи ихъ въ сѣдельныя кобуры. Самъ подождешь моего возвращенія здѣсь.

Однако бѣжать было уже поздно. Домъ Гарри, когда онъ пошелъ къ подъѣзду, оказался уже окруженнымъ со всѣхъ сторонъ кирасирами. Сопротивленіе было-бы безполезно.

— Чего вамъ нужно отъ меня?—спросилъ, выйдя на крыльцо, Гарри у начальника отряда.

— Арестовать васъ, какъ измѣнника,—отвѣтилъ офицеръ, который былъ никто другой, какъ капитанъ Скартъ.

— Трусъ!—воскликнулъ Гарри.—Вы взяли съ собой цѣлый эскадронъ, чтобы не бояться меня. Отчего вы ужъ не привели цѣлаго полка?

— Напрасно шутите, господинъ Гольтеноръ. Шутки не къ лицу тому, кто потерялъ уже свободу, и кто потеряетъ скоро не только жизнь, но и нѣчто еще болѣе драгоцѣнное—свою возлюбленную.—И Скартъ показалъ на свою каску, къ которой была прикрѣплена бѣлая перчатка.

— Эта перчатка подарена позже вашей,—продолжалъ онъ,—и я цѣню ее больше.

Гарри поблѣднѣлъ отъ гнѣва и удивленія. Въ немъ заговорила, было, и ревность; онъ припомнилъ, что видѣлъ въ паркѣ, какъ Мэри шла съ капитаномъ, но онъ тотчасъ же подавилъ ее.

— Вы клевещите!—крикнулъ онъ съ негодованіемъ.—Мэри не давала вамъ своей перчатки. Вы украли ее, негодяй! И я вырву ее у васъ, чтобы возвратить владѣлицѣ.—И Гольтеноръ кинулся на капитана. Но послѣдній заставилъ свою лошадь шарахнуться въ сторону и закричалъ въ то-же время драгунамъ:

— Схватить его и обезоружить! Если же будетъ сопротивляться, то убить.

Шесть драгунъ кинулись на Гарри и скрутили его.

— Пусть приведутъ его лошадь,—приказалъ капитанъ.— Пускай Черный всадникъ проѣдется въ послѣдній разъ на своемъ скакунѣ.

Когда привели лошадь, капитанъ продолжалъ:—Дайте ему и шляпу. Такой достойный рыцарь не можетъ ѣхать съ непокрытой головой.

Два-три солдата побѣжали, было, исполнять приказаніе, но Скартъ остановилъ ихъ.

— Я пойду самъ,—сказалъ капитанъ.—Онъ слѣзъ съ лошади и отправился въ домъ. Найдя шляпу Гарри, капитанъ прежде всего сорвалъ съ нея бѣлую перчатку и положилъ ее себѣ въ карманъ. Потомъ онъ приказалъ одному изъ солдатъ нарвать въ саду красныхъ цвѣтовъ и, прицѣпивъ ихъ къ шляпѣ плѣнника, сказалъ этому солдату:

— Возьми эту шляпу, обойди арестанта сзади и надѣнь ему ее такъ, чтобы онъ не замѣтилъ, что съ нея снята перчатка.

Солдатъ побѣжалъ исполнять порученіе. Затѣмъ капитанъ осмотрѣлъ еще письма Гольтенора, въ надеждѣ найти какую-нибудь записку Мэри или компрометирующій документъ. Онъ нашелъ лишь письмо къ себѣ короля, то самое письмо, которое Грегори отнялъ ночью въ лѣсу у королевскаго посланца.

— Недурно, произнесъ Скартъ.—Перехваченная королевская депеша! За это грозитъ висѣлица.

Съ этими словами Скартъ вышелъ изъ замка, вскочилъ на свою лошадь, скомандовалъ «впередъ, маршъ», и отрядъ двинулся къ замку сэра Мермедука.

XXX.

Какъ только кирасиры скрылись изъ виду, Грегори отправился къ хижинѣ Денсея и разсказалъ ему и Бетси о томъ, что случилось съ Гольтеноромъ.

Въ полночь они всѣ трое направились къ Больстрадскому замку, задумавъ какимъ-нибудь образомъ освободить Гарри. Планъ состоялъ въ слѣдующемъ. За Бетси ухаживалъ одинъ изъ кирасировъ, который въ эту ночь долженъ былъ быть часовымъ у плѣнника. Она надѣялась, такимъ образомъ, пробраться до Гарри и затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, или обмануть часового, или подготовить его ласками и обѣщаніями на какую-нибудь неосторожность, которой могли бы воспользоваться ея отецъ и Грегори для освобожденія плѣнника. Дойдя до замка и обогнувъ его, путники остановились у воротъ. Бетси постучала. Раздались шаги и за воротами мужской голосъ произнесъ:

— Это вы, Бетси? Входите, входите. Я ждалъ васъ съ нетерпѣніемъ.

Войдя въ ворота, Бетси очутилась подъ обширнымъ сводомъ толстыхъ каменныхъ стѣнъ. Въ одной изъ нихъ и находилась камера, гдѣ содержался заключенный. Дверь этой камеры выходила въ сводчатый проходъ.

Хитрость, придуманная молодой дѣвушкой, состояла въ томъ, чтобы проникнуть въ камеру. Поэтому, она солгала кирасиру, что ее послала къ Гарри одна знатная дама переговорить съ нимъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, такимъ образомъ, что несмотря на любезности солдата, Бетси очень мало обращала на нихъ вниманія. Она вся была поглощена своей задачей. Это совсѣмъ не нравилось кирасиру.

— Послушайте, Бетси,—сказалъ онъ.—Вѣдь вамъ очевидно надо только передать арестанту письмо или сказать ему всего два слова. Это всего одна минута. Успѣете еще. А пока поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

— Ну, нѣтъ,—отвѣтила Бетси.—Старинное правило гласитъ: дѣло сначала, а удовольствіе потомъ.

— Къ чорту старыя правила,—возразилъ кирасиръ Уайтерсъ.—Мое такое: сначала удовольствіе, а потомъ дѣло.

— Ни за что. Меня разбранитъ пославшая меня дама и не дастъ обѣщанной награды. Исполняйте скорѣе ваше обѣщаніе

и пустите меня къ Гольтенору. Завтра отца не будетъ дома, и вы можете наговориться со мной у насъ въ хижинѣ.

— Волшебница!—воскликнулъ влюбленный солдатъ.—Ну, будь по вашему. Но до завтра ждать долго, и вы должны, по-крайней мѣрѣ, до того, какъ я впущу васъ въ тюрьму, дать мнѣ одинъ поцѣлуй. Надѣюсь, по выходѣ изъ нея, вы дадите мнѣ еще и другой.

— Съ удовольствіемъ,—сказала дѣвушка и торопливо прикоснулась губами къ щекѣ солдата.

— Теперь вы удовлетворены?—спросила Бетси, которой не мало стоило ея самоотверженіе.

— О! Тысячи поцѣлуевъ не удовлетворяютъ меня,—страстнымъ шепотомъ заговорилъ солдатъ.—Но, во всякомъ случаѣ, я исполняю свое обѣщаніе.

И солдатъ отворилъ дверь тюрьмы.

XXXI.

Положеніе Гарри въ тюрьмѣ было отвратительное. Съ нимъ обращались, какъ съ преступникомъ. Но онъ думалъ не столько о своемъ униженіи, сколько о Мэри. Весь день и цѣлую ночь его томила мысль о бѣлой перчаткѣ, которую онъ увидѣлъ на каскѣ капитана.—Неужели,—думалъ онъ,—Мэри, въ самомъ дѣлѣ, дала ее ему? Не можетъ быть. Неужели она бездушная кокетка? Вѣдь еще недавно она такъ пламенно отвѣчала на его признанія. Но отчего же, въ такомъ случаѣ, до сихъ поръ нѣтъ отъ нея никакой вѣсти? Или между нами прервано всякое сообщеніе? А можетъ быть она не хочетъ больше знать меня?—Его мучила ревность и отчаяніе.

Но, конечно, Гольтеноръ ошибался. Мэри не только не забывала его, но такъ же, какъ и онъ, страдала отъ неизвѣстности и ревности. Въ то утро, когда его привезли, она стояла у окна и видѣла на его шляпѣ красные цвѣты. Горе, которое причинили ей эти цвѣты, было сильнѣе, чѣмъ горе о томъ, что Гарри арестованъ.

— О! какъ это жестоко,—думала дѣвушка, тоже не спавшая въ эту ночь.—Носить эти цвѣты въ подобную минуту!

Несмотря, однако на мучившую ее ревность, Мэри такъ же, какъ и Бетси, задумала освободить Гарри. Въ ту же самую полночь, когда Бетси подходила къ воротамъ замка, она выходила изъ [illegible]ей комнаты, чтобы спуститься на дворъ и идти къ

двери арестанта. Только случайно Бетси опередила ее на десять минутъ.

Планъ Мэри состоялъ въ томъ, чтобы подкупить часового. Отъ своей горничной, за которой тоже ухаживалъ Уайтерсъ, она узнала, что въ эту ночь онъ будетъ на часахъ, и отъ этой же горничной дѣвушка узнала, что кирасиръ не устоитъ передъ золотомъ.

Гольтеноръ все еще былъ погруженъ въ свои размышленія и тревоги, когда онъ вдругъ услышалъ шаги, и ключъ повернулся въ замкѣ той двери, которая вела въ его камеру. Дверь распахнулась, и онъ увидѣлъ передъ собой кирасира и какую-то женщину.

— Вы не спите?—спросилъ мужской голосъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ шепотомъ арестантъ, взволнованный этимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ.

— Вотъ молодая особа, которая хочетъ сказать вамъ нѣсколько словъ,—продолжалъ кирасиръ.—Я оставлю вамъ фонарь, который сейчасъ принесу. Пока кирасиръ ходилъ за фонаремъ, между Гольтеноромъ и пришедшей произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Тише, произнесла Бетси подходя къ арестанту.—Я пришла освободить васъ.

— Ахъ, это вы Бетси,—разочарованно произнесъ Гарри, который надѣялся, что къ нему пришла Мэри.—Какимъ способомъ вы можете освободить меня? Я же не могу выйти отсюда незамѣченнымъ.

— И увидятъ, такъ не бѣда. Слушайте только, что я скажу вамъ. Мой отецъ и Гартъ придумали, какъ освободить васъ. Они ожидаютъ на опушкѣ лѣса, что начинается за замкомъ.

— Въ чемъ же заключается этотъ планъ моего освобожденія?

— У меня длинный плащъ. Вы закроете имъ ноги. Если его не хватитъ, я принесла еще юбку. Одѣвайтесь скорѣе. Солдатъ можетъ придти каждую минуту.

— Какъ! Вы хотите, чтобы я вышелъ, а васъ оставилъ здѣсь? Нѣтъ, Бетси, я не соглашусь на это.

— Полно!—сказала Бетси.—Дѣлайте, что вамъ говорятъ и не бойтесь за меня. Что мнѣ могутъ они сдѣлать? Къ тому же, зачѣмъ станетъ удерживать меня этотъ солдатъ, разъ васъ не будетъ? Все равно, онъ не минуетъ наказанія. Ради Бога, скорѣе! Повторяю, вамъ нечего бояться за меня.

— Еслибъ я былъ убѣжденъ, что это такъ,—замѣтилъ Гарри.

— Увѣряю васъ!—повторила дѣвушка, разрѣзывая въ то же время веревки, которыми былъ связанъ Гольтеноръ.—Накиньте плащъ. Опустите капюшонъ. Вотъ такъ! Выходя не останавливайтесь. Солдатъ, можетъ быть, захочетъ обнять васъ. Не давайтесь и бѣгите черезъ калитку къ опушкѣ, гдѣ васъ ждутъ Грегори и мой отецъ.

Дѣвушка проговорила все это очень быстро. Едва она успѣла кончить, какъ солдатъ постучалъ.

— Иду, иду, господинъ Уайтерсъ,—проговорила Бетси. Отворяйте.

Дверь открылась, и Гарри, завернутый въ плащъ, вышелъ изъ тюрьмы. Пока солдатъ защелкивалъ задвижку, бѣглецъ успѣлъ добѣжать до калитки.

Желая еще разъ поцѣловать хорошенькую Бетси, кирасиръ бросился туда же. Но закутанная въ плащъ фигура успѣла уже выйти за ограду и быстро удалялась.

— Вотъ плутовка!—съ досадою проговорилъ солдатъ.—Онъ сталъ звать дѣвушку, но никто не откликнулся ему.

— Ну, завтра я отомщу ей!—И онъ вернулся къ своему посту.

XXXII.

Вдругъ передъ нимъ очутилась опять закутанная женская фигура. Солдатъ, думая, что вернулась Бетси, обрадованнымъ голосомъ произнесъ:—Я былъ почти увѣренъ, что вы вернетесь, Бетси. Вы добрая. Вы не хотѣли меня обмануть...

Вдругъ блеснула молнія, и кирасиръ замѣтилъ, что предъ нимъ не Бетси, а одѣтая въ шелкъ и бархатъ дама.

— Ужъ не та ли это дама, которая посылала Бетси?—подумалъ Уайтерсъ.—Но это была не она.

— Здравствуйте,—ласково произнесла незнакомка.

— Здравствуйте,—отвѣтилъ солдатъ.—Позвольте узнать, сударыня, что заставило васъ придти сюда?

— Кажется, васъ зовутъ Уайтерсъ?—спросила незнакомка, не отвѣтивъ на вопросъ солдата.—И приблизившись къ нему она откинула плащъ.

— Такъ точно, сударыня,—отвѣтилъ солдатъ.—Что прикажете?

— Мнѣ нужна ваша услуга. Вы стережете здѣсь Гольтено-

ра. Я хочу видѣться съ нимъ. Мнѣ надо сказать ему два слова. Устройте мнѣ это.

— Но вы, кажется, уже присылали свою горничную?

— И не думала.

— Ну, значитъ ихъ двѣ,—подумалъ солдатъ.—Молодецъ этотъ Гольтенорь. Должно быть онъ вскружилъ головы здѣсь всѣмъ. Впрочемъ, не все ли мнѣ равно? Пущу и ее, тѣмъ болѣе, что она пришла сама.—Войдите, сударыня, только не надолго.

— Обѣщаю, Уайтерсъ. Вотъ возьмите.

Она подала солдату горсть золотыхъ монетъ, которыя обезпечивали его на всю жизнь. Солдатъ быстро опустилъ монеты въ карманъ и пріоткрылъ дверь тюрьмы. Мэри вошла въ темное помѣщеніе и дрожащимъ голосомъ окликнула Гарри. Каково-же было ея изумленіе, когда, вмѣсто мужского она услышала женскій голосъ.

— Что жъ это такое?—подумала Мэри.—Значитъ она выпустила Гарри, а сама осталась вмѣсто него.

— Мистера Гольтенора нѣтъ здѣсь,—сказала Бетси.—Вы надѣялись найти его?

Мэри молчала.

— Поздно пришли, сударыня. Ему возвратила свободу другая. У мистера Гарри есть друзья кромѣ васъ и, какъ видите, болѣе преданные, чѣмъ вы.

— Какъ? Развѣ вы пришли сами? Васъ никто не посылалъ?

— Конечно, никто. Неужели вы думаете, что я пошла бы на такой опасный шагъ для кого-нибудь, кромѣ Гарри Гольтенора?

Не желая продолжать разговора, въ которомъ она почувствовала непріязнь, Мэри хотѣла уйти, но Бетси удержала ее.—Вы опоздали, но можете, все-таки оказать ему услугу. Останьтесь здѣсь вмѣсто меня. Когда-же я, выйдя отсюда, увижу его, я разскажу ему о вашемъ самоотверженіи!...

— Замолчите! То, что вы говорите, наглость,—произнесла съ негодованіемъ Мэри и поспѣшила постучать въ дверь.

Часовой отперъ ее, и Мэри, убитая отчаяніемъ, пошла къ калиткѣ. Для нея было очевидно, что Гарри любитъ другую. Ревность душила ее. Она даже не радовалась освобожденію Гарри, такъ какъ не она явилась его освободительницей. Подходя уже къ подъѣзду замка, она вдругъ услышала голосъ Гарри:

— Мэри,—окликнулъ онъ ее.—И тотчасъ же вслѣдъ за этими словами блеснула молнія, и Мэри увидѣла передъ собой Гольтенора.

XXXIII.

Какимъ образомъ могъ остаться Гарри на дворѣ замка, гдѣ ему каждую минуту грозила опасность?

Дѣло въ томъ, что выйдя за калитку, Гольтеноръ, огибая замокъ, замѣтилъ ровъ, которымъ онъ былъ окруженъ. Нельзя было найти лучшаго прикрытія. Поэтому бѣглецъ спустился на дно рва, по которому и надѣялся благополучно выбраться за предѣлы замка. Однако, прежде, чѣмъ двинуться впередъ, Гольтеноръ поднялся на цыпочки и внимательно оглядѣлся кругомъ, чтобы убѣдиться, что за нимъ не послана погоня. Какъ разъ въ это время Мэри подходила къ часовому. Гольтеноръ увидѣлъ и узналъ ее. Хотя ему и не слышно было, что она говорила часовому, но онъ понялъ, что она подкупила солдата для того, чтобы увидѣть его, Гольтенора.

— Какъ я былъ неправъ,—подумалъ Гарри,—обвиняя ее въ измѣнѣ.—Я долженъ загладить свою вину, хотя бы мнѣ стоило это жизни. Выбравшись изъ рва, онъ сталъ поджидать возвращенія Мэри около калитки. Когда она поро[illegible]нялась съ нимъ, Гарри окликнулъ ее.

Сначала Мэри обрадовалась, но вспомнивъ оскорбл[illegible] нанесенныя ей Бетси, завядшіе цвѣты на шляпѣ Га[illegible] торжествующій тонъ своей соперницы, она перемѣнил[illegible] и холодно сказала:

— Я удивляюсь, видя васъ здѣсь, Мистеръ Га[illegible] должны были бы быть уже далеко. Вы, вѣроятно, [illegible]шу спасительницу? Не безпокойтесь, она не заст[illegible] ждать. Такая ловкая дѣвушка проведетъ и дес[illegible]выхъ!...

— Мэри!—съ упрекомъ произнесъ Гарри.

— Не ошиблись ли вы? Вы, можетъ быть, [illegible] Бетси? Во всякомъ случаѣ, я иду въ замокъ. П[illegible]

— Мэри! Что съ вами? Останьтесь!— [illegible]шепталъ Гарри.

Молодая дѣвушка, услышавъ эту мольбу, ос[illegible].

Я ожидалъ васъ, Мэри, и никого другого!

Вы обманываете меня. Это не по рыцарски. Почему-

бы вы стали ждать меня здѣсь? Какъ я была безумна, что довѣрилась вамъ!...

— Безумны! Да я готовъ отдать жизнь за васъ, Мэри! И я остался здѣсь, чтобы говорить съ вами. Я видѣлъ какъ вы подошли къ часовому, я догадался, что привело васъ сюда, и я не могъ уйти, не выразивъ вамъ той радости, которую я испытывалъ при этомъ.

Эти слова заставили Мэри забыть всѣ пережитыя ею треволненія. Она опять повѣрила, что ее любятъ, и уже не спѣшила уходить. Гольтеноръ взялъ ее за руку.

Послѣ первыхъ же словъ объясненія между влюбленными всѣ недоразумѣнія разъяснились.

Но медлить было невозможно. Необходимо было разстаться.

— Гарри, вамъ нужно уходить,—сказала Мэри.—Но только—когда же мы теперь съ вами увидимся?

— Скоро, Мэри, если удастся.

— Дайте же мнѣ обѣщаніе?

— Какое хотите!

— Благодарю. Я знаю, вы сдержите свое слово. Такъ вотъ, Гарри, знайте, что моя любовь не перенесетъ никакой измѣны Ревность убьетъ меня. Я знаю это по тому, что я испытала за послѣдній день.

— Но къ кому же ревновать вамъ меня, Мэри? Если нашу любовь и можетъ омрачить ревность, то не съ моей стороны, а съ вашей.

— Гарри, вы не знаете, какъ я люблю васъ!

— Чѣмъ я могъ заслужить вашу любовь?

— Не знаю, Гарри. Я объ этомъ не думаю. Я люблю васъ потому, что люблю.

— Я вѣрю вамъ, Мэри.

— И я вѣрю теперь, что вы любите меня, Гарри!

— На всю жизнь!

— Но все-таки обѣщайте мнѣ...

— Что именно?

— Обѣщайте, что если когда-нибудь вы разлюбите меня, то вы тотчасъ же дадите мнѣ знать объ этомъ. Обѣщайте, Гарри!

— Какой вы ребенокъ! Къ чему [illegible] неумное обѣщаніе? Моя любовь къ вамъ прекратится только со смертью.

— Гарри, вы не должны отказывать мнѣ.

— Хорошо. Я клянусь, что если [illegible]

съ, то извѣщу васъ объ этомъ. Это мнѣ тѣмъ легче обѣщать, о никогда не можетъ случиться ничего подобнаго.

— Какъ знать, Гарри? Вы будете далеко. Враги постаются уничтожить нашу любовь...

— Что же я долженъ сдѣлать, если... разлюблю васъ?

— Вернуть мнѣ бѣлую перчатку, этотъ залогъ моей любкъ вамъ. Когда я получу ее, я буду знать, что въ вашемъ рдцѣ нѣтъ ужъ больше меня.

— Хорошо, Мэри. Я обѣщаю вамъ это.—И Гарри крѣпко цѣловалъ руку Мэри. Вдругъ раздался подавленный крикъ.

— Что это такое?—воскликнула Мэри.—Ужъ не предаменованіе ли несчастья? Бѣгите, Гарри!

Гарри бросился въ ровъ.

Разговоръ влюбленныхъ подслушивала Бетси, и это он крикнула отъ ревности, когда Гарри поцѣловалъ Мэру.

XXXIV.

Вотъ какъ это случилось. Когда солдатъ проводилъ Мэри калитки, онъ вернулся въ тюрьму за фонаремъ. Каково же ыло его изумленіе, когда, вмѣсто арестанта, передъ нимъ азалась Бетси. Кирасиръ сразу понялъ, что его одурачили. е думая уже ни о поцѣлуяхъ, ни объ объятіяхъ, онъ бросился къ караулу, чтобы поднять тревогу. Но, второпяхъ, айтерсъ забылъ прикрыть дверь. Это дало Бетси возможость скрыться. Однако, вмѣсто того, чтобы итти въ калитку, ѣвушка, руководимая какимъ-то смутнымъ чувствомъ ревости, направилась къ навѣсу. Ей хотѣлось убѣдиться, что Мэри вернулась въ замокъ.

Звукъ голосовъ привлекъ ее къ мѣсту свиданія Мэри и арри. Она ихъ тотчасъ узнала. Сердце ея билось и замира-о. Ревность почти душила ее. Она хотѣла броситься къ [illegible] ъ упреками, но остановилась. До нее долетали лошади-опотъ и голоса солдатъ, которые выѣзжали за ограду къ [illegible] ски бѣглеца. У Бетси мелькнула въ головѣ зл[illegible] [illegible] [illegible]чила предать Гольтенора.

— Я буду страдать отъ этого,—подумала [illegible]а,—[illegible] [illegible] [illegible]таетъ и Мэри.

И [illegible] [illegible]осилась къ патрулю. Однако, [illegible] [illegible] Мэри [illegible] [illegible] [illegible]ѣли уже попрощаться и [illegible].

— [illegible] Скрылся!—сказалъ У[illegible] [illegible]шій къ

навѣсу съ шестью кирасирами.—Теперь мнѣ будетъ плохо
Онъ повернулся къ Бетси, которая служила солдатамъ про
никомъ.

— Что же дѣлать?

— Гнаться за нимъ,—отвѣтила Бетси.

— Но въ какомъ же направленіи?

— Ступайте на дорогу, которая ведетъ въ Уэнсей
лѣсъ. Вы непремѣнно, встрѣтите его тамъ. Я васъ прово
Идемте же!—И Бетси пошла впередъ.

Кто бы могъ подумать, что эта женщина, всего часъ т
назадъ умолявшая Гольтенора бѣжать, теперь идетъ пре
вать его! Но ревность слѣпитъ не только глаза, но и совѣ

— Идите, идите!—кричала она кирасирамъ.—Скор
А то онъ уйдетъ.

Всѣ готовы были слѣдовать за Бетси, но кирасиръ У
терсъ колебался,—Ужъ не хочешь ли ты снова обман
насъ?—сказалъ онъ дѣвушкѣ.

— Дуракъ,—отвѣтила Бетси.—Развѣ ты не понимае
что узнавъ о томъ, что его любитъ другая, моя госпожа
детъ рада, если онъ снова попадетъ въ тюрьму. Она удвоитъ
обѣщанную награду, если я помогу найти его. Чего же т
меня бояться?

Эти слова подѣйствовали на кирасира, и онъ вмѣстѣ
товарищами двинулся за дѣвушкой. Дойдя до мѣста, кото
еще раньше называла имъ Бетси, по окольной тропин
Уайтерсъ съ недоумѣніемъ замѣтилъ, что на мокрой отъ д
дя землѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ.

— Здѣсь никто не проходилъ,—сказалъ онъ, обраща
къ Бетси.

— Это ничего не значитъ,— отвѣтила дѣвушка,—
еще не пришли, но непремѣнно придутъ. У нихъ нѣтъ д
гой дороги.

— Ну, такъ мы ихъ подождемъ,—сказалъ унтеръ-офице
начальникъ караула.—Вонъ тамъ за кустами отличная заса

Вскорѣ, дѣйствительно, раздались шаги. Солдаты спря
лись за кусты, а Бетси, которую уже начинала мучить
вѣсть, зашла за дер...

XXXV.

Выскочи... Гарри пошелъ къ опушкѣ лѣса
какъ сказа... Бетси, ...ожидали Грегори и Дикъ Деч

Соединившись съ ними, Гольтеноръ продолжалъ путь далѣе съ Гартомъ, а Денсей отправился домой. Пройдя около полумили, Гарри и Грегори вышли на большую дорогу, идущую черезъ Уэнсейскій лѣсъ. Не успѣли они сдѣлать нѣсколькихъ сотъ шаговъ, какъ ихъ окружили кирасиры. Грегори, по знаку Гарри, успѣлъ скрыться, но самъ Гольтеноръ былъ схваченъ и снова отведенъ въ тюрьму. Дорогой, пока его вели къ замку, Бетси наслаждалась чувствомъ удовлетворенной мести, но когда ворота закрылись за арестантомъ, она бросилась на землю и горько зарыдала.

Оставшись въ лѣсу одинъ, Грегори долго раздумывалъ, какъ бы снова освободить своего господина. Вызволить его изъ тюрьмы было теперь уже невозможно. Послѣ случая съ Уайтерсомъ ни одинъ изъ часовыхъ не пошелъ бы теперь ни на какія поблажки. Нечего было разсчитывать ни на поцѣлуи, ни на золото. Тогда Грегори пришла въ голову мысль освободить Гарри не изъ тюрьмы, а тогда, когда его поведутъ въ Лондонъ. Онъ отлично зналъ дорогу, по которой должны были вести арестанта, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми окрестными жителями и рѣшилъ устроить вооруженное нападеніе на эскортъ, который будетъ сопровождать Гольтенора.

Обдумавъ свой планъ, бывшій разбойникъ немедленно пошелъ къ Денсею и Оріолю и разослалъ обоихъ съ соотвѣтствующими инструкціями.

— Вы отправляйтесь къ Дэнгемъ,—сказалъ онъ Денсею и Оріолю,—соберите тамъ друзей и затѣмъ идите къ гостинницѣ «Короны и Розы». А я пойду въ Оксбриджъ и Гильтонъ. Когда вы придете въ гостинницу, я уже буду тамъ. Къ счастью у меня есть деньги, и я могу распорядиться, чтобы старикъ Бонифатій приготовилъ побольше пива. Для нашей цѣли—это необходимо. Когда мы попотчуемъ своихъ друзей, они охотнѣе возьмутся за дѣло. Сказавъ это, Грегори разстался со своими товарищами и зашагалъ въ Оксбриджъ.

Пока происходили всѣ эти событія, капитанъ Скартъ, очень довольный тѣмъ, что унизилъ своего соперника, ничего не подозрѣвая, крѣпко спалъ. Когда утромъ онъ проснулся, ему ничего не доложили о ночномъ происшествіи. Уайтерсъ одарилъ караульныхъ золотомъ Мэри, и они всѣ молчали. Не узналъ о попыткѣ освобожденія Гольтенора даже новый караулъ.

Мэри тоже не знала, что Гарри опять пойманъ и сно заключенъ подъ стражу. Послѣ примирительнаго свиданія Гарри она спала сладкимъ сномъ и видѣла во снѣ свое возлюбленнаго. Ее разбудилъ топотъ лошадей, звукъ оруж и людскіе голоса подъ окномъ. Мэри встала и подошла окну.

Каково-же было ея изумленіе, когда она увидѣла прив заннаго къ лошади Гарри, котораго окружали кирасиры обнаженными саблями. Тутъ же былъ и Скартъ. Онъ расп ряжался отъѣздомъ отряда, но самъ, очевидно, не ѣхалъ нимъ. Командовалъ кирасирами поручикъ Стоббсъ

Прошло нѣсколько минутъ. Затѣмъ раздался сигналъ отправленію. Мэри вскрикнула и поспѣшила отойти отъ окн

Прошло больше получаса прежде, чѣмъ молодая дѣ оправилась отъ новаго постигшаго ее горя. Когда она подошла къ окну, то увидѣла на дворѣ Скарта, которы говаривалъ съ какимъ-то пріѣзжимъ незнакомцемъ, пр шимъ, очевидно, издалека, такъ какъ лошадь его была мылѣ. Незнакомецъ говорилъ что-то Скарту, волнуясь и с

Мэри не могла разслышать всего разговора, но д долетали слова: «Арестантъ... попытка освободить... бриджъ».

— Сѣдлать всему эскадрону! — закричалъ Скартъ, незнакомецъ договорилъ до конца.

Черезъ пятнадцать минутъ всѣ стоявшіе въ замкѣ кир сиры скакали подъ начальствомъ Скарта въ Оксбриджъ.

— Попытка освободить... въ Оксбриджѣ... — подума Мэри.—Дай Богъ этимъ невѣдомымъ друзьямъ Гарри успѣх

И молодая дѣвушка опустилась на колѣни и стала молитьс

XXXVI.

Въ этотъ самый день, когда поручикъ Стоббсъ долже былъ проѣзжать со своимъ арестантомъ и конвоемъ чере городъ Оксбриджъ, на улицахъ послѣдняго по неизвѣстн причинѣ столпилась масса народа. Все это были ремесленни и рабочіе. Тутъ можно было увидѣть и сапожниковъ и кузн цовъ, и мясниковъ, и мельниковъ. Особенно тѣсная тол окружала гостинницу «Корона и Роза.» Изъ нея раздавали веселые шутки и смѣхъ. Въ рукахъ посѣтителей были пѣн щіяся кружки пива. Угощалъ всѣхъ—и въ гостинницѣ,

улицѣ—какой-то незнакомецъ. Онъ былъ огромнаго роста, лый и широкоплечій. Человѣкъ двадцать изъ толпы чаще ихъ переглядывались съ нимъ и называли его Грегори. Время отъ времени взоры толпы обращались на мостъ, кинутый черезъ рѣку Кольнъ.

— Чего вы ждете тутъ?—спросилъ какой-то новобывшій посѣтитель.

— Кирасиръ, которые должны проѣхать здѣсь.

— Вотъ невидаль! Да ихъ можно увидѣть каждый день.

— Да, но сегодня они ведутъ знатнаго арестанта—Чер всадника.

Вѣсть эта произвела, повидимому, большое впечатлѣніе. наго всадника знали и любили. Онъ пользовался большою улярностью.

Черезъ нѣсколько минутъ кто-то закричалъ съ моста:

— ѣдутъ! ѣдутъ!

Толпа затихла. Всѣ стали смотрѣть. Съ моста, дѣйствительно, зжали человѣкъ двѣнадцать кирасиръ. Впереди ѣхалъ офиъ, а въ серединѣ отряда со связанными руками помѣщался лошади всадникъ въ бархатномъ платьѣ. Увидѣвъ Чернаго дника въ такомъ унизительномъ положеніе, толпа заволноась. Но поручикъ Стоббсъ не понялъ, въ чемъ дѣло, такъ ъ изъ той же толпы раздались одновременно крики:

— Да зравствуетъ король! Долой измѣнниковъ! Внимаьное ухо уловило-бы въ этихъ крикахъ иронію, но поручикъ нялъ ихъ за чистую монету.

— Очень радъ, что вы въ такомъ патріотическомъ наоеніи,—ласково обратился къ толпѣ подъѣхавшій къ гонницѣ Стоббсъ.

— Господинъ офицеръ! Не откажите, выпить съ нами ужку за здоровье короля!—раздалось изъ толпы.

— Съ большимъ удовольствіемъ исполнилъ бы вашу осьбу, но я не могу останавливаться. Я спѣшу.

— На одну минуту!—крикнулъ кузнецъ огромнаго роста геркулесовскаго сложенія.

— Не дожидаясь отвѣта Стоббса, онъ громкимъ голомъ скомандовалъ:

— Эй, кто тамъ? Скорѣе дайте двѣнадцать кружекъ самаго учшаго пива этимъ молодцамъ и стаканъ вина господину фицеру. Живо! Такая духота, господинъ офицеръ. Вамъ, да и шимъ людямъ необходимо промочить горло.

Стоббсъ не успѣлъ сказать слова, какъ уже д
молодцовъ обступили его солдатъ съ кружками, въ которых
пилось пиво. Солдаты съ радостью потянулись за прохлад
нымъ напиткомъ, не дождавшись даже разрѣшенія пору
Они проѣхали по жарѣ пять миль, и соблазнъ при видѣ
былъ слишкомъ великъ, чтобы они имѣли силы отказаться
него.

Двое изъ толпы, подошедши къ тѣмъ двумъ кирасир
которые стояли по бокамъ Гольтенора, незамѣтно вывели
лошадей изъ строя. Въ ту же минуту Грегори приблизился
арестанту и предложилъ ему выпить пива

— Вѣдь можно напоить арестанта?—спросилъ онъ с
жайшаго солдата.

— Конечно,—отвѣтилъ солдатъ, котораго выпитое п
привело въ добродушное настроеніе.— Смотрите только что
не замѣтилъ офицеръ.

Воспользовавшись разрѣшеніемъ солдата, Грегори подн
Гарри къ губамъ кружку, а другой рукой, которую о
заложилъ ему за спину, какъ бы поддерживая его, быстро
ловко перерѣзалъ веревки, связывавшія руки арестан
Никто изъ солдатъ, занятыхъ пивомъ и разговорами,
замѣтилъ маневра Гарта.

— Какъ вамъ нравится это пиво?—громко спрос
бывшій разбойникъ Гарри, а затѣмъ шепотомъ прибавилъ:—
васъ руки свободны, берите поводья и скачите черезъ мос

— Это ни къ чему, Грегори,—шепотомъ же отвѣтил
Гарри. — Эта кляча не проскачетъ и трехъ минутъ. Во
еслибъ я ѣхалъ на своемъ конѣ! Надо попытаться захватит
его.—Сказавъ это, Гарри далъ шпоры кирасирской лошад
и помчался къ мосту.

Неожиданность и изумленіе приковали солдатъ къ мѣсту
Кружки съ пивомъ выпали у нѣкоторыхъ изъ ихъ рукъ.

Между тѣмъ Гарри, доскакавъ до моста, остановился
издалъ громкій свистокъ.

Вслѣдъ за этимъ его Губертъ, на которомъ сидѣлъ поручикъ
стрѣлой помчался къ мосту. Солдаты думали, что Стоббс
одинъ бросился въ погоню, но на самомъ дѣлѣ, было н
такъ.

Едва Стоббсъ подскакалъ къ Гарри, какъ послѣдні
схватилъ его за горло и въ мгновеніе ока сбросилъ его с
сѣдла, а самъ вскочилъ на своего коня и поскакалъ дальше.

амѣтивъ этотъ маневръ Чернаго всадника, восхищенная толпа громко прокричала ему «ура».Но черезъ минуту поскакавшій дальше всадникъ, вдругъ снова остановился. Отъ гостиницы не было видно, что дѣлалось по другую сторону моста, и эта остановка вызвала во многихъ изумленіе. Въ толпѣ поняли это только тогда, когда на мосту съ противоположной стороны рѣки показались кирасиры. Это ѣхалъ со своимъ эскадрономъ капитанъ Скартъ.

Гарри былъ, такимъ образомъ, въ ловушкѣ. Съ обѣихъ сторонъ моста его тѣснили кирасиры, а съ боковъ ему закрывали отступленіе перила моста и частоколъ, который былъ продолженіемъ перилъ на берегу. Несмотря на свое критическое положеніе, Гарри, однако, не растерялся. Онъ быстро повернулъ Губерта назадъ, разогналъ его къ частоколу и птицей перелетѣлъ черезъ него на лугъ, который тянулся за нимъ вдоль берега рѣки. Новое единодушное «ура» толпы привѣтствовало храбраго и ловкаго наѣздника.

— Теперь ищи вѣтра въ полѣ!—раздались восклицанія.

И, дѣйствительно, когда кирасиры, бросившіеся за Гарри въ погоню, нашли въ частоколѣ мѣсто, гдѣ они могли проѣхать, Черный всадникъ былъ уже такъ далеко, что казался лишь небольшой точкой. Всякая погоня становилась безполезной.

XXXVII.

Бѣгство Гарри Гольтенора и особенно обстоятельства этого бѣгства произвели въ краѣ сенсацію. Никто рѣшительно не зналъ, куда онъ скрылся. Предполагали, что, какъ большинство бѣглецовъ того времени, онъ скрылся въ Лондонѣ, гдѣ многочисленность населенія дѣлала поиски крайне трудными.

Капитанъ Скартъ былъ отъ бѣгства Гарри внѣ себя. Но онъ все же скрылъ это обстоятельство такъ же какъ и арестъ Гарри отъ начальства, продолжая, однако, всячески разыскивать бѣглеца. Онъ разослалъ всюду шпіоновъ и вскрывалъ всю корреспонденцію, которая получалась въ замкѣ сэра Мермедука.

Само собой разумѣется, что положеніе его въ замкѣ отъ того еще болѣе ухудшилось, хотя онъ и старался какъ можно менѣе давать чувствовать его обитателямъ тяжесть своего непрошеннаго постоя. Эта любезность капитана къ сэру Мермедуку объяснялась его чувствами къ Мэри, которую

онъ все еще надѣялся расположить къ себѣ. Впрочемъ, въ виду богатства Мэри, капитанъ готовъ былъ жениться на ней и вопреки ея желанію.

— Все равно, пусть она меня не любитъ,—думалъ капитанъ,— она, во всякомъ случаѣ, моею женой будетъ. Чтобы добиться этого, я, въ крайнемъ случаѣ, употреблю въ дѣло и ту тайну, которую я узналъ про сэра Мермедука. Вѣдь одно мое донесеніе,—и баронетъ очутится въ тюрьмѣ!

Дѣйствительно, положеніе сэра Мермедука послѣ ареста Гарри было очень щекотливое. Вотъ почему и онъ самъ и его дочь, по его настоянію, были со Скартомъ довольно любезны. И вотъ почему самъ Скартъ находился въ нѣкоторомъ заблужденіи относительно тѣхъ истинныхъ чувствъ, которыя питали къ нему обитатели замка. Скоро, однако, все это измѣнилось. Причиной явился деревенскій праздникъ, устроенный сэромъ Фредерикомъ Дейрелемъ, сосѣдомъ баронета.

Раннимъ утромъ въ день этого праздника Мэри и ея кузина Лора, обѣ въ прелестныхъ амазонкахъ изъ зеленаго бархата, выѣзжали изъ замка сэра Мермедука въ имѣніе Дейреля. Ихъ сопровождали охотники съ соколами и стаи гончихъ.

Вальтеръ сказалъ, что соколиная охота, которую устроитъ Дейрель, будетъ великолѣпна,—обратилась Лора къ Мэри.

— Великолѣпна для тѣхъ, кому она интересна.

— А развѣ ты не любишь эту охоту? Ты же часто ѣздила въ лѣсъ съ соколомъ.

— Да, но въ одиночествѣ, а не съ незнакомыми людьми.

— Неужели-же ты увѣрена, что никто тебѣ тамъ не понравится?

— Сомнѣваюсь.

— Даже и капитанъ Скартъ?

— Ужъ скажи лучше поручикъ Стоббсъ!

— Ну, этотъ ужъ слишкомъ глупъ.

— А капитанъ слишкомъ уменъ для меня, и, право если выбирать, я предпочла бы поручика.

— Стоббсъ! Да я думаю, ни одна женщина не захочетъ называться мистриссъ Стоббсъ!

— По моему Скартъ не лучше.

— Но ты все же любезничаешь съ нимъ.

— Что дѣлать? Приходится по обязанности.

— Я шучу, Мэри. Я знаю, что твой герой Гольтеноръ.

— Да, Лора, и этотъ настоящій! — воскликнула дѣвушка ардѣвшимся лицомъ.—Только, пожалуйста, не проболтайся этомъ. Смотри же! А то я скажу Вальтеру, что ты валивала мнѣ Стоббса.—Мэри Уадъ хитро улыбнулась.

— Да, да, представь, онъ уже ревнуетъ меня къ нему, хотя тегорически отклонила всякія ухаживанья этого поручика.

Въ то время, какъ молодыя дѣвушки вели эту бесѣду, въ атѣ офицеровъ шелъ разговоръ между Скартомъ и Стоб-мъ, которые тоже готовились ѣхать на охоту.

— Вы все-таки, хотите еще разъ попытать счастья, чикъ? — смѣясь говорилъ капитанъ, расхаживая по ком-.

— Да, капитанъ. Но боюсь, что она опять откажетъ мнѣ.

— Перспектива печальная!

— Но я все-таки попробую. И знаете, капитанъ, что я умалъ?

— Что такое?

— Видите ли, она любитъ своего дядю, и, пользуясь этимъ, чу намекнуть ей, что сэръ Мермедукъ въ нашихъ рукахъ, о ему угрожаетъ висѣлица.....

— Если только вы хоть слово скажете объ этомъ, то итесь!—закричалъ Скартъ, грозно подскочивъ къ пору-.—Развѣ вы не помните мое приказаніе?

— Хорошо, капитанъ я буду молчать.

— Я думаю. Еще бы! Этотъ секретъ можетъ быть открытъ едуку только мной.

Въ этотъ моментъ въ дверь постучался лакей и сообщилъ, юшади поданы. Черезъ минуту оба офицера уже догоняли и Лору, сэра Мермедука и многочисленныхъ охотниковъ ворами собакъ. Кавалькада направлялась къ Фуль-кому озеру.

XXXVIII.

ь настоящее время Фульмерскаго озера не существуетъ. воды спустили въ Темзу и Кольнъ, а на его мѣстѣ нулась красивая деревня. Но въ то время, къ которому ится нашъ разсказъ, это озеро еще существовало, и разъ въ его окрестностяхъ должна была состояться та ипая охота, на которую Дейрель и его хорошенькая дочь ... пригласили сосѣдей.

... Дейрель, несмотря на свой небольшой ростъ, была

привлекательна и имѣла много поклонниковъ. Она отличалас острымъ умомъ и слыла за крайнюю тори, преданную корол Неудивительно поэтому, что на приглашеніе откликнула вся мѣстная знать, искавшая случая доказать свое, въ су ности весьма сомнительное вѣрноподданство.

Послѣ блестящей охоты все избранное общество собралос на вершину одного изъ холмовъ, гдѣ былъ приготовлен великолѣпный завтракъ. Когда были наполнены бокалы утоленъ голодъ, завязались разговоры, пересуды, смѣхъ шутки.

— Ужасно жаль, что здѣсь отсутствуетъ Черный всад никъ,— сказала смѣясь Доротея.— Вы напрасно не привезл его, капитанъ.

— Моя обязанность... началъ Скартъ,—извиняться перед красавицей.

— Къ чему вы извиняетесь, капитанъ,—перебилъ Дей рель,—вы поступили, какъ вѣрноподданный, и очень жаль, чт этому господину удалось бѣжать.

— А что его ожидало?—спросилъ сэръ Мермедукъ.

— Отсѣченіе головы,—злорадно отвѣтилъ Дейрель.

— Какое это было бы несчастье!—притворяясь чувстви тельной замѣтила Доротея.

— Несчастье? Что ты говоришь, дочь моя?—строго обра тился къ ней Дейрель.—Я бы самъ охотно отрубилъ голов такому мятежнику. Да и ты кажется думала утромъ иначе об этомъ, чѣмъ теперь.

— Да, но я не знала тогда...

— Что?—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Что имъ многіе заинтересованы.

И Доротея бросила при этихъ словахъ инквизиторскі взглядъ на сидѣвшую недалеко отъ нея Мэри Уадъ.

— Кто же можетъ интересоваться такимъ авантюри стомъ?—спросилъ Дейрель.

— Во первыхъ его жена.

— Какъ, онъ женатъ?—раздались удивленные возгласы

— Да, я узнала это только сегодня утромъ отъ моего кузе на Уэйланда, который только что вернулся отъ двора. И знае те, какъ его зовутъ въ дѣйствительности? Совсѣмъ не Гольт норъ.

Дѣвушка назвала громкое имя, которое дес... пе

редъ тѣмъ производило сенсацію и компрометировало Генрісту французскую.

Услышавъ, кто такой Гольтеноръ, многіе изъ гостей сразу перемѣнили о немъ мнѣніе. Для нихъ онъ сталъ уже не авантюристомъ, а счастливцемъ, какимъ тогда всегда считали любимыхъ пажей королевы. Даже въ глазахъ высокомѣрной Доротеи Гольтеноръ, когда она узнала его прошлое, онъ выросъ въ героя, и она уже чувствовала довольно серьезное увлеченіе имъ. Что касается Мэри, то услышавъ исторію Гольтенора, она поблѣднѣла и еле сидѣла за столомъ.

— Онъ женатъ!—съ тоской думала она.—Гольтеноръ женатъ! Значитъ моей любви конецъ!

Однако, Мэри чувствовала, что не перестанетъ любить его.

— Я простила бы ему! Отчего онъ не открылся мнѣ?

Въ это время къ ней подошла Лора.

— Пойдемъ, Мэри, мнѣ надо кое-что сказать тебѣ.

Обѣ дѣвушки отошли отъ общества.

— Милая Мэри,—сказала Лора,—представь себѣ, этотъ нахалъ Стоббсъ опять сдѣлалъ мнѣ предложеніе.

— Что же ты отвѣтила ему?

— Я опять рѣзко отказала ему, но онъ настаивалъ. Тогда я вышла изъ себя и сказала ему, что если онъ не оставитъ меня, то я дамъ ему пощечину.

— Ты сказала объ этомъ моему брату?

— Нѣтъ, и, пожалуйста Мэри, ты ничего не говори ему. Если онъ узнаетъ объ этомъ, то вызоветъ Стоббса на дуэль. Но мнѣ все-таки очень хотѣлось-бы, чтобы кто-нибудь наказалъ этого нахала, напримѣръ, Гольтеноръ. Ему это не будетъ трудно.

Тутъ только Лора замѣтила, какъ грустна ея кузина.

— Не грусти, Мэри,—сказала она,—можетъ быть все, что говорила Доротея Дейрель, неправда. Она такая же лгунья, какъ и ея кузенъ. Навѣрное, Гольтеноръ не женатъ. А если женатъ, то онъ негодяй, и ты должна забыть его!

— Должна забыть! Но какъ же я забуду его, если люблю?

— Придетъ время, разлюбишь.

— Никогда!—твердо отвѣтила Мэри чуть не плача. Черезъ минуту, однако, молодая дѣвушка овладѣла собой, придала своему лицу равнодушный видъ и, взявъ Лору подъ руку, вернулась къ обществу.

XXXIX.

Охота, устроенная Дейрелемъ, понравилась всѣмъ, и, вѣроятно, никто не возвращался съ нея грустный, за исключеніемъ Мэри Уадъ. На людяхъ дѣвушка еще крѣпилась, но вернувшись домой, она дала волю свему горю и отчаянію. Мэри не спала всю ночь.

Мы не станемъ описывать ея мученій. Только женщина, которая любила всей душой и испытала измѣну любимаго человѣка, пойметъ, что испытывала она. Ничто не могло ее утѣшить. Ей казалось, что она скатилась въ какую-то пропасть, изъ которой уже нѣтъ выхода.

До сихъ поръ, несмотря на ревность и неизвѣстность, Мэри, все же, жила надеждой. А послѣ послѣдняго объясненія, даже таинственныя обстоятельства его жизни, о которыхъ онъ сказалъ ей, не пугали ее.

— Все равно, если только онъ любитъ меня,—говорила она себѣ,—я буду счастлива однимъ этимъ сознаніемъ.

Но теперь, когда она узнала, что онъ женатъ, всѣ надежды ея рухнули.

Гольтеноръ женатъ!—эта мысль не давала ей покоя. И, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, она жаждала узнать правду до конца. Она понимала, что это только усилитъ ея горе, но оставаться въ неизвѣстности было слишкомъ мучительно. Всю долгую безсонную ночь Мэри придумывала, что-бы ей предпринять. Наконецъ, она рѣшила написать Гольтенору.

Рано утромъ, когда всѣ обитатели замка еще спали, молодая дѣвушка вышла изъ замка, закутанная въ плащъ, съ готовымъ письмомъ въ рукахъ.

Но куда было ей идти? Кому передать это письмо?

Почти безъ опредѣленной цѣли она направилась по дорогѣ въ Стонъ-Динъ, гдѣ жилъ человѣкъ, котораго она любила. Еще недавно она ни за что не рѣшилась бы на такой шагъ, но теперь ее не удерживалъ ни женскій стыдъ, ни страхъ, что ее могутъ узнать.

На конвертѣ письма стояло только два слова: «Гарри Гольтенору». А содержаніе его составляли упреки, сопровождаемые сожалѣніями и требованіемъ объясненій.

. . . .

Въ одно время съ Мэри писалъ ночью въ замкѣ письмо и Скартъ. Охота помѣшала ему сдѣлать это наканунѣ, и онъ занялся поэтому этимъ ночью. Письмо, которое онъ писалъ, было адресовано Мэри Уадъ. Рядомъ съ нимъ лежалъ большой пакетъ и бѣлая перчатка.

Странно было, однако, что капитанъ писалъ не своимъ почеркомъ. Изъ связки политическихъ писемъ, найденныхъ имъ при обыскѣ у Гольтенора, онъ досталъ нѣсколько такихъ писемъ и тщательно поддѣлывался подъ руку Чернаго всадника. Окончивъ писать, онъ запечаталъ письмо и перчатку въ конвертъ, и надписалъ на немъ: «Миссъ Мэри Уадъ».

— Ну, теперь отлично,—произнесъ самодовольно капитанъ.—Однако этотъ пакетъ долженъ быть переданъ Мэри не въ замкѣ, а гдѣ-нибудь внѣ его во время ея прогулки, какимъ-нибудь неизвѣстнымъ ей человѣкомъ. Хорошо бы поручить это дѣло Виллю Уифорду. Мэри, кажется знаетъ, что онъ исполнялъ разныя порученія Чернаго всадника и отнесется къ нему съ довѣріемъ. Вилли можетъ улучить минуту, когда она выйдетъ гулять, подойдетъ къ ней и передастъ какъ бы исподтишка мой пакетъ. Но этотъ проклятый дровосѣкъ что-то не идетъ. Онъ долженъ былъ быть здѣсь сегодня утромъ.

Дѣйствительно, съ первыми лучами солнца показался подъ окномъ капитана Уифордъ. Капитанъ быстро переговорилъ съ нимъ относительно той цѣли, для которой вызвалъ его, передалъ ему пакетъ и затѣмъ сказалъ:

— Такъ смотри-же, Уифордъ, будь остороженъ. Сдѣлай такъ, чтобы миссъ Уадъ ничего не заподозрила. Какъ только ты ей передашь письмо, немедленно же удались, чтобы не дать ей возможности разспрашивать тебя. Ну, ступай, и никому не говори о томъ, зачѣмъ ты приходилъ ко мнѣ. Когда ты исполнишь мое порученіе, то получишь отъ меня хорошую награду, а пока возьми вотъ это.—И капитанъ протянулъ дровосѣку золотую монету. Положивъ деньги въ карманъ, дровосѣкъ быстро удалился.

Когда онъ былъ уже по другую сторону рва, навстрѣчу ему попалась женщина въ плащѣ, лицо которой закрывалъ капюшонъ. Приглядѣвшись къ ней, Вилли очень скоро призналъ въ ней миссъ Мэри.

Дѣвушка шла быстрымъ шагомъ, опустивъ голову. Дровосѣкъ быстро свернулъ въ сторону, далъ пройти дѣвушкѣ и

затѣмъ послѣдова. за ней. Выйдя изъ парка, Мэри пошла по большой дорогѣ. У бука, столь памятнаго ей по неоднократнымъ встрѣчамъ съ Гарри, она остановилась. Горькія теперь воспоминанія о счастливыхъ минутахъ стѣснили ей сердце. Она задумалась.

Ее вывели изъ задумчивости тяжелые шаги приближавшагося къ ней дровосѣка. Мэри сразу узнала его, но такъ какъ ей нечего было сказать ему, то она не обратила вниманія на него и хотѣла уже идти дальше, какъ вдругъ дровосѣкъ окликнулъ ее по имени.

— Миссъ Уадъ!—проговорилъ онъ, невольно чувствуя смущеніе передъ изящной и красивой аристократкой.

— Вы имѣете что-нибудь сказать мнѣ?—спросила дѣвушка, недовольная тѣмъ, что ей помѣшали.

— Мнѣ необходимо было говорить съ вами. Я давно уже иду за вами, съ самаго замка.

— Что же вы хотѣли сказать мнѣ?—спросила опять Мэри, съ нѣкоторой тревогой, вполнѣ, впрочемъ, естественной при встрѣчѣ съ дровосѣкомъ въ лѣсу, гдѣ она была совершенно одна.

— Богъ знаетъ, какіе у него замыслы,—подумала дѣвушка.

Страхъ ея, однако, скоро разсѣялся, когда Уифордъ началъ объяснять ей, что у него есть для нея пакетъ, который онъ долженъ отдать безъ свидѣтелей.

— Отъ кого же этотъ пакетъ?—спросила Мэри, беря пакетъ, который протянулъ ей съ неуклюжимъ поклономъ дровосѣкъ.

— Отъ мистера Гольтенора,—отвѣтилъ Вилли, стараяс[ь] придать голосу безразличіе.

— Отъ мистера Гольтенора?

— Да, миссъ Уадъ. Но извините, я долженъ сейчасъ ж[е] оставить васъ. Я боюсь, чтобы кто-нибудь не замѣтилъ насъ. Могу вамъ сообщить только, что господинъ Гольтеноръ въ без[-] опасномъ мѣстѣ, и что онъ помирился со своей женой. Впро[-] чемъ, вы все это узнаете, вѣроятно, изъ письма. Про[-] щайте, миссъ.

Дровосѣкъ быстро удалился.

Мэри до такой степени была взволнована, что [оч]нулась лишь тогда, когда Уифордъ давно исчезъ за пов[оротомъ] дороги. Какое-то предчувствіе говорило ей, что въ эт[омъ]

кетѣ заключается нѣчто, что причинитъ ей огромное горе. Дрожащими пальцами она разорвала конвертъ: сердце ея замерло, когда она увидѣла, что было въ немъ! Ей возвращали залогъ ея дѣвичьей любви—бѣлую перчатку.

Мэри выронила пакетъ и, какъ подкошенная, опустилась на землю. Она не плакала и не билась головою, она даже не стонала. Ея отчаяніе было такъ велико, что она вся застыла и только растерянно глядѣла на лежавшую въ пыли перчатку.

— Гольтеноръ разлюбилъ меня!—думала дѣвушка... Но она не хотѣла этому вѣрить.

— Нѣтъ, не то! Не могъ бы онъ такъ скоро разлюбить Онъ просто никогда и не любилъ меня!

Эта мысль, однако, не только не облегчала ея страданій, а дѣлала ихъ еще болѣе невыносимыми. Наконецъ, горе ея разразилось слезами. Ей не стало легче отъ этихъ слезъ, но столбнякъ въ которомъ она находилась, прошелъ. Она встала и медленно пошла къ замку.

XL.

Что заставило капитана Скарта отослать Мэри бѣлую перчатку? Вѣдь онъ зналъ, что [illegible] Гольтеноръ не могъ уже быть ему соперникомъ. Очевидно, [illegible] подсказала капитану его ревность. Онъ хо[illegible] ли дѣлѣ получилъ Гольтеноръ эту пер[illegible]арокъ, или же случайно нашелъ ее? Если пр[illegible]—что эта перчатка подарена Гольтенору, то возвращеніе ея [illegible] женъ вызвать разрывъ между влюбленными. Въ [illegible] же, если перчатка была случайно найдена Гарри, и [illegible] читъ равнодушна къ нему, это не произведетъ на [illegible] никакого впечатлѣнія. Конечно, капитанъ никакъ не могъ подозрѣвать объ условіи, которое было заключено между Мэри и Гольтеноромъ. Знай онъ это, никогда капитанъ не рѣшился бы на свой поступокъ, такъ какъ онъ могъ только повредить ему. А, между тѣмъ, Скартъ хотѣлъ уже начать осуществленіе своихъ плановъ относительно дѣвушки.

Съ каждымъ днемъ страсть его разгоралась больше и больше, а съ другой стороны, тайна, посредствомъ которой онъ на[illegible]ся добиться согласія на свой бракъ съ Мэри отъ сера Мер[illegible]ка, теряла свое значеніе съ каждымъ днемъ. Ма[illegible]и что могло случиться! Политическія событія въ ту эпо

ху чередовались очень быстро, и положенiе различныхъ партiй мѣнялось съ каждымъ днемъ. Нужно было торопиться.

Скартъ такъ и рѣшилъ: сдѣлать опытъ съ перчаткой и, въ случаѣ удачи, немедленно же вслѣдъ за тѣмъ начать сватовство. Сопротивленiя онъ не боялся, разсчитывая на влiянiе сэра Мермедука, который пока всецѣло былъ въ его рукахъ.

Такiя именно мысли занимали капитана, когда онъ посылалъ исполнять свое порученiе Уифорда.

Скартъ быстрыми шагами ходилъ по своей комнатѣ, нетерпѣливо посматривая время отъ времени въ окно.

— Скоро ли, наконецъ, вернется этотъ негодяй!—пронеслось у него въ головѣ.—Впрочемъ онъ, можетъ быть, и не встрѣтитъ сегодня Мэри. Это не такъ легко. А вдругъ онъ отдастъ ей пакетъ въ присутствiи другихъ! Съ него станется. Но вѣдь иначе ему придется, пожалуй, дожидаться удобнаго случая цѣлую недѣлю? Однако, что это такое? Неужели Уифордъ?

Дѣйствительно, на аллеѣ парка показалась фигура дровосѣка.

— Какiя-то вѣсти онъ несетъ мнѣ?—подумалъ капитанъ.—Кажется хорошiя. Лицо его улыбается. Побѣгу къ нему навстрѣчу, а то, если онъ подойдетъ опять къ моему окну, его могутъ замѣтить.

Не долго думая, Скартъ взялъ каску и выбѣжалъ въ паркъ.

— Что же ты такъ скоро?—обратился онъ къ дровосѣку.—Неужели неудача?

— Нѣтъ, капитанъ, напротивъ, полный успѣхъ. Я отдалъ ваше письмо по адресу и при тѣхъ самыхъ условiяхъ, при какихъ это было нужно.

— Ты, значитъ, встрѣтилъ миссъ Мэри Уадъ?

— Да.

— Гдѣ же ты встрѣтилъ ее?

— На дорогѣ, которая ведетъ къ Стонъ-Дину.

— Въ такой раннiй часъ? Миссъ Мэри на дорогѣ? Ты не ошибся ли?

— Нѣтъ, капитанъ. Я не могъ ошибиться. Я много разъ встрѣчалъ ее на этой дорогѣ. Только обыкновенно она всегда ѣздила верхомъ, а сегодня она шла пѣшкомъ.

— Какъ, одна?

— Да, капитанъ, совершенно одна.

— Но что же дѣлала миссъ Мэри на этой дорогѣ?

— Она стояла подъ большимъ букомъ и такъ задумалась, что замѣтила меня только тогда, когда я подошелъ къ ней.

— И ты сейчасъ же отдалъ ей пакетъ?

— Да, капитанъ.

— И тотчасъ же удалился?

— Да, какъ вы приказали.

— А она осталась тамъ?

— Да, капитанъ.

— А когда ты шелъ обратно, никто не попадался тебѣ по дорогѣ?

— Рѣшительно никто.

— Такъ ты говоришь, дорога эта ведетъ въ Стонъ-Динъ?

— Да, капитанъ, она идетъ рядомъ съ большой дорогой, пересѣкая холмы.

— Знаю, знаю. Ну, молодецъ. Спасибо. Вотъ тебѣ на выпивку, а теперь уходи и смотри, чтобъ тебя никто не встрѣтилъ. Вечеромъ, можетъ быть, ты понадобишься мнѣ опять.

Капитанъ сунулъ дровосѣку еще одинъ золотой. Получивъ деньги, Уифордъ откланялся и осторожно выбрался изъ парка никѣмъ незамѣченный.

— Что бы такое могло заставить ее пойти по Стонъ-Динской дорогѣ одну въ такой ранній часъ? Ужъ не шла ли она на свиданіе къ своему возлюбленному?—подумалъ капитанъ.—Пожалуй, если я поспѣшу, я успѣю захватить тамъ и его.

Скартъ немедленно приказалъ собраться ѣхать съ нимъ двѣнадцати кирасирамъ. Надѣвъ латы и каску, капитанъ поспѣшилъ самъ на дворъ, выпивъ для храбрости стаканъ вина. Какъ только ему подали лошадь, Скартъ вскочилъ въ сѣдло и, сопровождаемый двѣнадцатью всадниками, помчался по дорогѣ къ Стонъ-Дину. Выѣхавъ на одинъ изъ холмовъ, Скартъ сейчасъ же замѣтилъ вдали одинокую женскую фигуру, сидѣвшую подъ огромнымъ букомъ.

— Это должна быть миссъ Мэри,—подумалъ капитанъ и онъ тотчасъ же приказалъ сопровождавшимъ его кирасирамъ повернуть къ замку, а самъ тронулся дальше.—Если Гольтеноръ и былъ съ нею,—разсудилъ Скартъ,—то теперь онъ уже далеко, и всякая погоня будетъ безполезной. Лучше подъѣду къ ней одинъ. Вѣрнѣе, что Гольтенора не было съ ней, а въ такомъ случаѣ, послѣ переданнаго ей Вилли пакета, мнѣ представится рѣдкій случай поговорить съ ней наединѣ. Къ тому же, если она имѣетъ какія-либо сношенія съ Гольтеноромъ, моя хит-

рость съ этой перчаткой скоро очень откроется. Надо дѣйствовать рѣшительно. Объяснюсь съ ней сегодня же. Если она согласится стать моей женой, то я дѣлаюсь сторонникомъ оппозиціи, и тогда конечно, заговоры сэра Мермедука меня больше не касаются... Но если она откажетъ мнѣ... о тогда, сэръ Мермедукъ, берегитесь! Ваша голова можетъ оказаться на эшафотѣ. Нѣтъ, дочь не захочетъ погубить отца. Но вотъ, она идетъ уже назадъ. Надо слѣзть съ лошади: объясниться ей въ любви, сидя въ сѣдлѣ, не принято, тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, я стану на колѣни. Я, капитанъ Скартъ, любимецъ королевы! Какъ бы стали насмѣхаться надо мной при дворѣ, еслибъ знали, что я объясняюсь въ любви деревенской крсавицѣ, дочери заговорщика! Что я ищу ея руки!

И Скартъ слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ ближайшему дереву и пѣшкомъ пошелъ навстрѣчу молодой дѣвушкѣ. Онъ сошелся съ ней у основанія холма. Какъ ни былъ рѣшителенъ капитанъ, предстоящее объясненіе волновало его: онъ боялся отказа.

На его почтительный поклонъ Мэри отвѣтила очень холодно.

Однако, первый рѣшительный шагъ былъ уже сдѣланъ, и, хотя и смущенный, Скартъ прямо приступилъ къ объясненію.

— Миссъ Мэри Уадъ,—сказалъ онъ дѣвушкѣ, первый нарушая молчаніе,—мнѣ необходимо переговорить съ вами.

— Здѣсь? И такъ неожиданно? Такъ спѣшно?

— Я давно ищу случая встрѣтиться съ вами безъ свидѣтелей, но это мнѣ все не удавалось,—отвѣтилъ капитанъ.

— Встрѣтиться... со мной? наединѣ? Но для чего, капитанъ?

— Сейчасъ я вамъ объясню это. Я люблю...

— Прекрасно. Но почему я должна быть вашимъ довѣреннымъ лицомъ въ такихъ чувствахъ? Ваша тайна можетъ принадлежать лишь той, которую вы любите.

— Я и открываюсь той, которую люблю. Миссъ Мэри, зачѣмъ вы скрываете свои мысли? Вы не могли не замѣтить, что я люблю васъ. Моя любовь къ вамъ не имѣетъ границъ. Не отвергайте же моей просьбы. Отдайте мнѣ вашу руку и сердце, прелестная и дорогая миссъ Мэри!.. Во всякомъ случаѣ, скажите, что я могу надѣяться, ждать!..

И капитанъ, снявъ съ головы каску, сталъ передъ Мэри на колѣни.

Молодая дѣвушка хранила молчаніе.

Между тѣмъ, Скартъ продолжалъ стоять на колѣняхъ, ожидая отвѣта. Положеніе это начинало ему уже казаться смѣшнымъ, но онъ все же рѣшилъ вести объясненіе до конца.

— Скажите же что нибудь! Не будьте жестоки Мэри! Только одно слово,—говорилъ капитанъ.—Повѣрьте, я сумѣю ради моей любви къ вамъ достигнуть самыхъ высокихъ отличій. Я буду лордомъ! Ну, скажите же, скажите, что я могу надѣяться...

Повидимому, капитанъ говорилъ искренно. Только это удержало Мэри отъ негодованія. На минуту ей даже стало жалко влюбленнаго капитана, но холодное равнодушіе и инстинктивная непріязнь къ этому человѣку взяли, наконецъ, верхъ. Вмѣсто того, чтобы отказать мягко и ласково, Мэри отвергла предложеніе капитана лаконически и съ презрѣніемъ, и продолжала свой путь.

Скартъ остался на мѣстѣ, смотря вслѣдъ удаляющейся дѣвушкѣ. Лицо его исказилось гнѣвомъ.

— Не хочетъ добромъ, такъ я возьму ее силой,—подумалъ капитанъ, отвязывая лошадь.—Что дѣлать? Она сама толкаетъ меня на этотъ путь. Сэръ Мермедукъ, вѣроятно, всталъ... Отправлюсь къ нему. Во всякомъ случаѣ, Мэри будетъ моя!

XLI.

Когда Скартъ вернулся въ замокъ, сэръ Мермедукъ сидѣлъ въ своей библіотекѣ. Хотя передъ нимъ и лежала книга, онъ не читалъ: Онъ думалъ.

Обстоятельства, въ которыя онъ попалъ послѣ собранія въ Стонъ-Динѣ и ареста Гольтенора, были, дѣйствительно, крайне серьезны. Онъ прекрасно понималъ, что участіе его въ революціонной сходкѣ было извѣстно, и что ему, а также и его близкимъ грозили самыя неожиданныя опасности. Кромѣ самихъ участниковъ о собраніи, которое состоялось у Гольтенора, знали только трое лицъ; Грегори, Денсей и Уифордъ. Кто же могъ быть шпіономъ? Очевидно, только одинъ изъ нихъ. Но одни, что бы могли сдѣлать эти люди?

— Это дѣло рукъ Скарта,—думалъ баронетъ.—Его любезность и притворная корректность давно уже возбуждали подозрѣніе сэра Мермедука. Онъ не довѣрялъ капитану.—И когда подумаешь только, что жизнь твоя находится въ рукахъ этого человѣка!—произнесъ баронъ.

У него оставалась надежда только на будущій парламентъ—тотъ историческій Долгій парламентъ, который дѣйствительно измѣнилъ судьбы Англіи. Но могъ ли сэръ Мермедукъ предвидѣть съ увѣренностью близкій уже въ то время политическій переворотъ?

Погруженный въ такія размышленія, баронетъ услышалъ вдругъ стукъ въ дверь. Вошелъ слуга и доложилъ, что сэра Мермедука желаетъ видѣть капитанъ Скартъ.

— Чего еще ему отъ меня нужно?—подумалъ съ неудовольствіемъ баронетъ. Увидавъ, однако, серьезное лицо капитана, сэръ Мермедукъ понялъ, что Скартъ имѣлъ къ нему, повидимому, дѣйствительно серьезное дѣло.

Онъ не ошибался. Какъ ни скрывалъ своихъ чувствъ капитанъ, но они явно проглядывали въ его вызывающихъ взглядахъ и въ тонѣ его рѣчи. Хотя Скартъ никогда не говорилъ баронету о своихъ чувствахъ къ Мэри, но сэръ Мермедукъ догадывался о нихъ, и, узнавъ объ этомъ, не столько удивился, сколько огорчился предложеніемъ капитана. Огорченіе это было бы еще сильнѣе, еслибъ сэръ Мермедукъ зналъ, что въ карманѣ капитана лежалъ подписанный королемъ приказъ объ арестованіи его. Этотъ приказъ капитанъ приготовилъ, правда, путемъ поддѣлки, сидя у себя въ комнатѣ. Но и фальшивый, онъ оказался-бы достаточенъ для того, чтобы быть приведеннымъ въ исполненіе.

— Простите, что я являюсь къ вамъ такъ рано, сэръ Мермедукъ,—началъ капитанъ,—но дѣло, которое я имѣю къ вамъ, настолько важно, что оно заставляетъ не считаться съ этикетомъ.

— Очевидно, вы говорите объ исполненіи вами какой-либо неотложной обязанности по службѣ?—задалъ вопросъ баронетъ.

— Я пришелъ къ вамъ, сэръ Мермедукъ, по двумъ дѣламъ. Одно изъ нихъ для меня тяжелая и непріятная обязанность, другое, наоборотъ, крайне пріятно для меня, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ удачи, оно можетъ заставить позабыть совершенно и первое.

— Объяснитесь, капитанъ. Я загадокъ не понимаю.

— Я и начну съ полной откровенности. Я люблю вашу дочь, сэръ Мермедукъ, и прошу у васъ ея руки.

— Отвѣчу вамъ такъ же откровенно: обратитесь съ в...

шимъ предложеніемъ къ моей дочери. Она рѣшитъ этотъ вопросъ такъ, какъ найдетъ для себя нужнымъ.

— Я уже сдѣлалъ это.

— И что же?

— Она отвергла мое предложеніе.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы обращаетесь еще разъ ко мнѣ?

— Я люблю миссъ Мэри, я хочу жениться на ней, я надѣюсь сдѣлать ее счастливой. Конечно, обстоятельства мнѣ не способствуютъ, но я думалъ, что ваше согласіе и, съ другой стороны...

— Я понялъ васъ, капитанъ,—сказалъ сэръ Мермедукъ холодно.—То, что отвѣтила вамъ моя дочь, то будетъ и моимъ отвѣтомъ. Вы можете стараться завоевать сердце моей дочери, но принуждать ее выходить за васъ замужъ я никогда не стану. Это мое послѣднее слово, капитанъ, и не будемъ продолжать разговора на эту тему.

— Я ожидалъ такого отвѣта,—сказалъ капитанъ, плохо скрывая свой гнѣвъ.—Хорошо, я подожду, но знайте, что у меня, кромѣ просьбъ и словъ, есть и болѣе убѣдительные аргументы.

— Не могу ли я узнать другую причину вашего визита?—перебилъ его сэръ Мермедукъ.—Вы, кажется, сказали, что она непріятна вамъ?

— Да. Можете не вѣрить мнѣ, сэръ Мермедукъ, но въ первый разъ въ жизни мнѣ приходится исполнять подобное порученіе.

— Говорите.

— Какъ бы я хотѣлъ отказаться отъ моей обязанности!

— Пожалуйста не стѣсняйтесь.

— Еслибъ это еще было мѣсяцъ тому назадъ, когда я не зналъ ни васъ, ни миссъ Мэри!—съ притворнымъ участіемъ произнесъ капитанъ.

— Въ серьезныхъ дѣлахъ, капитанъ, надо быть серьезнымъ,—строго остановилъ разглагольствованія Скарта баронетъ.—Потрудитесь говорить яснѣе.

— Я не въ силахъ даже передать вамъ то, что составляетъ мою обязанность,—продолжалъ притворяться капитанъ.—Прочтите сами.

Капитанъ протянулъ сэру Мермедуку бумагу. Баронетъ [illegible]нулъ ее и прочелъ:

«Капитану Скарту, командиру кирасирскаго эскадрона».

«До короля дошли свѣдѣнія, что сэръ Мермедукъ Уайдъ участвуетъ въ заговорѣ противъ Его Величества и королевскаго правительства. Въ виду этого предписывается капитану Скарту арестовать означенное лицо и препроводить въ лондонскую башню, для производства надъ нимъ слѣдствія, а затѣмъ для преданія его суду Звѣздной палаты.

«Предписаніе это должно быть исполнено немедленно.

«Подписано въ Уайтгольскомъ дворцѣ
Karolus Rex».

— Такъ я вашъ арестантъ?—сказалъ довольно спокойно сэръ Мермедукъ.

— Не мой, баронъ, а королевскій.

— И мнѣ немедленно нужно ѣхать въ Лондонъ?

— Да, какъ указано въ бумагѣ.

— Но я могу, надѣюсь, проститься со своими домашними?

— Я въ отчаяніи, что не могу разрѣшить вамъ этого, сэръ Мермедукъ.

— Какъ, я не могу проститься даже съ дѣтьми?—Не можетъ этого быть!

— Вы разрываете мнѣ душу, сэръ Мермедукъ, но какъ же я могу нарушить инструкцію, которая запрещаетъ это? Очевидно, этотъ королевскій приказъ какое-то недоразумѣніе. Дѣло кончится, вѣроятно, для васъ пустяками. Хорошо, такъ и быть. Я разрѣшу свиданіе въ моемъ присутствіи.

— Въ вашемъ присутствіи? Все равно.

И сэръ Мермедукъ приказалъ позвать Мэри, Вальтера и Лору.

. . . .

Сцена прощанія произошла раздирающая. Скартъ дѣлалъ видъ, что онъ тронутъ до слезъ и говорилъ:

— О, зачѣмъ только я долженъ присутствовать при этомъ!

Не больше, какъ черезъ часъ, подъ сильнымъ конвоемъ, сэръ Мермедукъ выѣзжалъ изъ замка по лондонской большой дорогѣ.

XLII.

Уже черезъ недѣлю Звѣздная палата разобрала вину сэра Мермедука и постановила приговоръ: его присудили къ отсѣченію головы.

съ в...

Вѣсть объ этомъ какъ громомъ поразила всю семью баронета. Вальтеръ ѣздилъ въ Лондонъ и онъ-то и привезъ эту ужасную вѣсть.

Капитанъ Скартъ разыгрывалъ, конечно, рыцаря. Онъ такъ искусно притворялся, что дѣти осужденнаго, даже Мэри, готовы были уже вѣрить его искреннему сочувствію. Само собой разумѣется, что еслибъ они хоть на минуту увидали отца, онъ тотчасъ же разсѣялъ бы ихъ заблужденія, такъ какъ капитанъ былъ однимъ изъ главныхъ свидѣтелей противъ осужденнаго.

Послѣ долгихъ совѣщаній рѣшено было, что Мэри поѣдетъ въ Лондонъ и будетъ умолять королеву на колѣняхъ. Однако Вальтеръ, уже бывшій въ Лондонѣ, отговорилъ сестру отъ ея плана.

— Твоя поѣздка ничѣмъ не кончится,—сказалъ онъ ей.—Я уже умолялъ королеву, но напрасно. Единственный человѣкъ, который можетъ спасти отца,—это капитанъ Скартъ.

— Капитанъ Скартъ?—удивилась Мэри.

— Да, только онъ.

— Вальтеръ правъ. Капитанъ уже намекалъ мнѣ, что онъ можетъ спасти дядю,—сказала Лора.—Побори свою гордость, Мэри! Ты знаешь свою власть надъ капитаномъ: одно твое слово будетъ для него закономъ.

— Мэри,—сказалъ Вальтеръ,—Лора права. Я знаю, что капитанъ имѣетъ вліяніе при дворѣ. Разъ одно твое слово можетъ заставить его просить королеву за отца,—сдѣлай это. Жертва твоя будетъ не велика.

— Нѣтъ, Вальтеръ,—отвѣтила Мэри.—Жертва моя гораздо серьезнѣе, чѣмъ ты думаешь. Я знаю, чего хочетъ Скартъ.

— Чего-же?

— Моей руки.

— Въ такомъ случаѣ, сестра, если твое сердце ему не принадлежитъ, жертва эта, конечно, невозможна.

— Однако, если я не пойду на нее, все пропало!

— Боже!—воскликнула Лора.—Неужели жизнь отца въ рукахъ такого человѣка?

— Я все таки пойду и попробую уговорить его. Я спрошу его, какою цѣною онъ хочетъ спасти отца.—И Мэри вышла изъ комнаты.

Скартъ дѣйствительно могъ спасти сэра Мермедука, но онъ рѣшилъ сдѣлать это только при одномъ условіи: если Мэри сог-

ласится выйти за него замужъ. И онъ уже подумывалъ о томъ, не попробовать-ли снова сдѣлать предложеніе дѣвушкѣ? Какъ разъ въ то время, какъ онъ обдумывалъ эти планы, дверь въ его комнату отворилась и вошла Мэри.

— Она сама пришла ко мнѣ,—подумалъ самодовольно капитанъ, котораго, однако, мучила совѣсть за его гнусные планы.—Значитъ, она, такъ или иначе, будетъ просить о содѣйствіи.—Миссъ Мэри,—сказалъ онъ, любезно кланяясь дѣвушкѣ,—я очень радъ, что вы сами пришли ко мнѣ, и что мнѣ не нужно тревожить васъ. Я только что собирался нарушить ваше печальное уединеніе и собирался предложить вамъ свою помощь въ дѣлѣ вашего отца.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ я благодарна вамъ за эти слова, капитанъ! Я знаю, что вы имѣете вліяніе при дворѣ.

— Да, главнымъ образомъ я пользуюсь вліяніемъ на королеву,—съ улыбкой замѣтилъ Скартъ.

— Такъ сдѣлайте же капитанъ, все, что вы въ силахъ... Сдѣлайте, и я всю жизнь буду вамъ признательна!..

— Признательность—это чувство холодное. Замѣните его чувствомъ болѣе нѣжнымъ.

— Я не понимаю васъ, капитанъ.

— Я хочу сказать, чтобы вы замѣнили признательность любовью. Да, Мэри, дайте мнѣ вашу любовь, и я буду вашимъ рабомъ и спасу вашего отца цѣною собственной гибели.

Послѣ этихъ словъ капитана Мэри умолкла. Она, очевидно, размышляла. Это подало капитану нѣкоторую надежду.

— Вотъ что, капитанъ,—сказала наконецъ, Мэри,—вы человѣкъ свѣтскій и, какъ говорятъ, знатокъ женскаго сердца.

— Вы льстите мнѣ! Но зачѣмъ это?

— Я не льщу вамъ, капитанъ. Я хочу сказать только, что если вы дѣйствительно понимаете женское сердце, то вы не можете не видѣть, что просьба, съ которою вы только что обратились ко мнѣ, невыполнима. Женщина не можетъ дарить свою любовь, ее нужно завоевать, надо завоевать женское сердце.

— А развѣ ваше сердце?...

— А мое сердце мнѣ болѣе не принадлежитъ!

— Не принадлежитъ!—воскликнулъ капитанъ, волнуемый ревностью,—не принадлежитъ?

— Да, мистеръ Скартъ. Мое сердце не принадлежитъ мнѣ и я не могу уже отдать его никому. Не требуйте же того.

невозможно. Примите то, что въ моей власти предложить вамъ: мою признательность до гроба!..

Скартъ былъ уничтоженъ. Онъ поблѣднѣлъ и затрясся. Онъ сталъ въ одно и то же время печаленъ и гнѣвенъ. Онъ понялъ, что на любовь Мэри ему, дѣйствительно, разсчитывать уже нельзя.

— Да, она права. Ея сердце не принадлежитъ ей, да къ тому же оно и разбито,—подумалъ капитанъ. Что же дѣлать? Завладѣть ея рукою и состояніемъ!

Такъ рѣшилъ Скартъ, когда онъ снова обратился къ Мэри.

— Я очень дорожу вашей признательностью, прелестная миссъ Мэри,—заговорилъ капитанъ съ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія.—Чтобъ имѣть на нихъ право, я готовъ на большія жертвы, но у васъ есть нѣчто, что вы можете дать мнѣ и безъ сердца, и что я цѣню гораздо выше признательности.

— Что же такое?—спросила Мэри.

— Ваша рука.

— Это та цѣна, которую вы требуете за жизнь отца?

— Да.

— Но, капитанъ,—въ отчаяніи заговорила Мэри,— какую же цѣну можетъ имѣть для васъ моя рука безъ...

— Вы хотите сказать,—безъ сердца? Сердце женщины перемѣнчиво, Мэри, и я буду надѣяться, что когда-нибудь вы полюбите меня.

— Никогда, капитанъ Скартъ!

— Во всякомъ случаѣ, я буду имѣть вашу руку. Но довольно разсуждать, миссъ Мэри. Мое рѣшеніе непреклонно: или ваша рука,—и отецъ вашъ будетъ спасенъ, или же отказъ,—и, тогда голова сэра Мермедука будетъ на плахѣ.

— Сжальтесь, капитанъ! На колѣняхъ умоляю васъ. Спасите отца!

И гордая дѣвушка дѣйствительно пала на колѣни, забывъ все на свѣтѣ. Волосы ея раскинулись по плечамъ. На глазахъ дрожали крупныя слезы.

Видъ плачущей у его ногъ Мэри, этой гордой красавицы, которая съ презрѣніемъ отвергла его предложеніе около холма, вызвалъ въ капитанѣ чувство своей власти и жестокости: «А все-таки ты у моихъ ногъ!»—подумалъ онъ.

— Да, миссъ Мэри, я могу и хочу спасти вашего отца,—съ усмѣшкой произнесъ Скартъ.

Въ заплаканныхъ глазахъ Мэри, которые она подняла на капитана, блеснулъ лучъ надежды.

— Да, я спасу и хочу спасти вашего отца, миссъ Мэри, но для этого вы должны принадлежать мнѣ! Согласны?

— Этотъ человѣкъ безъ жалости!—пробормотала Мэри, и поднялась.

— Вы пренебрегли моей любовью,—потому я и безжалостенъ,—отвѣтилъ капитанъ.

— Я не пренебрегаю вами сейчасъ, капитанъ, это слишкомъ ясно, но отдаться человѣку безъ любви, выше моихъ силъ...

— Я и не прошу этого, миссъ Мэри. Позвольте только назвать васъ моей женой и надѣяться... Передъ вами человѣкъ, никогда не получавшій отказа... И я не могу измѣнить своего рѣшенія. Скажите, что вы согласны быть моей женой, и я исполню малѣйшее ваше желаніе. Не хотите—пеняйте на себя. Я жду: да или нѣтъ?

И Скартъ нервно зашагалъ по комнатѣ. Между тѣмъ Мэри приблизилась къ окну и стала смотрѣть на небо, точно призывая его себѣ на помощь. Молодая дѣвушка облокотилась на подоконникъ, повернувшись спиной къ капитану. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

О чемъ думала Мэри? Взвѣшивала-ли она свое рѣшеніе, колеблясь между безчестьемъ и любовью къ отцу? Рѣшила ли она выйти за Скарта, потому что послѣ потери ею Гольтенора, ничто ей не могло уже казаться страшнымъ? Молилась ли она? Никому никогда не сказала она объ этомъ. Но вдругъ, въ то время, какъ Скартъ все еще шагалъ по комнатѣ, ожидая ея отвѣта, она радостно вскрикнула, взмахнула руками,—и бросилась бѣгомъ на балконъ, оставивъ капитана одного.

XLIII.

Скартъ остановился по серединѣ комнаты какъ вкопанный. Первою его мыслью было предположеніе, что Мэри потеряла разсудокъ. Ничѣмъ другимъ онъ не могъ объяснить ея радостнаго крика. Однако, онъ былъ кругомъ неправъ. Мэри бросилась на балконъ, движимая дѣйствительно счастливымъ для нея событіемъ, которое она замѣтила изъ окна.

Придя въ себя, капитанъ вспомнилъ, что дѣйствительно Мэри смотрѣла на какой-то предметъ изъ окна передъ тѣмъ какъ она побѣжала. Онъ подошелъ тоже къ окну, чтобы убѣ-

дилься, не ошибся ли онъ? Первое, что привлекло его внимание —это былъ какой-то нароставшій и приближавшійся къ замку шумъ.

Огромная толпа шла по аллеямъ парка. Скартъ очень скоро разглядѣлъ, что это были большею частью фермеры и ремесленники. Слышались веселыя восклицанія и смѣхъ. Но что это? Впереди толпы ѣдутъ два всадника. Капитанъ Скартъ начиналъ недоумѣвать. Въ одномъ изъ всадниковъ онъ узналъ сэра Мермедука, а въ другомъ—Чернаго всадника. Со стороны замка появленіе ихъ вызвало громкіе крики «ура».

— Что за чертовщина?—подумалъ Скартъ.—Сэръ Мермедукъ здѣсь! Верхомъ передъ толпой! И рядомъ съ нимъ Гольтеноръ! А вонъ и Мэри бѣжитъ имъ навстрѣчу!....

Не успѣлъ капитанъ придти въ себя, какъ толпа заняла весь дворъ замка, и затѣмъ чей-то голосъ громко крикнулъ:

— Прокричите «ура» Джону Гемпдену, троекратное «ура» Пиму!

Толпа дружно подхватила этотъ возгласъ.

— Да здравствуетъ парламентъ! Смерть измѣннику Страффорду!—раздался новый возгласъ.

При послѣднихъ крикахъ Скарта взорвало. Страффордъ былъ вліятельнѣйшимъ его покровителемъ.

— Надо положить конецъ этому маскараду!—рѣшилъ онъ. Сопровождаемый кучкою кирасиръ, капитанъ бросился изъ комнаты на дворъ, къ толпѣ.

— Негодяи!—воскликнулъ онъ, замахиваясь своею шпагой на передніе ряды стоявшей передъ нимъ толпы,—пусть только кто-нибудь осмѣлится повторить еще слово измѣнникъ. Я отрублю ему языкъ!

— Потише, господинъ!—закричалъ человѣкъ огромнаго роста, который былъ никто иной, какъ нашъ знакомый Грегори,—потише! Грозить легче чѣмъ приводить свои угрозы въ исполненіе. Я какъ разъ тотъ самый, который кричалъ «Смерть измѣннику Страффорду»! Попытайтесь отрѣзать мнѣ языкъ!

И вынувъ изъ ноженъ огромную саблю, Грегори вышелъ впередъ.

— Молодецъ, Грегори! Проучи его. Я поддержу тебя!,—сказалъ Дикъ Денсей.

— И мы поддержимъ! Всѣ поддержимъ,—загудѣла толпа, потрясая оружіемъ.

Скартъ опѣшилъ. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы огромная толпа была вся вооружена. Что могъ онъ сдѣлать при такихъ условіяхъ съ кучкою кирасиръ? Толпа, очевидно, готова была серьезно постоять за себя, а она состояла изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

Капитанъ сразу сообразилъ, что бой былъ бы неравный, и отошелъ въ сторону. Онъ рѣшилъ собрать весь эскадронъ и затѣмъ уже аттаковать толпу. Въ этотъ моментъ сошелъ съ лошади сэръ Мермедукъ и направился къ Скарту.

— Капитанъ,—сказалъ онъ насмѣшливымъ тономъ,—вы переходите границы вашихъ полномочій. Каждый воленъ здѣсь думать о Страффордѣ то, что ему нравится. Вы считаете его, повидимому, олицетвореніемъ благородства, но въ настоящее время онъ въ рукахъ судей, которые и рѣшатъ его судьбу.

— Страффордъ въ рукахъ судей!—весь поблѣднѣвъ, воскликнулъ капитанъ.

— Да, въ рукахъ судей,—отвѣтилъ сэръ Мермедукъ.—Онъ находится въ той самой лондонской башнѣ, изъ которой я только что вышелъ.

— Въ Лондонской башнѣ!—пробормоталъ Скартъ, точно пораженный громомъ.

— Да,—все тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ продолжалъ сэръ Мермедукъ,—да, въ лондонской башнѣ, и вскорѣ его будетъ судить не Звѣздная палата, а парламентъ, который, конечно, воздастъ ему по заслугамъ.

— Смерть измѣннику Страффорду! Да здраствуетъ парламентъ!—снова пронеслось въ толпѣ.

Скартъ совершенно растерялся и хотѣлъ уже удалиться, но сэръ Мермедукъ остановилъ его.

— Подождите капитанъ. Недавно вы были любезны передать мнѣ приказаніе короля. Позвольте и мнѣ отплатить вамъ тою же любезностью. Вотъ приказаніе Его Величества, скрѣпленное королевской печатью.

И развернувъ бумагу сэръ Мермедукъ сказалъ:

— Я прочту вслухъ, чтобы присутствующіе знали въ чемъ дѣло.—Въ приказѣ стояло слѣдующее:

«Капитану Скарту, командиру эскадрона въ Больстрадскомъ замкѣ.

«По полученіи сего Его Величества предписываетъ капитану Скарту выйти со своимъ эскадрономъ изъ замка сэра Мер-

медука Уада и возвратиться въ королевскій Виндзорскій дворецъ.

Carolus Rex»

Какъ только сэръ Мермедукъ окончилъ чтеніе, въ толпѣ опять раздались крики:

— Да здравствуетъ парламентъ!

Капитанъ блѣднѣлъ и краснѣлъ отъ бѣшенства, но не посмѣлъ произнести ни слова. Черезъ десять минутъ послѣ этого онъ уже выводилъ свой эскадронъ изъ замка при радостныхъ крикахъ толпы, крикахъ, которые, вѣроятно, онъ уже не забылъ потомъ во всю свою жизнь... . . . . .

. . . .

Какъ только эскадронъ выѣхалъ за ворота Мэри бросилась къ отцу.

— Наконецъ то вы спасены!—воскликнула молодая дѣвушка.

— Да, милая Мэри, и теперь, съ этими преданными людьми, которые насъ окружаютъ, бояться намъ больше нечего.

— Какое счастье!—сказала Мэри,—вѣдь я готовилась принести жертву хуже смерти.

— Какую жертву, дочь моя?—спросилъ сэръ Мермедукъ.

— Я хотѣла отдаться человѣку, который только что уѣхалъ отсюда. Только подъ этимъ условіемъ онъ соглашался спасти васъ, онъ требовалъ чтобы я сдѣлалась его....

Мэри колебалась, очевидно, досказать свою мысль.

— Догадываюсь и безъ того,—произнесъ сэръ Мермедукъ,—и я знаю, что изъ любви ко мнѣ ты согласилась бы! Но Богъ спасъ насъ. Меня выручили изъ бѣды друзья и прежде всего этотъ человѣкъ, который стоитъ рядомъ со мной.

— Мэри взглянула на Гарри Гольтенора, который съ умиленіемъ глядѣлъ на нее.

Какъ разъ въ этотъ моментъ сэръ Мермедукъ повернулся, чтобы говорить съ народомъ, и молодые люди очутились одни.

— Благодарю васъ, мистеръ Гольтеноръ,—сказала дѣвушка взволнованнымъ голосомъ,—вы сохранили мнѣ отца. Это счастье вознаграждаетъ меня за все то зло, которое вы мнѣ причинили.

— Какое зло?—съ удивленіемъ спросилъ Гарри.

— Что говорить объ этомъ! Забудемъ прошлое, мистеръ Гарри. Вы отлично понимаете, что я хочу сказать. Я никогда не думала, что вы можете быть такъ жестоки.

— Я? жестокъ?

— Замолчите! Я и такъ достаточно страдала.

— Я повинуюсь вамъ,—отвѣтилъ Гольтеноръ,—но знайте, Мэри, что для меня нѣтъ счастья вдали отъ васъ.

— Вы можете вернуться къ вашей женѣ,—проговорила дрожащимъ голосомъ Мэри.

— Ахъ, вотъ что! Такъ вы все знаете!

— Да все, все!

— Нѣтъ, Мэри, не все, потому что у меня нѣтъ жены.

— Неужели же вы опять хотите обмануть меня, Гарри? Вѣдь вы же женаты?

— Да, Мэри. Я васъ дѣйствительно обманывалъ. Я былъ женатъ, но теперь жена моя умерла.

— Умерла!

— Да. Можете въ этомъ мнѣ повѣрить. Если же я васъ и обманывалъ, то только изъ любви къ вамъ, потому что я любилъ васъ тогда, когда она была еще жива.

— Что вы хотите этимъ сказать? Что вы не любите меня больше?

— Люблю, Мэри, люблю больше, чѣмъ когда бы то ни было. Вся моя жизнь принадлежитъ вамъ. Клянусь вамъ въ этомъ, какъ клялся во время нашего послѣдняго свиданія.

— О, Гарри! Зачѣмъ вы меня оскорбляете! Вѣдь вы же увѣдомили меня, что любовь ваша кончилась, а теперь снова увѣряете въ противномъ.

— О чемъ увѣдомилъ, Мэри?

— Вы еще спрашиваете! Кто же, какъ не вы, прислалъ мнѣ бѣлую перчатку и разбилъ мое счастье!

— Я? Я возвращалъ вамъ перчатку? Никогда, Мэри!

Въ это время разговоръ молодыхъ людей былъ прерванъ сэромъ Мермедукомъ.

— Мэри,—обратился онъ къ дочери,—ступай въ замокъ и распорядись, чтобы изъ погребовъ достали вина. Послѣ дороги наши друзья должны промочить горло.

Мэри пошла исполнять приказаніе отца, счастливая, что перчатка была прислана ей совсѣмъ не какъ свидѣтельство потухшей къ ней любви Гарри.

. . . .

Къ сожалѣнію мы не имѣемъ возможности описать все то веселье, которымъ сопровождался отъѣздъ кирасиръ изъ Больстрадскаго замка.

Лора весело болтала со своимъ кузеномъ Вальтеромъ, у котораго уже не было соперника въ лицѣ поручика Стоббса, а рядомъ съ Лорой и Вальтеромъ сидѣла другая пара влюбленныхъ: Гарри Гольтеноръ и Мэри Уадъ.

Теперь ничто не мѣшало Гарри и Мэри. Скартъ со своими кирасирами былъ далеко, а Черный всадникъ являлся не случайнымъ и рѣдкимъ гостемъ сэра Мермедука, а желаннымъ другомъ дома, его спасителемъ.

Молодые люди часто ѣздили вмѣстѣ по тому самому лѣсу, гдѣ они встрѣтились впервые, и часто, останавливаясь подъ огромнымъ букомъ, у котораго Мэри уронила свою перчатку, они предавались счастливымъ воспоминаніемъ.

XLIV.

Событія, составляющія содержаніе этой повѣсти относятся къ любопытнѣйшему времени въ исторіи Англіи, къ тому недолгому времени, когда эта столь строго монархическая страна готовилась сдѣлаться и сдѣлалась республикою. Начало этому республиканскому движенію въ странѣ положила сама же королевская власть, въ лицѣ неосторожнаго Карла I. При наличности такой точки опоры какъ «Великая Хартія свободы», которою онъ владѣлъ съ 1215 года, т. е. 400 лѣтъ англичане привыкли къ извѣстнымъ гражданскимъ правамъ и ревниво берегли ихъ. Къ Карлу I прежде всего не расположили народъ до нельзя неудачныя войны, которыя онъ велъ еще въ началѣ своего царствованія съ Испаніею и Франціею. Разстроивъ этими войнами денежное хозяйство страны, онъ началъ просить у парламента значительной субсидіи; но строптивый парламентъ не только отказалъ ему наотрѣзъ, но еще напомнилъ о рѣзкомъ нарушеніи имъ народныхъ правъ, которыя англичане за четыре столѣтія научились цѣнить. Карлъ, упорно стремясь добиться своего, распустилъ четыре парламента, но они всѣ четыре оказались одинаково неуступчивы. Тогда онъ началъ править страною предавъ забвенію всякія хартіи и народныя права, почти какъ самодержавный монархъ. Народъ уже былъ имъ жестоко обиженъ попраніемъ его гражданскихъ правъ. Но Карлу этого было мало. Онъ вздумалъ ввести въ

странѣ еще новую литургію, сочиненную архіепископомъ Лаудомъ. Пресвитеріане массою поднялись противъ этого новшества и порѣшили защищать свою религію до послѣдней капли крови. Не будучи въ силахъ одолѣть ихъ собственными силами, Карлъ созвалъ новый парламентъ. Это и былъ знаменитый «Долгій» парламентъ. Онъ не только не поддержалъ короля, но, наоборотъ, началъ войну съ нимъ, поручивъ командованіе своею арміею Эссаксу и знаменитому Кромвелю. Королевскія войска были много разъ разбиты, король бѣжалъ въ Шотландію, но былъ выданъ шотландцами, отданъ подъ судъ и приговоренъ къ смерти (1649 г.). Тогда въ Англіи и была провозглашена республика, президентомъ которой, со званіемъ протектора, былъ избранъ Кромвель.

Въ продолженіе трехъ ближайшихъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за событіями, которыя мы только-что разсказали, по всей Англіи лилась кровь въ междуусобной войнѣ. Борьба шла между такъ называемыми роялистами и республиканцами. Роялистовъ и республиканцевъ называли еще кавалерами и круглоголовыми.

Борьба эта закончилась на поляхъ Мерстонъ-Мура, гдѣ между прочимъ принялъ участіе со стороны побѣжденныхъ роялистовъ и капитанъ Скартъ, а со стороны республиканцевъ—Гарри Гольтеноръ.

И вотъ, волею судьбы, смертельные противники встрѣтились у Мерстонъ-Мура лицомъ къ лицу. Скартъ командовалъ же блестящимъ кирасирскимъ полкомъ и былъ полковникомъ, Гольтеноръ—ополченцемъ. Въ числѣ же младшихъ офицеровъ кирасиръ и ополченцевъ, находились также Стоббсъ и Вальтеръ.

Увидѣвъ другъ друга, Скартъ и Гольтенорь немедленно бросились въ поединокъ. Черезъ нѣсколько минутъ Скартъ уже лежалъ мертвый.

Борьба между Стоббсомъ и Вальтеромъ тоже, вѣроятно, кончилась бы смертью одного изъ противниковъ, еслибъ роялистскія войска не обратились въ бѣгство, преслѣдуемые ратниками народнаго республиканскаго ополченія.

. . . .

Что касается дальнѣйшихъ событій въ Больстрадскомъ замкѣ, то они за эти три года измѣнились очень мало: передъ нами остаются тѣ-же почти лица и все та-же обстановка.

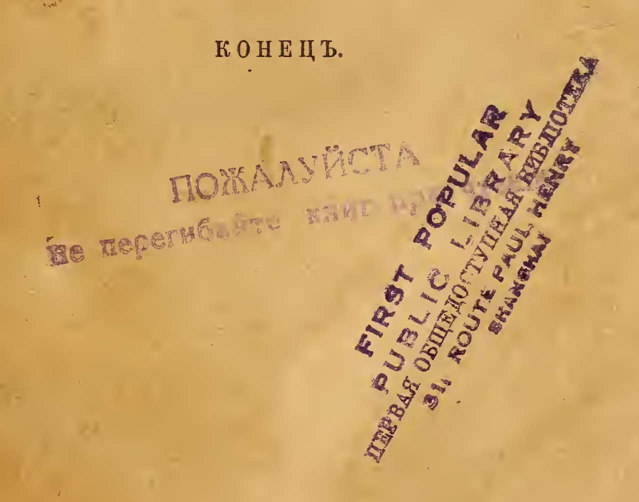
Одно только происшествіе выдѣляется здѣсь изъ всѣхъ остальныхъ. Это праздникъ, устроенный сэромъ Мермедукомъ по случаю свадьбы сына и замужества дочери. Вальтеръ женился на Лорѣ, а Мэри выходила замужъ за Чернаго всадника.

Гольтеноръ былъ уже полковникомъ и виднымъ членомъ новаго парламента.

Праздникъ этотъ удался на славу. Мавританскіе танцы исполнялись поселянами Шервудскаго лѣса. Роль Литтль-Джона взялъ на себя Грегори Гартъ, Робинъ-Гуда изображалъ отставной кирасиръ Уайтерсъ, а Марьянну—какая-то хорошенькая дѣвушка. Это не была Бетси Денсей. Не было на праздникѣ и Уифорда. Гдѣ-же они? спроситъ читатель. На этотъ вопросъ могъ бы отвѣтить почти каждый изъ присутствовавшихъ на праздникѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кто не помнитъ въ то время кровавой трагедіи, которая разыгралась незадолго передъ тѣмъ въ хижинѣ Дика Денсея?

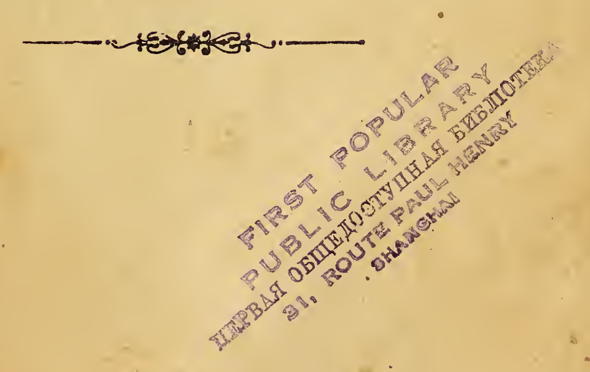
Прелестную Бетси зарубилъ тамъ однажды топоромъ Вилли Уифордъ, кончившій затѣмъ свою собственную жизнь на висѣлицѣ.

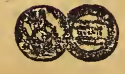
КОНЕЦЪ.

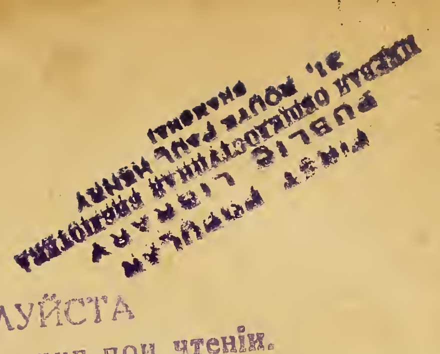
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ
МАЙНЪ-РИДА.

СОНЪ ВЪ РУКУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
 Книгоиздательство П. П. Сойкина.
Стремянная, № 12, собств. д.

ТИПОГРАФІЯ П. П. СОЙКИНА. СПБ., СТРЕМЯННАЯ УЛ., СОБСТВ. Д., № 1

I.

«...На южномъ склонѣ острова, недалеко отъ Батабано. Мой домъ—весь къ вашимъ услугамъ».

Такъ говорилъ мнѣ одинъ изъ спутниковъ по пароходу, Р. М. Оспри, въ то время, когда мы подходили къ порту Гаванны. Мы ѣхали вмѣстѣ съ нимъ отъ Саутамптона до острова Св. Ѳомы и оттуда до столицы острова Кубы.

Во время путешествiя по Атлантическому океану на вестъ-индскомъ пароходѣ трудно не завести знакомство съ кѣмъ-нибудь изъ пассажировъ. На всякомъ пароходѣ вы встрѣтите двухъ-трехъ датчанъ, возвращающихся съ острова Св. Ѳомы, голландца, ѣдущаго въ Курасао, мексиканца, возвращающагося въ Вера-Круцъ. Вамъ попадется и политическiй эмигрантъ, возвращающiйся изъ-за границы на родину за тѣмъ, чтобы снова поднять знамя революцiи, и нѣмецъ, ищущiй новаго отечества, жители Коста-Рика, Новой Гренландiи и Эквадора, возвращающiеся на далекiй югъ изъ холодной Европы.

Спутникъ, предлагавшiй мнѣ такъ гостепрiимно свой домъ, былъ кубанскiй креолъ. Онъ былъ еще молодъ, красивъ собою, строенъ и представителенъ. Что же касается его душевныхъ качествъ, то право, мнѣ рѣдко попадались такiе откровенные и прiятные люди. Мы сошлись очень быстро, и когда наступила минута разлуки, я почувствовалъ, что мнѣ искренно жалко разстаться съ нимъ.

Въ это время мы уже вошли въ рейдъ Гаванны и проѣзжали мимо замка Мавра, со стѣнъ котораго мрачно глядѣли жерла пушекъ—этой вѣчной угрозы «Свободной Кубы».

Пассажиры торопливо собирали свой багажъ, готовясь къ таможенному осмотру. Черезъ полчаса, самое большое черезъ часъ, я долженъ былъ сказать своему спутнику вѣчное «прости», такъ какъ у меня не было никакой надежды встрѣтиться

когда-либо съ нимъ. Единственнымъ утѣшеніемъ для меня было то, что самъ Маріано Агвера, такъ звали моего милаго спутника, вполнѣ раздѣлялъ мое огорченіе. Это было написано на его лицѣ.

Онъ вдругъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ своимъ звучнымъ голосомъ:

— Кабальеро, я бы хотѣлъ, чтобы, выйдя на берегъ, мы не разстались съ вами навсегда. Всю дорогу вы были со мной больше, чѣмъ любезны; позвольте же и мнѣ отблагодарить васъ. Это вполнѣ зависитъ отъ васъ. Не откажите мнѣ въ чести принять васъ въ моемъ домѣ. Мой домъ—къ вашимъ услугамъ.

Я уже хотѣлъ вѣжливо отказаться, но мой спутникъ не далъ мнѣ даже сказать и одного слова.

— Я не живу, къ сожалѣнію, въ Гаваннѣ,—продолжалъ онъ.—Здѣсь у меня нѣтъ даже временнаго жилья. Мое имѣніе далеко отъ города; тѣмъ не менѣе у насъ до Батабана желѣзная дорога, и путь не покажется вамъ особенно длиннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, проведите у меня то время, которое вы хотѣли пробыть на островѣ. Правда, вамъ можетъ показаться у насъ скучно; я не могу вамъ доставить никакихъ удовольствій взамѣнъ тѣхъ, которыми вы будете пользоваться въ столицѣ, но если вы любите охоту, рыбную ловлю и другіе виды спорта, то я вамъ доставлю такія развлеченія, о которыхъ вы, пожалуй, и не слышали.

Мнѣ предлагались такія развлеченія, о которыхъ я не имѣлъ понятія!

Искушеніе было слишкомъ сильнымъ, чтобы я могъ отказаться отъ него.

Меня смущала лишь мысль, не поступаю ли я слишкомъ безцеремонно, принявъ это приглашеніе? Кромѣ этого я боялся, что не успѣю окончить всѣхъ дѣлъ, ради которыхъ пріѣхалъ на Кубу. Но креолъ не позволялъ мнѣ возражать; словно желая добить меня окончательно, онъ продолжалъ:

— Кромѣ этого, я могу еще сопровождать васъ при осмотрѣ достопримѣчательностей нашего острова. Впрочемъ, вотъ и все. Самъ я старый холостякъ; я живу въ довольно большой усадьбѣ; вмѣстѣ со мной живетъ сестра, которая занимается хозяйствомъ. Она простая креолка, не получившая особенно большого образованія и ни капли не похожа на лондонскихъ и парижскихъ дѣвушекъ. Несмотря на это, она очень добра и

симпатична и, конечно, будетъ рада увидать въ своемъ домѣ пріятеля брата. Итакъ, кабальеро, ѣдемъ со мной?

Охота и рыбная ловля сами по себѣ не позволяли мнѣ дать отрицательнаго отвѣта; когда я услыхалъ отъ дона Маріано о «креолкѣ, ни капли не похожей на лондонскихъ и парижскихъ дѣвушекъ», то у меня исчезли и послѣднія колебанія.

— Con mucho gusto,—съ большимъ удовольствіемъ отвѣтилъ я.

Донъ Маріано съ радостью пожалъ мнѣ руку.

— Mil gracias!—сказалъ онъ.—Итакъ, сеньоръ, вы мой гость во все время вашего пребыванія на Кубѣ. Въ настоящее время моя сестра гоститъ у тетки. Во время моего отсутствія они совершили путешествіе въ Европу. Какъ только осмотрятъ нашъ багажъ, мы заѣдемъ за сестрой и всѣ вмѣстѣ отправимся въ Батабано.

Получивъ чемоданъ отъ таможенныхъ досмотрщиковъ, мы приказали комиссіонеру отправить ихъ на желѣзную дорогу, сами же въ легкой англійской телѣжкѣ поѣхали за сеньоритой Агвера въ предмѣстье Гаванны. Дорогой мы разговаривали объ охотѣ, которую обѣщалъ устроить для меня донъ Маріано.

— Я не могу обѣщать вамъ охоты на особенно крупную дичь,—говорилъ онъ.—Вы, конечно, знаете, что у насъ водится только маленькій агути. Зато свиньи, вывезенныя когда-то изъ Испаніи, одичали и размножились въ нашихъ лѣсахъ. Вы встрѣтите борововъ-одиночекъ, не менѣе дикихъ, чѣмъ европейскіе кабаны. Кромѣ этого, мы можемъ предпринять охоту на аллигаторовъ и крокодиловъ. На самомъ берегу острова, въ болотахъ, часто попадаются очень интересные экземпляры. Если и всего этого покажется вамъ мало, я покажу вамъ охоту, о которой вы еще никогда не слыхали. Что вы скажите объ охотѣ на людей?

— Какъ на людей? Что это, донъ Маріано?

— Люди. Я серьезно говорю объ охотѣ на человѣка.

Что это значитъ? Не вспыхнуло ли въ Батабано возстаніе, и не думаетъ ли донъ Маріано, что я приму въ немъ участіе?

Прежде чѣмъ я успѣлъ подробно разспросить дона Маріано, онъ продолжалъ:

— Да, кабальеро, эта охота происходитъ съ собаками. Охотятся на людей, если только это люди тѣ негры, которыхъ травятъ...

Теперь я понялъ въ чемъ дѣло. Меня сильно возмутило по-

добное предложеніе. Мой пріятель замѣтилъ это и расхохотался.

— Вижу, что вамъ не нравится подобный спортъ,—воскликнулъ онъ.—Очень радъ за васъ, такъ какъ и я самъ ненавижу его... Печально, однако, то, что подобный спортъ можетъ даже существовать... Впрочемъ, вотъ и домъ тетушки.

Дѣйствительно, передъ нами была чудная дача, вся одѣтая зеленью и цвѣтами. Двери были раскрыты. На порогѣ стояла молоденькая дѣвушка и, очевидно, кого-то ожидала. Увидавъ подъѣхавшій экипажъ, она съ распростертыми объятіями бросилась навстрѣчу моему спутнику. Очевидно это и была та самая «креолка безъ образованія», о которой говорилъ мнѣ сеньоръ Агвера. Насъ представили другъ другу.

— Эта моя сестра, Хуанита,—сказалъ онъ.—А это мой другъ. Онъ будетъ жить у насъ нѣсколько времени. Прошу любить и жаловать. Дона Хунита смѣло подала мнѣ свою ручку. Я взялъ ее и почувствовалъ, какъ въ это время дрогнула моя рука. Сердце шептало мнѣ:—Возможно, что здѣсь ты найдешь свой идеалъ, который ты до сихъ поръ тщетно искалъ; найдешь, можетъ быть, женщину, которая сдѣлаетъ тебя добрымъ или злымъ, счастливымъ или несчастнымъ.

Я не буду говорить о красотѣ Хуаниты Агверы. Скажу только, что сама Венера могла бы позавидовать ей. Я любовался ею и забылъ въ эту минуту всѣ виды спорта и сорта дичи на островѣ Кубѣ. Поѣздку, которую мнѣ пришлось сдѣлать нѣсколько времени спустя въ ея обществѣ до Батабано, я не промѣнялъ бы на охоту за какой угодно дичью въ степяхъ Африки и Америки. Не промѣнялъ бы на буйволовъ, тигровъ и слоновъ всего міра.

II.

Оставшуюся часть дня и ночь мы провели у прелестной старушки, тетки моего новаго пріятеля.

На слѣдующій день рано утромъ мы отправились на гаваннскій вокзалъ и тамъ сѣли на поѣздъ въ Батабано. Мы ѣхали нѣсколько часовъ подъ рядъ по чуднымъ мѣстамъ, роскошнѣе которыхъ я не видалъ никогда. Нѣсколько времени я сидѣлъ очарованный новизною и блескомъ этихъ пейзажей. Я страстно люблю всякій лѣсъ, тропическій же прямо обожаю. Если бы мы совершали путешествіе только вдвоемъ съ домомъ

Маріано, онъ навѣрное соскучился бы въ моемъ обществѣ, такъ какъ я, пораженный окрестными видами, смотрѣлъ бы все время въ окно. Но противъ меня сидѣло чудное существо, на долю котораго приходилась большая часть моихъ восторговъ.

Наконецъ мы доѣхали до Батабано. Здѣсь намъ пришлось выйти изъ вагона, такъ какъ дальше желѣзной дороги не было. Дальше начиналось Караибское море.

Батабано—маленькій городокъ съ незначительнымъ портомъ, ведущимъ мелкую каботажную торговлю. Сюда лишь изрѣдка приходятъ шкуны съ Малыхъ Антильскихъ острововъ, или же изъ Южной Америки. Таможня, нѣсколько публичныхъ зданій, нѣсколько домовъ, въ которыхъ живутъ чиновники, да нѣсколько лачугъ изъ пальмовыхъ вѣтвей—вотъ и весь городъ Батабано.

Здѣсь мы остановились лишь затѣмъ, чтобы получить изъ таможни багажъ и уложить его въ запряженную парою муловъ телѣгу. Донъ Маріано еще наканунѣ извѣстилъ прислугу о нашемъ пріѣздѣ, поэтому на станціи для насъ были приготовлены три верховыя лошади. Мы сѣли верхомъ и тронулись въ путь. Вскорѣ мы очутились въ самой серединѣ дѣвственнаго лѣса, гуще котораго трудно себѣ что-нибудь представить. Дорога, по которой мы ѣхали, не имѣла ни малѣйшаго права на это названіе. Это была не больше, чѣмъ узенькая тропинка, пробивавшаяся среди огромныхъ деревьевъ и разнообразныхъ ползучихъ растеній.

Проѣзжая по этому лѣсу, я невольно думалъ о томъ, что онъ является прекрасною рамкою для молодой креолки, которая ѣхала рядомъ. Великолѣпіе природы нисколько не подавляло ея красоты, даже наоборотъ: дополняло ее. Здѣсь она была на мѣстѣ.

Наконецъ лѣсъ раздался, и мы увидали обработанное пространство. Это была прекрасная плантація дона Маріано, cafetal на мѣстномъ нарѣчіи. Проѣхавъ плантацію, мы увидѣли усадьбу. Она ни чѣмъ не напоминала собою скромную хижину, о которой мнѣ говорилъ донъ Маріано. Напротивъ, все говорило, что здѣсь живетъ крупный владѣлецъ кофейныхъ плантацій, на поляхъ котораго работаютъ сотни негровъ-рабовъ, а въ casa grande толпится цѣлый полкъ слугъ. Эти слуги, увидавъ, что мы подъѣзжаемъ, вышли къ намъ навстрѣчу. Впереди шелъ мажордомъ. Позади были конюхи, готовые всякую минуту принять нашихъ лошадей.

Въ свѣтлой, просторной столовой насъ ожидалъ накрытый столъ. Умывшись и переодѣвшись послѣ дороги, мы сѣли за обѣдъ, и здѣсь я окончательно убѣдился, что донъ Маріано былъ слишкомъ скроменъ, когда говорилъ о своемъ «скромномъ» образѣ жизни. Изъ его словъ можно было понять, что онъ живетъ холостякомъ, едва-едва имѣющимъ все необходимое для жизни. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что у него за столомъ подаются Лукулловскіе обѣды и тонкія вина.

III.

Первые три дня моей жизни въ усадьбѣ дона Маріано показались мнѣ земнымъ раемъ. Мы охотились въ лѣсу, на берегу чуднаго Караибскаго моря, устраивали прелестныя прогулки верхомъ по необъятнымъ владѣніямъ дона Маріано, который всегда сопровождалъ меня, разсказывая въ самыхъ яркихъ краскахъ о прелестяхъ своей жизни. Когда намъ надоѣдало ѣздить верхомъ, мы вмѣстѣ съ прелестной креолкой шли гулять въ лѣса изъ померанцевъ и пальмъ. Кругомъ было чудно: ворковали горлицы, кричали дрозды, красные кардиналы насвистывали свою пѣсню. Я слушалъ, впрочемъ, не ихъ. Я внималъ болѣе нѣжнымъ звукамъ—голосу Хуаниты Агверы.

Раньше мнѣ не случалось слышать болѣе нѣжнаго голоса. О, я полюбилъ ее, полюбилъ горячо. Кажется, я готовъ былъ бы умереть, если бы не встрѣтилъ съ ея стороны взаимности.

Наконецъ, я рѣшилъ объясниться съ ней: рѣшился на это твердо, независимо отъ того, каковъ будетъ результатъ этого объясненія. Мнѣ уже давно нужно было вернуться въ Гаванну, и теперь я хотѣлъ узнать, суждено ли мнѣ вернуться туда счастливымъ или же несчастнымъ.

Была для этого удобная минута. Одно же маленькое обстоятельство служило мнѣ счастливымъ предзнаменованіемъ. Въ то время, когда мы шли по тропинкѣ, изъ-подъ нашихъ ногъ поднялись два прелестныхъ антильскихъ голубя; они отлетѣли на нѣсколько шаговъ и, усѣвшись на вѣтку на виду у насъ, начали нѣжно ворковать. Мы остановились; тѣмъ не менѣе голуби, очевидно, не считая насъ за своихъ враговъ, продолжали свое занятіе. Возможно, что они догадывались, что и мы, какъ они, любимъ другъ друга.

Мы остановились полюбоваться на этихъ птицъ — эмблему чистой и нѣжной любви. Наши глаза встрѣтились. Въ нихъ

чувствовалась ласка, которую мы отдавали другъ другу. Мнѣ кажется, что въ ту минуту я чувствовалъ именно это, и лишь впослѣдствіи мнѣ пришлось узнать, что донья Хуанита испытывала то же, что и я.

— Сеньора, неправда ли, они счастливы?—спросилъ я.

— Да.

— Знаете, сеньора, что мнѣ пришло въ голову, когда я смотрѣлъ на нихъ?

— Нѣтъ, не знаю... А что?

— Хотите, я скажу?

— Да, сеньоръ.

— Хорошо. Я хотѣлъ бы быть однимъ изъ голубков' .

— Странное желаніе... Очень странное, сеньоръ.

— Да, но желалъ бы этого лишь при одномъ условіи: пусть голубкой будетъ одна моя знакомая.

— Знакомая? Кто она?

— Вы ее знаете.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Это... донья Хуанита Агвера.

Она молчала. Я сжалъ своей рукой ея дрожащія ручки. Яркій румянецъ появился на ея щекахъ; глаза были опущены внизъ. Я боялся говорить дальше.

Однако нужно же было высказаться. Говорить дальше иносказательно не имѣло ровно никакого смысла. Я сказалъ:

— Хуанита... вы любите меня?

— Люблю!—отвѣтила она.

Она больше не дрожала. Послѣднія слова были сказаны вполнѣ спокойно. Она глядѣла мнѣ прямо въ глаза, на устахъ играла улыбка. Въ ней была мольба ласки и счастья...

Мы долго ходили взадъ и впередъ, взявшись за руки, мечтая о счастьѣ и строя тысячи проектовъ.

IV

Такъ какъ неотложныя дѣла требовали моего присутствія въ Гаваннѣ, то мое пребываніе на кофейной плантаціи должно было закончится седьмымъ днемъ. Если бы это зависѣло только отъ меня, я не вышелъ бы въ этотъ день изъ дому, но мой радушный хозяинъ настойчиво убѣждалъ меня отправиться вмѣстѣ съ нимъ на охоту на фламинговъ. Въ двухъ миляхъ отъ усадьбы находилось болото, гдѣ въ изобиліи попадались

эти птицы. Такъ какъ болото было недалеко, то мы могли, поохотившись вдоволь, вернуться домой къ обѣду, и значитъ, вечеромъ я успѣлъ бы попросить прощеніе за свое отсутствіе у той, кто былъ для меня дороже всѣхъ охотъ въ мірѣ.

Распрощавшись съ хозяйкою дома, которая сказала: «до вечера», мы съ дономъ Маріано собрались въ путь. Въ это время къ намъ крупною рысью подъѣхалъ верховой и, соскочивъ съ лошади, отвелъ въ сторону дона Маріано. Нѣсколько времени они шепотомъ говорили о чемъ то очень важномъ—такъ, по крайней мѣрѣ, я могъ понять по ихъ жестамъ и выраженію лица. Разговоръ продолжался не долго. Затѣмъ всадникъ сѣлъ на лошадь и ускакалъ такъ же быстро, какъ и пріѣхалъ. Ко мнѣ подошелъ донъ Маріано.

— Ради Бога, сеньоръ, извините меня,—сказалъ онъ,—но я не могу ѣхать съ вами. Впрочемъ, это не помѣшаетъ вашей охотѣ, такъ какъ Гаспардо проводитъ васъ туда, гдѣ чаще всего попадаются фламинги. Вы набьете ихъ столько, сколько вамъ заблагоразсудится. Я вернусь къ обѣду. Итакъ—adios! Впрочемъ нѣтъ! До вечера,—какъ сказала вамъ моя сестра.—Пожавъ мнѣ руку, онъ сѣлъ верхомъ и быстро ускакалъ. Очевидно, онъ хотѣлъ нагнать всадника, который уже скрылся изъ вида.

Такое измѣненіе въ программѣ дня и внезапный отъѣздъ дона Маріано не показались мнѣ особенно странными. Дѣло въ томъ, что въ усадьбѣ уже не разъ появлялись всадники и тотчасъ же, словно курьеры, получившіе отвѣтъ на депешу, быстро уѣзжали назадъ. Мнѣ казалось, что извѣстія эти очень серьезны; такъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ потому, что они производили сильное впечатлѣніе на моего хозяина.

Поэтому-то странное поведеніе моего хозяина въ этотъ разъ, точно также, какъ и раньше, нисколько не удивило меня. Однако, его быстрый, почти что внезапный отъѣздъ наводилъ меня на мысль, что надъ его головой виситъ какая-то опасность. Это предположеніе было тѣмъ болѣе вѣроятно, что политическая атмосфера на Кубѣ была сильно напряжена, и каждая минута могла принести серьезную грозу.

V

Я былъ ужъ совсѣмъ готовъ къ охотѣ, когда мой хозяинъ такъ внезапно оставилъ меня одного. Меня охватило непонятное предчувствіе чего-то неизбѣжнаго; я потерялъ всякое жела-

ніе идти на охоту и не зналъ, стоитъ ли мнѣ ѣхать туда, гдѣ находились гнѣзда фламинговъ. Мнѣ было бы гораздо пріятнѣе провести день въ усадьбѣ; однако же мнѣ пришло въ голову, что донъ Маріано, вернувшись обратно, будетъ крайне удивленъ, заставъ меня дома. Вѣдь онъ видѣлъ, что я, страстный любитель охоты, уже совсѣмъ собрался въ походъ. О моемъ нѣжномъ чувствѣ къ его сестрѣ онъ даже и не догадывался.

Желаніе соблюсти приличіе взяло верхъ, и я рысью тронулся въ путь. Вмѣстѣ со мною ѣхалъ Гаспардо; но на его обязанности лежало указать мнѣ тѣ мѣста болота, гдѣ водятся фламинги. Гаспардо прекрасно зналъ то мѣсто, о которомъ говорилъ донъ Маріано. Онъ неоднократно ходилъ туда на охоту и теперь сопровождалъ меня, вполнѣ увѣренный въ себѣ.

Фламинги уже окончили высиживать яйца; поэтому было вполнѣ возможно, что мы не найдемъ на болотѣ птицъ. А такъ какъ онѣ возвращаются въ свои гнѣзда только ночью, намъ же нужно было вернуться домой къ обѣду, то всѣ данныя были за то, что наше путешествіе будетъ безплоднымъ. Гаспардо высказалъ мнѣ всѣ эти соображенія.

Въ его словахъ было мало утѣшительнаго; единственное, что мнѣ могла дать охота—знакомство съ гнѣздами этого вида голенастыхъ, ноги которыхъ непомѣрно длины, т. е. прибавить лишнюю страничку къ моимъ свѣдѣніямъ по естественной исторіи. Въ случаѣ неудачи приходилось довольствоваться хоть этимъ.

Мы ѣхали съ Гаспардо рядомъ, мелкою рысью, когда замѣтили человѣка, который ѣхалъ въ ту же сторону, что и мы. Я прибавилъ ходу съ тѣмъ, чтобы нагнать его, но онъ быстро свернулъ на боковую тропинку и скрылся за деревьями. Тѣмъ не нѣе я успѣлъ замѣтить, что онъ одѣтъ въ расшитую украшеніями бархатную куртку и въ бархатные же шаровары. Его костюмъ былъ далеко не первой свѣжести. Вмѣсто пояса на немъ былъ красный шелковый шарфъ, концы котораго свѣшивались съ правой стороны. Сбоку, въ ножнахъ, висѣлъ длинный кинжалъ. Онъ ударялся о шпоры, ярко блестѣвшія на мексиканскихъ стременахъ. За спиной висѣло коротенькое ружье, а въ рукахъ былъ ящикъ, напоминающій собою футляръ отъ гитары.

— Кто это такой, Гаспардо?—спросилъ я.

— Это гитаристъ, сеньоръ,—отвѣчалъ мой спутникъ.

— Гитаристъ? Что онъ здѣсь дѣлаетъ?

— То же, что дѣлаютъ всѣ гитаристы. День поютъ, а ночь

пляшутъ. Все его имущество состоитъ изъ того платья, которое на немъ, да изъ клячи, которая подъ нимъ. Впрочемъ, клячу-то вмѣстѣ съ сѣдломъ онъ, по всей вѣроятности, укралъ гдѣ-нибудь. За Рафаэля Карраско я, по крайней мѣрѣ, могу поручиться.

— Значитъ его имя Рафаэль Карраско?

— Да, сеньоръ. Это первый мошенникъ въ окресностяхъ Батабано. Онъ зоветъ себя донъ Рафаэль; но, право, лучшее имя для него—донъ Дьяволъ. Прежде онъ часто ѣздилъ къ намъ на плантацію, но теперь хозяинъ запретилъ ему это.

— Запретилъ? Рафаэль сдѣлалъ что-нибудь дурное?

— Я бы разсказалъ вамъ сеньоръ, если бы вы могли обѣщать, что никогда не будете разсказывать того, что узнаете отъ меня.

— Будьте увѣренъ, Гаспардо, что я не стану болтать.

— Карраско осмѣлился поднять глаза на прелестную сеньориту Хуаниту.

— Это невозможно!

Вполнѣ понятно, что этотъ негодяй меня начиналъ интересовать.

— Разскажите мнѣ объ этомъ, Гаспардо.

— Съ удовольствіемъ, сеньоръ. Это случилось во время праздника. Рафаэля пригласили пѣть. Нужно замѣтить, что онъ прекрасно поетъ и играетъ на мандолинѣ, несмотря на свои мошенническіе таланты. У насъ очень многіе гитаристы складываютъ сами пѣсни; понятно, что Рафаэль не хочетъ отстать отъ нихъ. Онъ и спѣлъ пѣсню въ честь нашей сеньориты. Въ этой пѣснѣ очень вольно восхваляются ея прелести. Донъ Маріано разсердился и запретилъ Рафаэлю разъ навсегда появляться на плантаціи.

— И сеньорита также разсердилась?—спросилъ я, еле-еле скрывая охватившее меня волненіе.

— Этого я не знаю, кабальеро. Всѣ женщины странныя созданія—ихъ не поймешь. Вѣдь каждой изъ нихъ пріятно, когда въ стихахъ воспѣваютъ ихъ прелести. О, всѣ женщины одинаково тщеславны. Всѣ: и знатныя, и богатыя, и бѣдныя.

Сказать правду, мнѣніе, высказанное Гаспардо относительно женщинъ, произвело на меня очень тяжелое впечатлѣніе. Въ головѣ появились такія мысли, какихъ раньше не было. Что то большее, чѣмъ простое любопытство, тянуло меня спрашивать у него еще и еще.

— Когда же это случилось?

— Во время праздника, сеньоръ. Вѣдь я уже говорилъ вамъ, что у насъ ежегодно послѣ уборки жатвы устраивается праздникъ. Тотъ же, о которомъ я говорю, былъ незадолго до отъѣзда дона Маріано въ то путешествіе, изъ котораго онъ вернулся вмѣстѣ съ вами. Во время его отсутствія nina (молодая дѣвушка) жила въ Гаваннѣ у своей тетки. За это время не произошло ничего особеннаго.

— Значитъ, можно думать, что сеньоръ Карраско отрезвился и отказался отъ своихъ намѣреній?

— Не знаю. Во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ разсчитывать на успѣхъ. Такому несчастному голышу, какъ онъ, смѣшно даже думать о знатной дѣвушкѣ. Впрочемъ, кто знаетъ, что у него на умѣ? Онъ дружилъ всегда съ ворами, негодяями, словомъ, со всѣми жуликами здѣшнихъ мѣстъ. Еще недѣлю назадъ кто-то видѣлъ его съ Крокодиломъ.

— А это кто такой?

— Ужели, сеньоръ вы не знаете?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ я разскажу. Крокодилъ бѣглый негръ, принадлежавшій прежде дону Агвера; но вотъ уже семь лѣтъ, какъ онъ скрывается, и его никакъ не могутъ поймать. Онъ положительно не уловимъ.

— Почему его зовутъ Крокодиломъ?

— Онъ весь рябой; кожа у него на лицѣ похожа на шкуру каймана. Кромѣ того онъ очень большого роста, страшно силенъ и свирѣпъ—такъ же, какъ и кайманы: онъ подобно имъ живетъ въ болотѣ.

— Вы бы не испугались, Гаспардо, если бы повстрѣчались съ нимъ?

— О, нѣтъ, сеньоръ. Ужели вы такого низкаго мнѣнія о моей храбрости? Я испугаюсь Крокодила! О, я много бы далъ, чтобы встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу. Если это случится когда-нибудь, я задушу его. У насъ съ нимъ старые счеты... Попадись онъ мнѣ! Собаками затравлю! Клянусь вамъ въ этомъ.

VI.

Мы добрались до того мѣста, гдѣ находились гнѣзда фламинговъ. Наши опасенія оправдались—тамъ не было ни одной птицы. Онѣ улетѣли, по всей вѣроятности, въ какое-нибудь бо-

лото, гдѣ могли найти больше рыбы и раковинъ, которыя имъ служатъ пищею.

Вслѣдствіе этого я отказался отъ надежды поохотиться на фламинговъ, и мы съ Гаспардо рѣшили вернуться назадъ въ усадьбу. Проѣзжая по берегу болота, Гаспардо обратился ко мнѣ съ просьбой разрѣшить ему поѣхать навѣстить больного друга, который жилъ не особенно далеко отъ плантаціи.

Я хорошо помнилъ дорогу, поэтому проводникъ мнѣ былъ совершенно не нуженъ. Кромѣ того онъ мнѣ обѣщалъ, что онъ вернется въ усадьбу вскорѣ послѣ меня и гораздо раньше, чѣмъ донъ Маріано.

Я охотно разрѣшилъ ему это. Мы разстались, сказавъ другъ другу: «Hasta luego»—до скораго свиданія.

Какъ только Гаспардо скрылся изъ вида, я услыхалъ какой-то странный шумъ. Этотъ шумъ я уже слышалъ одинъ разъ; удивительнѣе всего было то, что онъ доносился сверху. Въ это время я выѣхалъ на поляну и, поднявъ голову вверхъ, увидалъ что на небѣ протянулась сѣтка изъ красныхъ птицъ. Это были тѣ самые фламинги, за которыми мы ѣздили вмѣстѣ съ Гаспардо. Теперь они летѣли обратно въ свои гнѣзда. Они летѣли метрахъ въ шестидесяти надъ моею головой. Ружье было заряжено крупною дробью, и я, остановивъ лошадь, выстрѣлилъ два раза подрядъ въ протянувшуюся надо мной стаю. Послѣ выстрѣла раздался какой-то странный крикъ, и я замѣтилъ, что одна птица отдѣлилась отъ стаи и тихо, съ трудомъ, спускается внизъ на землю. Я сразу понялъ, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ удачно. Одна изъ дробинъ тяжело ранила птицу.

Въ это время я стоялъ на узкой полосѣ твердой земли; съ одной стороны возвышался густой лѣсъ, съ другой примыкало къ ней болото, заросшее корнепусками. Фламингъ упалъ среди корнепусковъ. Замѣтивъ мѣсто, гдѣ опустилась птица, я слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ дереву и пошелъ отыскивать свою добычу.

Въ глубинѣ души мнѣ было очень непріятно, что я не нашелъ фламинговъ на ихъ обычной квартирѣ; теперь же я радовался, что вернусь домой съ трофеемъ. Я успѣлъ замѣтить, что подбитый мною фламинго былъ самымъ крупнымъ изъ всей стаи. Онъ былъ весь кроваво-краснаго цвѣта, и подъ брюхомъ у него не было бѣлаго пятна. Мнѣ уже представлялось, что чучело этой птицы будетъ красоваться въ какомъ-нибудь музеѣ. Подъ чучеломъ будетъ написано: «пожертвовано капи-

таномъ Майнъ-Ридомъ. Убитъ на островѣ Кубѣ, на берегу моря, близъ Батабано».

Вотъ о чемъ мечталъ я, отыскивая между корнепусками на болотѣ убитую птицу.

VII.

Не успѣлъ я сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ въ вѣтвяхъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня послышался шорохъ. Подвинувшись немного впередъ, я увидалъ что какой-то человѣкъ, точно такъ же какъ и я, пробирается сквозь лѣсную чащу. Это былъ высокій, широкоплечій негръ; на черномъ, словно агатъ, тѣлѣ не было никакой одежды, кромѣ узкаго куска полотна.

Онъ ничего не отвѣтилъ на мой зовъ; замѣтивъ же, что я приближаюсь къ нему, онъ бросился скорѣе прочь, словно звѣрь, застигнутый въ берлогѣ. Онъ бѣжалъ по корнепускамъ быстрѣе, чѣмъ я, и скоро скрылся изъ вида. Во время бѣгства онъ оглянулся назадъ нѣсколько разъ, и я успѣлъ разсмотрѣть его изъѣденное оспою лицо.

Теперь я вспомнилъ, что говорилъ мой спутникъ Гаспардо о наружности Крокодила. Не могло быть никакого сомнѣнія, что мнѣ пришлось столкнуться съ этимъ страшнымъ бѣглецомъ. Мнѣ не хотѣлось вступать съ нимъ въ борьбу, и я рѣшилъ оставить его въ покоѣ и отправиться туда, гдѣ лежалъ подстрѣленный мною фламинго. Мнѣ удалось найти его совершенно случайно, и то только потому, что я услыхалъ крики двухъ орловъ, дравшихся изъ-за убитой птицы. Я поднялъ птицу и повернулся чтобы итти назадъ по прежней дорогѣ. По прежней дорогѣ! Это было легко сказать! Я сейчасъ же увидалъ, что мнѣ ни въ какомъ случаѣ не найти ея. Я заблудился въ густомъ, непроходимомъ лѣсу. Мнѣ придется блуждать здѣсь не день, не сутки, а нѣсколько дней и ночей... Блуждать до тѣхъ поръ, пока на смѣну моимъ страданіямъ не явится смерть.

Я дѣлалъ все, что зависѣло отъ меня, чтобы выйти изъ болота. Сперва я выбиралъ одну дорогу, потомъ другую. При этомъ я руководился исключительно тѣмъ, какое направленіе въ данный моментъ казалось мнѣ правильнымъ. Въ результатѣ получалось, что я верчусь, словно бѣлка въ колесѣ, верчусь во всѣхъ направленіяхъ, съ трудомъ пробираясь сквозь густыя вѣтви деревьевъ. Небо было затянуто тучами, и я не имѣлъ возможности оріентироваться. Я бродилъ взадъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока ночь не смѣнила сѣрыя сумерки.

Въ это время я замѣтилъ между деревьями что-то въ родѣ копны сѣна. Подойдя близко, я увидѣлъ, что это хижина. Полъ былъ устроенъ изъ ліанъ, крыша—изъ банановыхъ и пальмовыхъ листьевъ. На двухъ корняхъ ліанъ, поддерживавшихъ крышу, висѣлъ гамакъ. Къ нему были привѣшаны для просушки пучки лука, чилійскаго перца и свѣжіе бананы. Въ углу стояли двѣ корзины—одна съ картофелемъ, другая съ апельсинами, лимонами и всевозможными фруктами. У входа висѣлъ ободранный и выпотрошенный заяцъ. На глиняномъ очагѣ, устроенномъ по серединѣ хижины, былъ разложенъ костеръ; тутъ же валялся и вертелъ. Было ясно, что обитатели хижины собирались жарить зайца. Вся обстановка этого жилища ясно указывала на то, что оно служитъ постояннымъ мѣстопребываніемъ бѣглаго негра, котораго розыскиваютъ всюду, преслѣдуютъ и травятъ, словно хищнаго звѣря.

Я осматривалъ зайца, висѣвшаго у входа въ хижину и, самъ не знаю почему, мнѣ вдругъ стало казаться, что это не заяцъ, а мертвый человѣкъ. Я дольше не могъ оставаться въ жилищѣ Крокодила. Было уже почти совсѣмъ темно; тѣмъ не менѣе я могъ различать тропинку, проложенную между деревьевъ. Не успѣлъ я пройти по тропинкѣ и полутораста шаговъ, какъ наступила такая темная ночь, что было страшно сдѣлать нѣсколько шаговъ. Итти дальше не было никакой возможности. Приходилось провести ночь подъ корнепусками.

Я нашелъ мѣсто, гдѣ вѣтви были достаточно крѣпки и часты, и усѣлся, привязавъ себя поясомъ къ толстому стволу. Эта предосторожность была необходима для того, чтобы ночью не упасть внизъ и не достаться на ужинъ кайманамъ. Несмотря на неудобное положеніе, я заснулъ почти тотчасъ же крѣпкимъ сномъ. Продолжительная ходьба и волненія минувшаго дня сдѣлали свое дѣло.

Я не знаю, сколько времени я проспалъ. Возможно, что часъ или два, возможно, что гораздо больше. Все время мнѣ чудились страшные сны; кошмары одинъ ужаснѣе другого душили меня. Во всѣхъ кошмарахъ мнѣ чудились донъ Маріано и его обворожительная сестра, моя невѣста. Она казалась мнѣ ангеломъ, вокругъ головы котораго свѣтилось сіяніе; лицо было печально и блѣдно. Рядомъ съ ней стояли два демона; одинъ былъ одѣтъ въ богатую одежду, другой нагой, черный, противный, напоминающій собою миѳологическаго Вулкана. Первый демонъ былъ, по всей вѣроятности, гитаристъ, о которомъ

разсказывалъ Гаспардо, а второй—самъ Крокодилъ, бѣглый негръ. Мнѣ казалось, что они главари большой шайки демоновъ, которые стояли тутъ же, возлѣ нихъ, и спорили изъ-за моей невѣсты. Бѣдняжка издавала отчаянные крики о помощи. Оба демона старались завладѣть ею.

Я чувствовалъ, что у меня нѣтъ силъ отнять ее у бандитовъ, такъ какъ мои ноги и руки были крѣпко связаны веревками. Стараясь освободиться отъ нихъ, я проснулся, и первое, что я почувствовалъ, было то, что я дѣйствительно связанъ:—читатели, конечно, помнятъ, что я привязалъ себя къ стволу дерева, прежде чѣмъ заснуть. И крикъ, который я слышалъ во снѣ, оказался крикомъ наяву. Но кричала не Хуанита Агвера, а большая сова, часто попадающаяся на островѣ Кубѣ.

Скоро до слуха моего донеслись другіе, на этотъ разъ гораздо болѣе тревожные звуки — человѣческіе голоса. Затѣмъ затрещали вѣтви такъ, какъ бываетъ, когда человѣкъ идетъ по чащѣ. Ужъ не Крокодилъ ли это вмѣстѣ со своимъ сообщникомъ возвращаются домой?

Пока я спалъ взошла луна, и ея бѣлый свѣтъ пробивался между деревьями. Просвѣтъ между деревьями находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ я, привязанный къ дереву. Нѣсколько минутъ спустя въ немъ появились двѣ тѣни... двухъ человѣкъ.

Они медленно подвигались по лѣсу. Темная ноша, напоминавшая собою гробъ, не позволяла имъ быстро идти. Что это у нихъ въ рукахъ?.. Украли они что-нибудь на сосѣдней плантаціи или же зарѣзали какое-нибудь животное, и теперь несли въ убѣжище Крокодила?

Пока я слѣдилъ за ними, они подошли ко мнѣ на десять шаговъ. При лунномъ свѣтѣ я успѣлъ разглядѣть ихъ руки; одну, самое большое двѣ секунды я видѣлъ даже ихъ лица. Этотъ взглядъ, продолжавшійся одну секунду, убѣдилъ меня въ томъ, что я еще сплю и все, что я вижу, происходитъ во снѣ. Эти два человѣка были именно тѣ демоны, которые грезились мнѣ въ то время, когда крикъ совы разбудилъ меня!

На одну минуту я пересталъ слѣдить за ними, такъ какъ это страшное совпаденіе ошеломило меня. Затѣмъ, опомнившись, и увидавъ ихъ почти что рядомъ, я ужаснулся. Въ рукахъ у нихъ было что-то похожее на человѣческое тѣло, завернутое во что-то бѣлое, не то въ капотъ, не то въ просты-

кю, не то въ шаль. Ужели они похитили женщину? Если да, то жива ли она? Или же въ рукахъ у нихъ мертвое тѣло, завернутое въ бѣлый саванъ?

VIII.

Я сдѣлалъ инстинктивное движеніе, чтобы броситься слѣдомъ за ними и разузнать то, что мнѣ хотѣлось, но тотчасъ же удержался. Я сообразилъ, что показываться имъ при подобныхъ условіяхъ было совсѣмъ неразумно. Теперь я испытывалъ такой-же паническій ужасъ, какой владѣлъ мною во время кошмара. Предъ моими глазами проходили снова тѣ сцены, которыя мерещились мнѣ во снѣ. Ужели и въ самомъ дѣлѣ разбойники несутъ Хуаниту Агвера? Нѣтъ! Ни въ какомъ случаѣ! Такая глупая мысль могла забраться только въ мою больную голову.

Поразмысливъ хорошенько, я пришелъ къ заключенію, что мнѣ слѣдуетъ не трогать контрабандистовъ, по крайней мѣрѣ, сегодня ночью. Случайно мнѣ удалось наткнуться на ихъ убѣжище. Въ случаѣ, если мнѣ придется услышать, что гдѣ-нибудь поблизости совершена кража, я укажу, гдѣ слѣдуетъ искать воровъ и тотъ предметъ, который они украли.

Я думалъ, что теперь, при лунномъ свѣтѣ, мнѣ удастся найти дорогу и выйти изъ лѣса, тѣмъ болѣе, что я успѣлъ запомнить направленіе, по которому прошли эти люди.

Я тронулся въ путь. Сперва я спокойно шелъ по проложенному ими слѣду; я шелъ тихо, осматривая каждую вѣтку по пути и осторожно передвигая ноги. Потомъ слѣдъ пропалъ. Я снова заблудился. Я осматривался кругомъ, стараясь найти мѣсто, гдѣ можно удобно отдохнуть; поднявъ голову вверхъ, я замѣтилъ столбъ дыма, поднимавшійся къ небу и казавшійся голубоватымъ при блѣдномъ лунномъ свѣтѣ. Я былъ убѣжденъ, что этотъ дымъ является слѣдствіемъ пожара. Пожаръ происходилъ на берегу, на островѣ.

Я снова тронулся въ путь, взявъ направленіе по дыму, и скоро вышелъ изъ корнепусковъ. Меня мучили голодъ и усталость.

Приглядѣвшись внимательно, я замѣтилъ, что окружающая мѣстность знакома мнѣ. Нѣсколько часовъ назадъ я остановилъ здѣсь лошадь и сдѣлалъ два выстрѣла по фламингамъ. И, дѣйствительно, недалеко отъ меня стояла моя лошадь, при-

вязанная къ группѣ деревьевъ. Казалось, она безпокоилась не меньше меня. Теперь я хорошо зналъ дорогу. Луна ярко освѣщала окрестныя мѣста, лошадь, не требуя шпоръ, быстро бѣжала впередъ.

Вскорѣ показалась усадьба... Нѣтъ, не усадьба, а черныя стѣны и пылающія балки прежней усадьбы.

Не знаю почему, но мнѣ пришло въ голову, что это дѣло рукъ злоумышленниковъ. Сердцемъ овладѣлъ непонятный ужасъ; мнѣ казалось, что кромѣ пожара, произошло несчастіе гораздо болѣе тяжелое.

Подъѣхавъ ближе, я замѣтилъ темныя фигуры мужчинъ и женщинъ, толпившихся вокругъ пылающихъ зданій и освѣщенныхъ краснымъ отблескомъ огня. Въ воздухѣ носились стоны, возгласы и крики.

Я соскочилъ съ лошади и сталъ тщательно искать два бѣлыхъ лица—одно, принадлежащее дону Маріано, другое—его сестрѣ. Но ихъ не было нигдѣ! Кругомъ были черныя лица невольниковъ и бѣлыя служащихъ на плантаціи дона Маріано.

Въ это время кто-то подбѣжалъ ко мнѣ. Это былъ Гаспардо. Онъ жестикулировалъ и что-то говорилъ мнѣ. Не обращая вниманія на его слова, я крикнулъ ему:

— Гдѣ они? Куда дѣвались ваши господа?

— Они оба исчезли! Боже, какое несчастіе!

— Какъ исчезли?... Куда? Какимъ образомъ случился пожаръ? Гаспардо, да говорите же ради Бога!.. Говорите толкомъ!

— Per Dios, сеньоръ, я не знаю этого... Не болѣе получаса назадъ я вернулся сюда... Тогда дѣло обстояло такъ же, какъ и теперь. На моихъ глазахъ упала крыша и рухнули стѣны усадьбы дона Маріано. Мы дѣлали попытки потушить огонь, но это не привело ни къ чему. Все пропало.

— Какъ это произошло? Кто виноватъ въ поджогѣ?

Почему-то мнѣ казалось, что я услышу уже знакомое мнѣ имя.

— Говорятъ, что сюда явился отрядъ солдатъ, чтобы арестовать хозяина. Онъ—вы знаете—принадлежалъ къ партіи патріотовъ. Къ счастью, сеньоръ уѣхалъ сегодня утромъ, поэтому солдаты не добились ничего. Когда наступила ночь, появились какія-то личности въ маскахъ. Впрочемъ, это не были солдаты. При началѣ пожара люди начали суетиться. Они воспользовались этимъ и унесли сеньориту. И пожаръ тоже дѣло ихъ

рукъ. Неизвѣстно, куда они унесли ее и что хотятъ съ нею сдѣлать.

На первый изъ этихъ вопросовъ, я могъ бы дать отвѣтъ, при одной же мысли о второмъ, я чувствовалъ, какъ по спинѣ пробѣгаютъ мурашки. Теперь я знаю, что Корраско и Крокодилъ несли именно Хуаниту... Жива ли она? Зачѣмъ они потащили ее въ лѣсъ?

— Боже, это ужасно!—воскликнулъ я такъ, словно мнѣ въ сердце вонзили острый кинжалъ. Впрочемъ, я скоро оправился. Теперь было время дѣйствовать, а не плакать и причитывать. Поэтому я сказалъ Гаспардо:

— Другъ мой, хватитъ ли у васъ мужества для того, чтобы спасти честь, а, можетъ быть, и жизнь сеньориты?

— Конечно, сеньоръ! Что дѣлать? Говорите скорѣе, испытывайте меня! Я готовъ на все!

— Пошлите за лошадью и ружьемъ.

— Все это здѣсь, сеньоръ,—отвѣтилъ Гаспардо, показывая на осѣдланную лошадь.

— Кинжалъ съ вами?

— Да.

— Садитесь на коня и въ путь!

Въ одинъ мигъ Гаспардо сѣлъ на лошадь, и мы помчались во весь духъ, оставивъ позади пожарище.

Мы подъѣхали къ тому мѣсту болота, гдѣ была привязана лошадь, когда я отправился искать фламинго. Мы спѣшились, привязали лошадей къ тому дереву, гдѣ ждала меня моя лошадь. Имъ пришлось заткнуть рты, чтобы онѣ не ржали. По дорогѣ я разсказалъ Гаспардо обо всемъ, что со мною произошло. Теперь мы смѣло шли противъ хитрыхъ и сильныхъ враговъ. Черезъ нѣсколько времени мы напали на слѣдъ. Мой спутникъ пошелъ впереди, а я сзади.

Онъ шелъ медленно, осторожно передвигая ноги, чтобы не сбиться съ дороги. Кромѣ того, чтобы не шумѣть, мы сбросили съ себя тяжелые охотничьи сапоги. Теперь мы шли почти что босикомъ по вѣтвямъ корнепусковъ. Такъ намъ удалось пройти около восьмисотъ шаговъ, послѣ чего, несмотря на ловкость и опытность Гаспардо намъ пришлось остановиться.

Въ это время большое облако закрыло луну; стало такъ темно, что мы не видали даже вѣтвей корнепусковъ.

Поневолѣ, насъ охватилъ ужасъ. Что если намъ придется простоять на мѣстѣ изъ-за этой темноты нѣсколько часовъ

или даже оставшуюся часть ночи? Каждый мигъ мнѣ былъ дорогъ, а между тѣмъ секунды казались мнѣ минутами, и всякая изъ нихъ могла принести съ собою непоправимыя послѣдствія.

Предъ моими глазами, словно живая, стояла Хуанита въ томъ видѣ, какъ я ее видѣлъ во снѣ.

— О, еслибъ она закричала!—думалъ я.—Мы пошли бы на крикъ и спасли ее.

Я обратился къ спутнику, надѣясь, что услышу отъ него что-нибудь, но онъ только прошепталъ мнѣ на ухо:

— Нужно покориться, кабальеро! Подождемъ, пока облако пройдетъ мимо... Что это?—вдругъ сказалъ онъ.—Сеньоръ, вы видите.. Карамба!... Огонекъ, свѣтъ.. Только бы не farrol de Diablo, избави Боже!..

IX.

Въ той сторонѣ, на которую указывалъ мнѣ охотникъ, виднѣлся красный огонекъ, происходившій, по всей вѣроятности отъ какого-нибудь костра, а во всякомъ случаѣ не блуждающій огонь, котораго боятся всѣ мѣстные негры и который зовется здѣсь «чертовой лампой»—farrol de Diablo.

Нѣсколько времени мы внимательно вглядывались въ огонекъ и, замѣтивъ, что онъ не двигается, поняли, откуда онъ происходитъ. Мы пошли прямо на свѣтъ. Теперь мы знали, что жилище бѣглаго негра находится поблизости. Намъ удалось подойти къ хижинѣ съ той стороны, гдѣ была дверь, и мы могли видѣть все, что дѣлалось внутри.

По серединѣ хижины горѣлъ костеръ изъ хвороста. Передъ огнемъ на корточкахъ сидѣлъ Крокодилъ съ ружейнымъ шомполомъ въ рукахъ, при помощи котораго онъ собирался зажарить зайца, висѣвшаго раньше у дверей въ хижину.

Мерзавецъ былъ не одинъ. Въ гамакѣ лежала женщина, возлѣ нея стоялъ мужчина, котораго я тотчасъ же узналъ: это былъ гитаристъ. А женщина... Хуанита Агвера!

Я видѣлъ ея черные волосы, спускавшіеся до самыхъ плечъ. Ея платье было растерзано съ головы до ногъ, сама она была подавлена горемъ и ужасомъ. Блѣдное лицо удлинилось, какъ это обыкновенно бываетъ послѣ болѣзни; глаза были красны и опухли отъ слезъ.

Я хотѣлъ броситься на разбойниковъ, захватившихъ мою

невѣсту, но за мною, къ счастью, слѣдилъ Гаспардо. Онъ схватилъ меня за руку, стараясь сдержать мой порывъ. Впрочемъ, я и самъ тотчасъ же успокоился, такъ какъ сообразилъ, что особенной опасности пока еще нѣтъ, а торопливость можетъ испортить все предпріятіе.

Отъ того мѣста, гдѣ мы находились въ данную минуту было сравнительно далеко до хижины негра, и намъ слѣдовало сперва пройти это разстояніе, а ужъ потомъ приступить къ развязкѣ драмы. Тихо, точно двѣ змѣи, мы поползли къ хижинѣ.

Въ это время до меня долетѣли слова гитариста:—Какъ же, сеньорита? — говорилъ онъ. — Что вы мнѣ на это отвѣтите? Знайте, донья Хуанита Агвера, что вы всецѣло принадлежите мнѣ, и я не захочу скоро отпустить васъ.

— Врешь, негодяй!—закричалъ я, врываясь въ хижину. Я не могъ дольше сдерживать свое негодованіе.

Я схватилъ за горло разбойника, а Гаспардо бросился на негра.

— Сдавайся, Рафаэль Корраско!—крикнулъ я.—Сдавайся! Иначе ты будешь лежать въ болотѣ, гдѣ живутъ кайманы!

Никогда мнѣ не приходилось видѣть, чтобы мои слова производили такое впечатлѣніе, какъ въ этотъ разъ. Несмотря на весь трагизмъ положенія, я готовъ былъ засмѣяться, такъ какъ дѣло закончилось пошлымъ, балаганнымъ фарсомъ.

Я думалъ, что встрѣчу отчаянное сопротивленіе со стороны гитариста и негра, но этого не случилось. Негръ упалъ на колѣни, а гитаристъ сталъ усиленно просить:

— Помилуйте! Я сдаюсь, пощадите!

Даже Гаспардо съ удивленіемъ взглянулъ на меня. Онъ связалъ бѣглаго негра, а потомъ принялся за гитариста, котораго до этого времени держалъ я. Черезъ нѣсколько минутъ оба разбойника лежали связанные по рукамъ и по ногамъ.

Я обернулся и сжалъ въ объятіяхъ чудную плѣнницу.

Мы оставили связанныхъ негодяевъ въ хижинѣ, куда на слѣдующій день за ними явились жандармы изъ Батабано.

Было уже достаточно свѣтло, и мы могли свободно итти по прежней дорогѣ. Мы добрались до того мѣста, гдѣ были привязаны наши лошади и отвязали ихъ. Я посадилъ къ себѣ на сѣдло Хуаниту, и мы безъ всякихъ приключеній вернулись на плантацію. Здѣсь, на мрачныхъ развалинахъ, мы пробыли лишь столько, сколько нужно было, чтобы осѣдлать лошадь для Хуа-

ниты, а затѣмъ всѣ трое—Хуанита, Гаспардо и я—направились въ Батабано.

На слѣдующій день поѣздъ быстро несъ меня вмѣстѣ съ невѣстою въ Гаванну, гдѣ я сдалъ донну Агвера съ рукъ на руки ея теткѣ. Тетка предложила мнѣ воспользоваться ея гостепріимствомъ на то время, которое мнѣ придется провести въ столицѣ Кубы.

Гаспардо отправился обратно на плантацію, чтобы принять въ свои руки на время отсутствія хозяина управленіе его имуществомъ.

Прежде чѣмъ закончить этотъ маленькій разсказъ изъ жизни плантаторовъ, живущихъ на островѣ Кубѣ, скажу нѣсколько словъ о судьбѣ моихъ героевъ.

Жандармы привели въ Батабанскую тюрьму негодяевъ, которыхъ мы поймали и связали вмѣстѣ съ Гаспардо. Ихъ судили, приговорили къ смертной казни, и черезъ нѣсколько дней послѣ приговора ихъ трупы качались на висѣлицѣ.

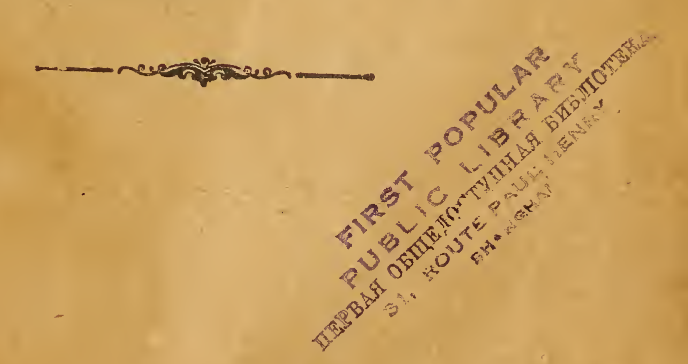
Съ остальными случилось вотъ что. «Креолка безъ большого образованія» живетъ у своей тетушкѣ въ Гаваннѣ. Ея братъ продалъ свои плантаціи и вмѣстѣ съ моимъ другомъ Гаспардо отправился на войну.

О себѣ я не стану разсказывать. Замѣчу только, что скоро я опять собираюсь совершить путешествіе въ Гаванну, возможно, что побываю и въ Батабано, но на этотъ разъ ужъ не затѣмъ, чтобы поохотиться на фламинговъ.

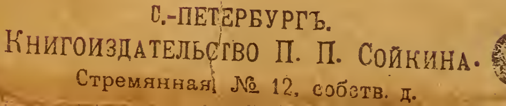
КОНЕЦЪ.

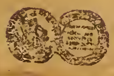
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ
МАЙНЪ-РИДА.

ОХОТНИКЪ НА БОБРОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА.
Стремянная № 12, собств. д.

ТИПОГРАФІЯ П. П. СОЙКИНА. СПБ., СТРЕМЯННАЯ УЛ., СОБСТВ. Д., № 12

I.

Санъ-Луи, большой торговый городъ въ Америкѣ, во время пушного торга, по своей кипучей лихорадочной дѣятельности, не сравнится ни съ однимъ большимъ городомъ Европы. Какой только національности здѣсь ни встрѣчается тогда! Купцы стекаются со всѣхъ концовъ Соединенныхъ Штатовъ. Тутъ и хитрые, предпріимчивые янки, и хвастливые французы, и трапперы, т. е. охотники за бобрами, со своими мѣхами, и индѣйцы или краснокожіе, какъ ихъ называютъ въ Америкѣ, съ пирогами, наполненными шкурами и мѣхами — результатами ихъ охоты,—и всѣ они стараются какъ можно скорѣе продать, купить, обмѣнять свои товары на другіе, или, какъ янки, превратить ихъ въ доллары. Какіе милліонные обороты совершаются здѣсь въ это время, какія громадныя деньги переходятъ изъ рукъ въ руки!

Но вотъ, наконецъ, мѣха промѣнены, товары распроданы,— и Санъ-Луи принимаетъ обычный, болѣе спокойный видъ.

Нажившіеся янки разъѣзжаются во всѣ стороны, французы остаются повеселиться, трапперы и индѣйцы отдыхаютъ нѣкоторое время послѣ кочевой жизни и наслаждаются жизнью по-своему: первые, въ тавернахъ, въ компаніи товарищей, пьютъ, ѣдятъ, играютъ въ карты, вспоминаютъ пережитыя опасности, любуются новымъ, только-что купленнымъ ружьемъ или капканами, одѣяломъ и т. д., а вторые молча пьютъ водку, иногда почти до безчувствія. Опьяненные индѣйцы нерѣдко приходятъ въ бѣшенство и убиваютъ перваго встрѣчнаго; по закону въ Америкѣ запрещено продавать водку краснокожимъ, но законъ этотъ обходятъ тамъ очень просто:—имъ ее не продаютъ, а вымѣниваютъ на мѣха и шкуры.

Вотъ таверна съ верандой, защищенной отъ солнца вьющи-

мися растеніями. На верандѣ, около открытаго окна, сидитъ пожилой, лѣтъ 60-ти, трапперъ. Вся наружность его показываетъ силу и выносливость. Роста онъ средняго, но сильный и хорошо сложенный; черные блестящіе глаза полны ума. Одѣтъ онъ въ широкіе замшевые шаровары и камзолъ изъ оленьей кожи, стянутый кушакомъ; на ногахъ индѣйскіе мокассины. Вооруженіе его состояло изъ ружья, стоящаго тутъже у стѣны, двухъ ножей, большого и маленькаго, такъ называемаго скальпеля, мѣшка съ пулями и буйволоваго рога съ порохомъ; все это висѣло у него на поясѣ, а такъ же еще и мѣшокъ съ табакомъ. Онъ курилъ изъ индѣйской трубки изъ красной глины, и кругомъ его разстилались густыя облака дыма.

Каждый разъ, какъ открывалась дверь съ улицы въ таверну, онъ быстро вставалъ съ мѣста, очевидно поджидая кого-то.

— Что такое случилось съ Томомъ Редстономъ? — говорилъ онъ самъ съ собою. — Вѣдь знаетъ онъ, что я, Джекъ Вильямсъ, жду его уже цѣлую недѣлю, а его все нѣтъ и нѣтъ! И Ральфъ не идетъ тоже!

Нетерпѣніе его и досада все увеличивались по мѣрѣ того, какъ часъ проходилъ за часомъ, пока наконецъ, къ его великой радости, въ дверяхъ показался красивый, стройный юноша съ нѣжнымъ, но мужественнымъ лицомъ, одѣтый въ костюмъ траппер. Это былъ Ральфъ, сынъ Тома Редстона, любимецъ Джека Вильямса. Старикъ горячо обнялъ его и посадилъ рядомъ съ собой, но вдругъ увидѣлъ черный шарфъ на шеѣ юноши, вмѣсто обычнаго краснаго, и съ тревогой, почти шепотомъ, спросилъ:

— Что это, трауръ? Неужели умерла твоя мать, эта чудная женщина?

— Нѣтъ, матушка жива, но мой отецъ...

— Боже мой!—съ отчаяніемъ воскликнулъ Вильямсъ, прерывая Ральфа, неужели Томъ Редстонъ умеръ?

— Да, онъ умеръ, и мы его похоронили въ нашемъ саду,—грустно сказалъ Ральфъ.

Старый охотникъ тяжело опустился на стулъ и, можетъ быть, первый разъ въ жизни этотъ твердый человѣкъ горько зарыдалъ.

Долго плакалъ старикъ, но, наконецъ, поднялъ гол[illegible] началъ говорить:

— Ральфъ! знаешь ли ты, что за чудный человѣкъ былъ твой отецъ? Вѣрный другъ, храбрый воинъ, лучшій охотникъ! Сорокъ лѣтъ мы жили съ нимъ, какъ братья, дѣля всѣ невзгоды и радости жизни охотниковъ. Сколько разъ съ опасностью собственной жизни онъ спасалъ меня отъ вѣрной смерти. Разъ я неудачно выстрѣлилъ въ медвѣдя и только слегка его ранилъ, звѣрь подмялъ меня подъ себя и сломалъ мнѣ ключицу. Я уже приготовился къ смерти, но твой отецъ, хоть и былъ далеко, а прибѣжалъ на выстрѣлъ и убилъ медвѣдя, а потомъ перевязалъ мои раны и ходилъ за мной, какъ за своимъ ребенкомъ, пока я совсѣмъ не оправился И это только одинъ изъ многихъ такихъ же случаевъ! И нѣтъ его, моего дорогого друга, моего Тома! Боже, зачѣмъ я живъ еще, а не умеръ вмѣстѣ съ нимъ?!

— О, дядя Вильямсъ, вы не останетесь одни на свѣтѣ, я люблю васъ, какъ любилъ отецъ, и пойду вмѣстѣ съ вами на охоту, — сказалъ ему юноша, желая хоть немного утѣшить старика.

— А мать твоя, развѣ она согласна отпустить тебя? — спросилъ старикъ.

— Да, матушка меня и послала къ вамъ,—возразилъ юноша.

— Да благословитъ ее Богъ! — съ чувствомъ произнесъ Вильямсъ.

— Я все устроилъ,—продолжалъ Ральфъ,—огородилъ и засѣялъ поля на нашей фермѣ, развелъ огородъ; все хозяйство у матушки въ порядкѣ. Если же что понадобится, то, я думаю, сосѣди помогутъ ей.

— А вотъ отецъ твой мнѣ говорилъ, что за ферму еще не заплачено?—спросилъ Вильямсъ.

— Да, правда, нужно заплатить еще двѣсти долларовъ, но я надѣюсь, что изъ его доли я могу уплатить часть этого долга?—сказалъ нерѣшительно Ральфъ.

— Нѣтъ, не часть, а всѣ двѣсти долларовъ приходятся на его долю. Ты и уплати все полностью, а вотъ эти деньги изъ моей доли отдай отъ меня матери. Я уже запасся всѣмъ необходимымъ, а ей надо жить чѣмъ-нибудь. Не серди меня,— прибавилъ старикъ, видя, что юноша собирается протестовать,— и не огорчай отказомъ. Теперь ступай скорѣй къ матери, отдай ей деньги и приходи сюда, я буду ждать тебя, и вмѣстѣ отправимся на охоту за бобрами,—ласково прощаясь съ юношей добавилъ старикъ.

Около недѣли Ральфъ былъ въ отсутствіи, и все это время, почти не сходя съ мѣста, Джекъ Вильямсъ предавался своему тяжлому горю, вспоминая всю свою совмѣстную жизнь со старымъ другомъ, Томомъ Редстономъ. Въ его памяти ярко вставали картины опасныхъ приключеній, которыми была такъ богата ихъ охотничья жизнь, подвиги Тома Редстона, его преданность и вѣрность (про себя и свое мужество старикъ забылъ).

— И умеръ-то онъ,—тяжело вздыхая и утирая слезы думалъ старикъ,—не какъ охотникъ и храбрый воинъ, а дома, окруженный заботами близкихъ! Ну, да что же, не все ли равно какъ умеръ. Но такъ лучше и легче для Бэтси, его жены. А мнѣ остался въ утѣшеніе его сынъ, Ральфъ. Клянусь тебѣ, мой старый другъ Томъ, всю свою любовь я отдамъ ему, какъ и свою недолгую, я это чувствую, жизнь!—Эта мысль его немного утѣшила и ободрила.

Но, наконецъ, вернулся и Ральфъ. Онъ принесъ Вильяму глубокую благодарность отъ матери за помощь и ея благословеніе имъ обоимъ на предстоящіе труды.

Наши охотники намѣревались отправиться въ путь немедленно, но сильнѣйшій дождь задержалъ ихъ на нѣсколько дней въ Санъ-Луи, который уже совсѣмъ опустѣлъ въ это время.

Сидя въ почти пустой тавернѣ, они все время говорили о Томѣ Редстонѣ, его болѣзни и смерти, и старикъ все не могъ до-сыта наговориться о своемъ покойномъ другѣ.

— Когда мы собирались на охоту еще съ твоимъ отцомъ, то рѣшили идти въ область средняго Арканзаса. Тамъ, въ степяхъ, множество оленей и бизоновъ, а по берегамъ много бобровъ. Правда, что это мѣсто опасно для охоты, такъ какъ тамъ живутъ «черноногіе» индѣйцы со своимъ кровожаднымъ предводителемъ, Теа-ут-вэ; но намъ, хорошо вооруженнымъ, нечего ихъ бояться, да кромѣ того, у насъ въ пирогѣ, отлично спрятанной, есть еще два ружья и большой запасъ пороху и пуль. Тамъ же спрятаны и всякіе запасы провизіи на полгода, по крайней мѣрѣ.

Объясняя Ральфу подробно планъ ихъ охоты и мѣсто, гдѣ они должны будутъ жить, старый охотникъ вдругъ грустно задумался и замолчалъ. Ральфъ долго умолялъ его подѣлиться съ нимъ горемъ и, наконецъ, Вильямсъ сказалъ:

— Слушай меня хорошенько и запомни мои слова. Я чув-

ствую, что эта охота будетъ послѣдней въ моей жизни. Мнѣ все слышится голосъ Тома, который зоветъ меня. Когда я умру, ты сдѣлаешься моимъ наслѣдникомъ. На югъ отъ вашей фермы есть холмъ съ большимъ деревомъ. Въ корѣ дерева съ сѣверной стороны ты найдешь ружейную пулю и, отступя отъ нее прямо на два фута, разрой землю и возьми закопанныя тамъ деньги.

Ральфъ хотѣлъ что-то возразить, но старикъ не сталъ его слушать и отошелъ прочь.

— Дождь пересталъ, слава Богу, намъ пора и отправляться,—весело сказалъ онъ.

Они уложили всѣ свои пожитки и навьючили ихъ на лошадь, а сами, какъ и всегда, пошли пѣшкомъ. Они направлялись къ верхнему Арканзасу. Старикъ во время пути совсѣмъ ободрился и успокоился.

II.

Нѣсколько дней спустя, по Арканзасу быстро и безшумно плыла нагруженная пирога. Ральфъ гребъ, а Джекъ Вильямс управлялъ лодкой. Берега были чрезвычайно живописны. Т почти отвѣсныя скалы, то пологія равнины, покрытыя такс густой растительностью, что вѣтки и верхушки всевозможныхъ деревьевъ спутывались между собою, и путники плыли какъ будто по тоннелю.

Такія мѣста были очень опасны, такъ какъ можно было наткнуться на пловучія, поваленныя бурей, деревья, и надо было плыть очень осторожно. Наконецъ, рѣка стала гораздо шире, по берегамъ показался ивовый кустарникъ и трава.

Старикъ молча указалъ Ральфу рукой налѣво, и пирога вошла въ маленькую бухточку, совсѣмъ закрытую отъ рѣки кустами. Въ глубинѣ бухты, почти совсѣмъ скрытый густымъ кустарникомъ, былъ входъ въ ту пещеру, гдѣ Джекъ Вильямсъ съ Томомъ спрятали пирогу, ружья и всякіе запасы. Когда Вильямсъ и Ральфъ вошли въ нее, то все оказалось вполнѣ въ порядкѣ. Пирога такъ хорошо была спрятана подъ мхомъ, что они и сами съ трудомъ ее нашли. Въ пещерѣ, которая была вполнѣ сухая, былъ устроенъ очагъ и двѣ постели изъ мха. По дорогѣ сюда они ставили вездѣ, гдѣ было возможно, т. е. гдѣ были бобровыя постройки, капканы, а это работа трудная, и потому, разгрузивъ свою [illegible] и сваривъ

себѣ сытный ужинъ, наши охотники завернулись въ теплыя одѣяла и съ наслажденіемъ легли на свои мягкія постели изъ мха.

По утру они встали довольно поздно, отлично отдохнувъ отъ путешествія и работы. Ральфъ прочиталъ молитву и принялся за приготовленія къ охотѣ. Онъ набралъ хворосту, наловилъ рыбы и приготовилъ завтракъ.

Затѣмъ осмотрѣли вмѣстѣ съ Вильямсомъ новую пирогу, осмолили ее и спустили на воду. Въ нее положили капканы и отправились на охоту.

Скалы по берегамъ смѣнялись зелеными долинами или чудными группами громадныхъ деревьевъ, подъ которыми было очень много ягодныхъ кустарниковъ.

Въ лѣсахъ они видѣли оленей, а въ долинахъ стада бизоновъ. Тѣ и другіе паслись совершенно спокойно, и потому можно было быть увѣреннымъ, что «Черноногіе» далеко отъ рѣки. И на берегахъ Арканзаса, и въ устьяхъ его притоковъ много было бобровъ, но еще больше ихъ встрѣтилось, когда наши охотники достигли луговыхъ степей; тутъ было множество небольшихъ зеленыхъ островковъ — любимое пребываніе бобровъ. Вездѣ они ставили и укрѣпляли капканы. Спустя нѣсколько дней, они отправились обратно, что было гораздо труднѣе, такъ какъ плыть нужно было противъ теченія, да и пирога все болѣе и болѣе нагружалась бобрами изъ поставленныхъ раньше капкановъ.

Добравшись до своей пещеры и выгрузивъ бобровъ, Ральфъ уже поѣхалъ одинъ къ ранѣе разставленнымъ капканамъ. Сильное теченіе и множество сломанныхъ деревьевъ нѣсколько задержали его, и Джекъ Вильямсъ страшно тревожился и хотѣлъ уже ѣхать на розыски на старой пирогѣ. Увидавъ подъѣхавшаго Ральфа съ обильной добычей, онъ страшно обрадовался, но въ душѣ рѣшилъ болѣе не пускать его одного. Теперь оба принялись за очистку и просушку шкурокъ бобровъ.

Въ давнія времена бобры водились по всей Европѣ, но съ увеличеніемъ населенія и вслѣдствіе безжалостнаго истребленія этихъ животныхъ, мѣха которыхъ, какъ и мясо, и такъ называемая бобровая струя (жидкость заключающаяся въ особомъ мѣшкѣ, образованномъ складками кожи у хвоста бобра), употребляющаяся и до настоящаго времени въ медицинѣ, цѣнились издавна очень высоко, бобры въ Европѣ почти совер[illegible]ь.

Но въ Америкѣ по ея рѣкамъ ихъ встрѣчается очень много, хотя охотятся на нихъ не одни только трапперы, а такъ же и индѣйцы. У трапперовъ добыча бываетъ всегда больше, благодаря капканамъ и другимъ приспособленіямъ.

Индѣйцы, знающіе цѣну бобру, ненавидятъ трапперовъ, и если тѣ по неосторожности попадаются имъ въ руки, то трапперамъ приходится плохо.

Бобръ принадлежитъ къ классу грызуновъ. Ростомъ онъ до трехъ футовъ, голова круглая съ маленькими ушами. Хвостъ около фута длины, гладкій, покрытъ грубой чешуей; хвостъ помогаетъ животному держаться на водѣ и плавать. Шерсть, начиная отъ свѣтло-коричневаго почти до чернаго цвѣта, очень густая и нѣжная.

Бобра, по справедливости, можно считать умнѣйшимъ животнымъ, хотя прежде по этому поводу существовало множество неправдоподобныхъ сказокъ. Теперь всѣ онѣ опровергнуты натуралистами, вполнѣ изучившими образъ жизни бобровъ.

Вотъ какъ бобръ устраиваетъ свое жилище. Въ августѣ, гдѣ-нибудь въ устьѣ ручья или рѣки, бобры прорываютъ въ берегу снизу вверхъ корридоръ. Выброшенную землю они смѣшиваютъ съ кусочками дерева и мелкими камнями и дѣлаютъ изъ нея надъ выходнымъ отверстіемъ корридора конусообразный холмикъ, отъ 10 до 12 футовъ въ діаметрѣ и до 7 футовъ вышиною. Крышу покрываютъ глиной, которую сначала передними лапами скатываютъ въ шары, добавляя туда травы и тростника, затѣмъ катятъ ихъ и укладываютъ на крышу; когда первые комья просохнутъ, накладываютъ слѣдующіе, — и въ результатѣ крыша получается очень прочная.

Внутри помѣщенія стѣнки тоже замазываются плотно глиной, и все пространство раздѣляютъ на два отдѣленія,—въ одной живетъ все семейство, а другая служитъ кладовой, туда складывается пища на зиму: клубни водяныхъ растеній, вѣтки орѣшинъ, ивъ и тополей, корой съ которыхъ питаются бобры. Полъ засыпаютъ мелкими кусочками дерева.

Въ это жилище ведутъ два, три хода, которые оканчиваются подъ водой, чтобы враги бобра не знали, когда онъ уходитъ или приходитъ.

Чтобы вода не заливала верхней части ихъ жилищъ, бобры строятъ передъ ними очень крѣпкія плотины, въ видѣ стѣны, выгнутой полукругомъ. Дѣлаютъ они ее изъ кусковъ дерева, которые перегрызаютъ своими необыкновенно крѣпкими зубами,

изъ камней и земли. Внизу плотина шире, сверху уже. Эти плотины настолько прочны, что стоятъ иногда по нѣсколько лѣтъ, но если случится, что ледъ проломаетъ ее, то бобры немедленно чинятъ ее.

Иногда бываетъ, что все-таки вода затопитъ жилища бобровъ. Въ такомъ случаѣ они проламываютъ крышу и ходятъ, такъ какъ долго подъ водой безъ воздуха оставаться не могутъ.

Помѣщеніе свое бобръ очень любитъ и содержитъ въ большой чистотѣ, выбрасывая всю грязь въ воду. Бываетъ, что онъ живетъ въ одномъ и томъ же гнѣздѣ по нѣскольку лѣтъ.

Дѣтенышей у нихъ бываетъ отъ двухъ до пяти, которые до трехъ лѣтъ живутъ въ семьѣ, и только тогда уходятъ и строятъ себѣ отдѣльное жилище.

Лѣтомъ бобръ очень часто выходитъ на берегъ, чтобы лакомиться различными корнями и луковицами растеній, а также молодой корой съ деревьевъ; утомленный, онъ даже засыпаетъ иногда въ кустахъ. Если на бобра неожиданно нападутъ собаки, и ему некуда скрыться,—то онъ защищается отчаянно своими когтями и зубами; но видя свою неминуемую гибель, жалобно кричитъ, какъ ребенокъ.

И вотъ это-то умнѣйшее животное и въ Америкѣ также истребляется всякими способами, и, навѣрное, оно тамъ въ самомъ непродолжительномъ времени исчезнетъ совершенно.

III.

Наши охотники нѣсколько мѣсяцевъ вели очень однообразную жизнь, т. е. ѣздили по рѣкѣ вверхъ и внизъ, снимали и ставили капканы, вынимали убитыхъ бобровъ, чистили и просушивали съ нихъ шкуры. Добыча ихъ была очень обильна. Старый Вильямсъ все сильнѣе привязывался къ своему названному сыну, и Ральфъ платилъ ему тѣмъ-же. Строя планы на будущее время, старикъ сказалъ Ральфу:

— Пора, пора намъ домой. Охота наша была такъ удачна, что на вырученныя отъ мѣховъ деньги мы проживемъ безбѣдно, да и мѣста здѣсь стали слишкомъ опасны для охоты.

— Почему?—съ удивленіемъ спросилъ Ральфъ.

— На этимъ дняхъ я поѣхалъ осматривать разставленные нами капканы, и, представь, три, самые отдаленные, пропали. Я тогда вышелъ на берегъ съ ружьемъ и увидѣлъ, что трава вся измята, и нашелъ слѣды лошадей. Очевидно, это черно-

погіе индѣйцы ихъ унесли. Когда они являются въ эти степи, то непремѣнно зайдутъ поклониться къ холму Черной птицы. Это былъ предокъ Теа-ут-вэ. Онъ былъ убитъ въ стычкѣ съ отрядомъ охотниковъ, и индѣйцы похоронили его верхомъ на убитой лошади и насыпали надъ нимъ высокій холмъ. Онъ недалеко отсюда.

— Ну, а вверхъ по теченію капканы цѣлы?—прерывая старика, спросилъ Ральфъ.

— Да, но радоваться этому нечего. По капканамъ они узнали, что здѣсь находятся охотники и, если сразу не напали на насъ, то, навѣрно, только потому, что не знали, сколько насъ.

— Но вѣдь пещера наша неприступна, и наши ружья не дадутъ промаха!—воскликнулъ Ральфъ.

— Да, попасть въ нее имъ будетъ трудно, тѣмъ болѣе, что у нихъ пирогъ нѣтъ, и ѣздятъ они постоянно верхомъ. Но они могутъ насъ окружить и заставить сдаться отъ голода. Они теперь, навѣрное, насъ выслѣживаютъ и будутъ сторожить около капкановъ.

— Такъ что же дѣлать намъ?—спросилъ Ральфъ.

— Надо ѣхать какъ можно скорѣе и спасать капканы, поставленные по рѣкѣ выше украденныхъ, затѣмъ спрятать и ихъ, и мѣха, какъ можно лучше въ нашей пещерѣ, а самимъ бѣжать. Но, можетъ быть, уже поздно! — съ тяжелымъ вздохомъ добавилъ Вильямсъ.

Вооружившись ружьями, съ большимъ запасомъ пуль и пороху, старикъ съ юношей сѣли въ пирогу и отчалили. Ральфъ гребъ такъ осторожно, что не было ни малѣйшаго шума и плеска. Джекъ Вильямсъ, съ ружьемъ на готовѣ, внимательно слѣдилъ за берегами. Тишина была мертвая, — ни ревъ бизоновъ, ни крикъ птицъ не нарушали ее, и это казалось старику очень подозрительнымъ. Первые капканы были цѣлы, и наши охотники обрадовались, думая, что значитъ индѣйцы еще не добрались сюда. Далѣе имъ пришлось плыть по очень узкому мѣсту въ рѣкѣ, гдѣ стрѣла могла свободно пролетѣть съ одного берега на другой.

Едва они въѣхали въ это мѣсто, какъ вдругъ на лѣвомъ берегу раздался страшный крикъ, и они увидѣли индѣйцевъ. Впереди, на скалѣ, стоялъ ихъ начальникъ Теа-ут-вэ, котораго Вильямсъ тотчасъ узналъ. Вождь имъ сдѣлалъ знакъ приблизиться къ берегу. Пришлось повиноваться безпрекословно, иначе

индѣйцы не замедлили бы выпустить въ нихъ градъ стрѣлъ. Но едва лодка направилась къ берегу, какъ стрѣла со свистомъ попала прямо въ сердце старому Вильямсу и, онъ мертвый упалъ въ воду, опрокинувъ пирогу.

Это выстрѣлилъ молодой индѣецъ, заклинатель.

Теа-ут-вэ за этотъ поступокъ хотѣлъ убить своего ослушника, такъ какъ, вопреки его приказанію, онъ выстрѣлилъ въ сдавшагося уже врага. Но просьбы индѣйцевъ отклонили казнь, хотя все-таки вождь велѣлъ связать виновнаго.

Когда пирога опрокинулась, Ральфъ, плававшій какъ рыба, нырнулъ, но едва показался на поверхности воды, какъ былъ схваченъ тремя индѣйцами, которые, несмотря на его сильное сопротивленіе, вытащили его на берегъ и поставили передъ Теа-ут-вэ.

— Какъ смѣлъ ты бѣжать?—грозно спросилъ онъ Ральфа на плохомъ англійскомъ языкѣ.

— Мы съ отцомъ сдались вамъ, а вы его убили,—смѣло отвѣтилъ Ральфъ.

— Блѣднолицый справедливо упрекаетъ меня за твой поступокъ! Ты мнѣ поплатишься за это!—съ бѣшенствомъ вскричалъ Теа-ут-вэ, грозя заклинателю.

Индѣйцы привязали Ральфа за руки и за ноги къ дереву такъ крѣпко, что веревки впились ему въ тѣло, доставляя ужасное страданіе, но лицо его сохраняло мужество и твердость, несмотря на физическую и нравственную боль. Ральфъ зналъ, что малѣйшая слабость съ его стороны еще сильнѣе заставитъ его враговъ издѣваться надъ нимъ.

Индѣйцы, его окружавшіе, принадлежали къ племени отличавшемуся красотой. Одежда ихъ состояла изъ короткой юбки изъ кожи оленя и плаща изъ кожи буйвола, на таліи былъ кожаный поясъ съ привѣшенными скальпами врага (скальпъ— это волосы, вмѣстѣ съ кожей, снятые съ головы убитаго). За спиной висѣлъ колчанъ со стрѣлами, въ рукахъ лукъ и копье, на верху котораго привѣшивался такъ называемый амулетъ, предохраняющій его обладателя отъ всего дурного. Эти мѣшечки индѣйцы пріобрѣтаютъ такъ: когда мальчику исполняется тринадцать лѣтъ, то онъ уходитъ въ пустыню, тамъ постится и молится, чтобъ Великій Духъ назначилъ ему покровителя; и вотъ, то животное или пресмыкающееся, которое онъ увидитъ въ это время во снѣ, и становится этимъ покровителемъ. Онъ отыскиваетъ его, ловитъ и убиваетъ, и несетъ къ заклинателю.

Тотъ изъ кожи этого животнаго шьетъ мѣшечекъ и разрисовываетъ его таинственными изображеніями. Юноша привѣшиваетъ его на копье и уже считается взрослымъ, участвуетъ во всѣхъ сраженіяхъ. Кошелекъ становится его святыней, и позоръ ему, если онъ потеряетъ его въ битвѣ!

Теа-ут-вэ вошелъ въ свой вигвамъ вмѣстѣ съ другими старшинами племени, чтобы рѣшить участь бѣлаго плѣнника. Онъ закурилъ трубку мира, сдѣланную изъ священной красной глины съ береговъ Ориноко. Эта трубка употребляется всегда индѣйцати при всякихъ совѣщаніяхъ. Теа-ут-вэ первый затянулся и съ торжественной важностью медленно передалъ ее сосѣду, тотъ слѣдующему, пока она не обошла всѣхъ присутствующихъ.

Старый Теа-ут-вэ заговорилъ первый.

— Мы, краснокожіе, постоянно сражаемся съ бѣлыми, которые приходятъ въ наши степи и охотятся на нашу добычу, на бобровъ. Но мы воюемъ открыто, и предательскій поступокъ Хау-ку-то (это было имя индѣйца, убившаго Джека Вильямса), убившаго уже сдавшагося намъ врага, покрылъ насъ позоромъ; вѣдь молодой бѣлый хотѣлъ бѣжать, видя такое вѣроломство. И мнѣ, вождю, пришлось выслушать этотъ упрекъ отъ блѣднолицаго!

Убить его—будетъ еще большимъ позоромъ для насъ.

Если какая-нибудь изъ нашихъ дѣвушекъ согласится его взять въ мужья, то пусть бѣлый живетъ у насъ!

Послѣ нѣкотораго молчанія, всѣ старшины сказали:

— Пусть живетъ! Но горе ему, если вздумаетъ бѣжать! Тогда его скальпъ будетъ принадлежать догнавшему и убившему его.

— А что дѣлать съ Хау-ку-то?—спросилъ вождь.

— Привести въ деревню связаннымъ!—сказали всѣ.

— Такъ и будетъ!—отвѣтилъ Теа-ут-вэ.

Грозный и величественный, вышелъ старый Теа-ут-вэ изъ вигвама и прямо направился къ Ральфу. Увидя грозное лицо начальника, прямо устремленное на него, Ральфъ уже не сомнѣвался, что его ждутъ страшныя пытки.

— Здѣсь или въ деревнѣ убьютъ меня? — мелькнуло въ головѣ Ральфа. Онъ сначала было порѣшилъ, что его убьютъ немедленно.—Но можетъ быть, тамъ въ деревнѣ, кто-нибудь изъ дѣвушекъ сжалится и возьметъ меня въ мужья?—хорошо зная обычаи и нравы краснокожихъ, подумалъ онъ, продолжая спокойно и гордо, не опуская глазъ, стоять передъ Теа-ут-вэ.

Тотъ обратился, наконецъ, къ индѣйцамъ и сообщилъ приговоръ Хау-ку-то, и уже затѣмъ сказалъ о помилованіи Ральфа.

— Великій вождь!—обратился Ральфъ смѣло къ Теа-ут-вэ.— Развѣ твои воины такъ тихо бѣгаютъ, что привязали меня къ дереву, боясь меня не догнать, если я убѣгу, или такъ плохо стрѣляютъ, что боятся не попасть въ меня?

Гулъ негодованія прошелъ между индѣйцами, но старый вождь со вниманіемъ взглянулъ на храбреца и велѣлъ его развязать.

— Можешь ли ты идти?—спросилъ онъ Ральфа, который едва стоялъ на ногахъ отъ рубцовъ и ранъ, причиненныхъ ему веревкой.

— Пойду, пока не упаду мертвый, — показывая на свои ноги отвѣтилъ Рольфъ.

Теа-ут-вэ велѣлъ дать ему лошадь.

Индѣйцамъ отдано было приказаніе собираться въ походъ.

Все зашумѣло и задвигалось. Съ лошадей, пасшихся табуномъ со спутанными ногами, снимали путы, вьючили ихъ своей охотничьей добычей, и вскорѣ уже всѣ индѣйцы верхами ѣхали вдоль Арканзаса, въ безпредѣльныя степи.

IV.

Индѣйцы быстро ѣхали впередъ, не отдыхая. Вначалѣ по берегамъ Арканзаса попадались деревья и кусты, но вскорѣ они смѣнились степью, съ высокою, густою травой. Солнце нестерпимо жгло ихъ своими лучами, но тѣни нигдѣ не было. Ральфъ ѣхалъ между двумя индѣйцами, которые сторожили каждое его движеніе, и, хотя на мгновеніе у него явилась мысль о бѣгствѣ, онъ скоро понялъ всю невозможность его.

Тяжело и больно было ему; вспомнилась бѣдная одинокая мать, его старый другъ, Джекъ Вильямсъ, его ужасная смерть, и страшная будущность, его ожидавшая.

Сохраняя на лицѣ полное спокойствіе, онъ горячо молился въ душѣ, и молитва его подкрѣпила.

До самаго вечера индѣйцы неслись, не отдыхая; они что-то говорили между собой, но Ральфъ не понималъ ихъ языка, да еслибъ и понималъ, то узналъ бы еще болѣе тяжелое извѣстіе, именно, что на нихъ, и вмѣстѣ съ ними и на него, надвигается страшная опасность, степной пожаръ.

Пламя по степи распространяется съ ужасающей быстротой.

При степномъ пожарѣ поднимается страшный вѣтеръ, который еще больше раздуваетъ огонь.

Единственное спасеніе отъ этого бѣдствія —добраться какъ можно скорѣе до возвышенностей, которыя виднѣлись на границѣ степи,—вотъ почему такъ быстро мчались индѣйцы; кромѣ того, въ это время они враждовали съ племенемъ Команчей и боялись, что враги, узнавъ объ ихъ отсутствіи, напали на ихъ деревню и подожгли степь нарочно, чтобы погубить ихъ.

Уже наступалъ вечеръ, и лошади безъ отдыха и питья такъ устали, что едва передвигали ноги; но, наконецъ, уже на закатѣ, показались холмы, и усталыя животныя, почуя близость воды и травы, напрягли послѣднія силы и помчались впередъ. Достигнувъ до воды у подножья холмовъ, индѣйцы остановились и принялись утолять нестерпимую жажду, лошадей развьючили и напоили, пустили на траву, еще зеленую. Приставленные къ Ральфу сторожа караулили его и ночью, но онъ такъ былъ измученъ, что заснулъ тяжелымъ сномъ, не помышляя уже о бѣгствѣ.

Съ разсвѣтомъ индѣйцы моментально проснулись, навьючили и напоили лошадей и поѣхали впередъ. Миновали холмы и опять понеслись степью, въ ту сторону, гдѣ далеко на востокѣ виднѣлись горы,—тамъ была и деревня черноногихъ.

Ихъ быстрый бѣгъ былъ остановленъ внезапно страшнымъ шумомъ, подобнымъ грому.

— Бизоны, бизоны!—радостно пронеслось по рядамъ индѣйцевъ.

Теа-ут-вэ, остававшійся мрачнымъ, все-таки отдалъ приказаніе объ охотѣ. Двѣнадцать индѣйцевъ остались съ вьючными лошадьми и плѣнникомъ, другіе отправились за бизонами. Вскорѣ огромное ихъ стадо пронеслось мимо Ральфа и его сторожей. Охотники вернулись съ большимъ запасомъ кожъ и мяса и, нагрузивъ лошадей, опять быстро двинулись впередъ. Зной стоялъ страшный, но они остановились только на мгновенье у встрѣтившагося имъ ручья, чтобы напоить лошадей и самимъ утолить страшную жажду. Ральфъ все еще не понималъ, почему индѣйцы такъ стремительно мчатся впередъ. Вдругъ начался знойный, удушливый вѣтеръ, и лошади индѣйцевъ тревожно заржали. Въ это время мимо нихъ быстро промчался огромный табунъ, затѣмъ стадо оленей, всевозможные звѣри, тучи птицъ и т. п.,—все это съ тревожными криками неслось къ Арканзасу, не обращая и вниманія на индѣйцевъ.

Теперь Ральфу все стало ясно, и при мысли сгорѣть заживо, его сердце замерло отъ ужаса.

Вдали виднѣлся высокій пирамидальный холмъ съ крутыми откосами. Къ нему и направлялись индѣйцы. Это былъ холмъ Черной птицы, о которомъ Вильямсъ разсказывалъ Ральфу.

Добравшись до него, индѣйцы тотчасъ утоптали кругомъ всю траву, потомъ ввели лошадей и привязали головами къ врытому посрединѣ площадки столбу, а сами, развязавъ Хау-ку-то, стали кругомъ него.

Дико вскрикивая и кривляясь, началъ онъ свои заклинанья, но огонь подходилъ ближе, и вдали показалась уже туча дыма. Видя, что его заклинанія не дѣйствуютъ, Хау-ку-то неистово закричалъ:

— Убейте бѣлаго! Это онъ наклиналъ огонь!

Индѣйцы бросились было къ Ральфу, но Теа-ут-вэ сурово остановилъ ихъ.

— За вѣроломство Хау-ку-то Великій Духъ наказываетъ насъ огнемъ! Не троньте плѣнника, насъ защититъ отъ смерти Духъ вождя Черной птицы, на могилѣ котораго мы стоимъ.

Между тѣмъ пожаръ все приближался. Изъ облака дыма то и дѣло вырисовались огненные языки, вѣтеръ ревѣлъ и свисталъ, то заставляя пламя стлаться ниже, то вдругъ вздымая его къ небу громаднымъ столбомъ, разливая его страшнымъ потокомъ, то вдругъ откидывая его въ даль. Воздухъ былъ весь наполненъ пепломъ и дымомъ отъ горящей травы. Небо съ каждой минутой становилось ярче и, казалось, что и оно горитъ, какъ земля.

Весь холмъ кругомъ, гдѣ не была вытоптана земля, былъ охваченъ пламенемъ. Дышать было невозможно, и индѣйцы бросились на землю лицомъ внизъ.

Ральфъ сдѣлалъ то же. Голова у него горѣла, дыханіе прерывалось, страшная жажда мучила нестерпимо, внутри все сжималось отъ боли.

Много слышалъ онъ о степныхъ пожарахъ, но то, что онъ видѣлъ и переживалъ сегодня, во много разъ превосходило своимъ ужасомъ слышанное раньше.

Наконецъ, огненное море отошло отъ холма. Теперь вѣтеръ гналъ его по направленію къ Арканзасу. На берегу былъ лѣсъ, который тоже запылалъ, но за лѣсомъ была рѣка, и пламя остановилось и стало утихать.

Можно было подняться и вздохнуть свободнѣе.

Индѣйцы и Ральфъ послѣ такого страшнаго напряженія легли, завернувшись въ шкуры бизоновъ, и заснули мертвымъ сномъ.

V.

На разсвѣтѣ индѣйцы проснулись и тронулись дальше. Какой ужасный видъ представляла теперь степь, вчера еще такая красивая, покрытая высокой, чудной травой! Сожженная, черная земля, покрытая пепломъ, по которому лошади ступали съ трудомъ. Часто попадались трупы всевозможныхъ животныхъ, погибшихъ въ огнѣ. Но тѣмъ не менѣе настроеніе черноногихъ было веселое: вдали виднѣлись горы, покрытыя лѣсомъ, и тамъ, въ котловинѣ, между горъ, было ихъ поселеніе, и потому, несмотря на трудность пути, черноногіе остановились только одинъ разъ у ручья. Тутъ Теа-ут-вэ, понявъ давно, какъ индѣйцы недовольны наказаніемъ Хау-ку-то, собралъ старшинъ племени и спросилъ: довольно ли онъ наказанъ?—и получивъ утвердительный отвѣтъ, тотчасъ велѣлъ его освободить отъ веревокъ. Совсѣмъ поздно вечеромъ они въѣзжали въ свою деревню. При видѣ своихъ жилищъ, радостный крикъ вырвался у нихъ. Въ отвѣтъ имъ раздался такой же, и дѣти, жены и матери съ факелами въ рукахъ бросились къ нимъ навстрѣчу. Въ деревнѣ знали о степномъ пожарѣ и боялись, что всѣ ихъ воины погибли, и тѣмъ сильнѣе была радость, когда увидѣли всѣхъ живыми.

Увидя плѣнника, старухи и дѣти съ яростью кинулись на него, и ему пришлось бы плохо, еслибъ опять не старый вождь, который взялъ его въ свой вигвамъ.

Тамъ его встрѣтила красивая дѣвушка, его дочь, по имени Эймоа.

— Вотъ плѣнникъ,—сказалъ ей отецъ.—Вымой и перевяжи ему раны.

Она принесла воды и нагнулась къ Ральфу, но онъ сказалъ отцу, что у бѣлыхъ это считается неприличнымъ для дѣвушки, и что онъ самъ промоетъ свои раны.

Теа-ут-вэ ей перевелъ эти слова, и она, усмѣхнувшись, вышла изъ вигвама, но вскорѣ вернулась и принесла какую-то траву; наложивъ ее на промытыя раны, она обвязала ихъ тонкой оленьей кожей. Затѣмъ дала ему поѣсть жаренаго мяса и разныхъ ягодъ и плодовъ.

Онъ съ глубокою признательностью пожалъ ея маленькую ручку. Она не поняла его словъ, но поняла выраженіе его глазъ, и съ состраданіемъ долго смотрѣла на него.

Утромъ рано, въ своемъ парадномъ костюмѣ, съ трубкой мира въ рукахъ, ушелъ старый Теа-ут-вэ на совѣщаніе съ старшинами племени. Тамъ должна была рѣшиться участь Ральфа.

Ральфъ еще спалъ, когда старикъ сталъ возлѣ него и долго глядѣлъ на его мужественное, красивое лицо.

Къ нему подошла Эймоа и робко спросила:

— Онъ умретъ?

Отецъ не отвѣтилъ ни слова.

Отличительная черта индѣйцевъ—это глубокая скрытность. Что бы его ни волновало,—какія бы мученія, нравственныя или физическія, онъ ни переживалъ,—лицо его остается каменнымъ, и прочесть на немъ ничего нельзя. Старый Теа-ут-вэ глубоко волновался объ участи Ральфа, всей душой желая его спасти. Причина этому была слѣдующая: у него, кромѣ Эймоа, мать которой умерла при ея рожденіи, былъ сынъ, его радость и гордость, но въ одной изъ битвъ съ команчами онъ погибъ. Горе о погибшемъ сынѣ и до сихъ поръ сохранилось въ его сердцѣ.

Ральфъ своимъ мужествомъ, красотой и смѣлостью напомнилъ ему сына, и ему очень хотѣлось усыновить его. Онъ видѣлъ, что Ральфъ страдалъ по убитомъ старикѣ и думалъ, что Вильямсъ его родной отецъ, но видѣлъ также, какъ глубоко скрывалъ онъ свои страданія, и это нравилось старому вождю.

На совѣщаніи о бѣломъ плѣнникѣ, многіе индѣйцы требовали казни его. Но Теа-ут-вэ употреблялъ все свое вліяніе, чтобъ измѣнить это рѣшеніе. Его поддержали другіе старшины племени, и было рѣшено его усыновить, если какая-либо изъ дѣвушекъ племени возьметъ его въ мужья, когда его раны заживутъ, и онъ окрѣпнетъ, а до этого времени долженъ жить въ вигвамѣ Теа-ут-вэ. Старикъ не выказалъ ни однимъ движеніемъ своей радости при такомъ счастливомъ для Ральфа исходѣ.

Тихо и мирно пошла жизнь въ вигвамѣ у Теа-ут-вэ. Эймоа всей душой привязалась къ Ральфу. Она ухаживала за нимъ, лѣчила его раны и старалась его ободрить и развеселить. Но рѣдко ей это удавалось. Ральфъ, хотя тоже всей душой полюбилъ молодую дѣвушку, не могъ забыть своей покинутой ма-

тери, да и смерть, которую ему только отсрочили на время, казалась ему неизбѣжной. О бѣгствѣ тоже нечего было и думать по сожженной степи, это бы только ускорило его гибель; и на душѣ у него было тяжело и больно. Эймоа понимала это и ласкала его и утѣшала, какъ ребенка, приносила ему ягоды и плоды. Старикъ, видя такія отношенія, уже считалъ его въ душѣ своимъ сыномъ.

Но у Ральфа былъ жестокій врагъ. Хау-ку-то не забылъ наказанія за убійство бѣлаго, и кромѣ того, онъ хотѣлъ взять въ жены Эймоа. Онъ, конечно, узналъ, что она полюбила бѣлаго плѣнника, и потому всѣми силами старался возбудить въ индѣйцахъ ненависть къ Ральфу, грозилъ, что Великій духъ отниметъ у нихъ свою помощь за то, что они не принесли въ жертву плѣнника, что команчи побѣдятъ ихъ, что на нихъ Великій духъ пошлетъ всякія бѣды и т. д. Теа-ут-вэ видѣлъ всѣ хитрости заклинателя и торопился присоединить Ральфа къ племени. Скоро раны его совсѣмъ закрылись, и на совѣтѣ старшинъ рѣшено было на другой день показать его дѣвушкамъ.

На площади, посреди деревни, собрались утромъ всѣ индѣйцы, съ одной стороны мужчины, съ другой женщины.

Старшины племени привели связаннаго Ральфа.

Онъ былъ блѣденъ, но покоенъ, покорившись своей участи.

Изъ старшинъ выдѣлился Теа-ут-вэ и, подойдя къ плѣннику, громко сказалъ:

— Совѣтъ старшинъ рѣшилъ, что если какая-нибудь изъ нашихъ дѣвушекъ возьметъ мужемъ плѣнника, то онъ будетъ помилованъ. Она должна подойти къ нему и развязать веревки.

Застѣнчиво, съ опущенными глазами, изъ толпы дѣвушекъ вышла прекрасная Эймоа и быстро развязала Ральфа.

Хау-ку-то пришелъ въ бѣшенство, но сдержался.

Одинъ изъ старшинъ племени подалъ Ральфу лукъ и стрѣлы, другой далъ ему копье.

— Убивай нашихъ враговъ и дикихъ звѣрей и отнимі талисманъ жизни у врага,—сказали они ему, имѣя въ виду амулетъ, священный для индѣйцевъ.

Теа-ут-вэ положилъ руку своей Эймоа въ руки Ральфа и сказалъ, что теперь они мужъ и жена, и дѣвушки, ея подруги, съ пѣніемъ и танцами проводили ихъ до вигвама.

VI.

Трава, покрывшая черезъ нѣкоторое время степь послѣ пожара, была еще лучше прежней, и потому въ степи появилось множество бизоновъ, оленей и дикихъ лошадей. Индѣйцы до войны съ команчами рѣшили устроить охоту, но, по обычаю, надо было спросить заклинателя, а Хау-ку-то не забылъ своей ненависти къ Ральфу и предсказалъ полную неудачу, если съ ними будетъ бѣлый. Но Ральфъ считался теперь принадлежащимъ къ краснокожимъ и долженъ былъ идти на охоту и въ походъ. Онъ все время учился накидывать лассо и стрѣлять изъ лука, и эта охота была для него какъ бы экзаменомъ его ловкости и силы.

Въ степи индѣйцамъ скоро попался табунъ дикихъ лошадей, и старый Теа-ут-вэ приказалъ Ральфу добыть себѣ лошадь; пока же онъ ѣхалъ на лошади вождя. Ральфъ немедленно повиновался. Подскакавъ къ стаду, онъ намѣтилъ себѣ лучшее животное и набросилъ на него лассо. Лошадь упала, Ральфъ соскочилъ съ своего коня и быстро накинулъ лассо на морду животнаго и, продѣвъ веревку въ ротъ, прыгнулъ ему на спину. Долго лошадь неслась рядомъ съ табуномъ, брыкаясь, стараясь освободиться отъ всадника, но Ральфъ сидѣлъ крѣпко, обхвативъ ее ногами и, наконецъ, при помощи шпоръ, повернулъ лошадь и примчался къ индѣйцамъ. За его ловкость индѣйцы привѣтствовали его шумными криками, и самъ старый вождь одобрительно взглянулъ на него.

Охота на бизоновъ, несмотря на дурное предсказаніе заклинателя, оказалась очень удачной. Ральфъ и тутъ отличился: онъ убилъ трехъ огромныхъ бизоновъ, но четвертый его едва не погубилъ; но и тутъ Теа-ут-вэ, который слѣдилъ все время за Ральфомъ, спасъ его. Добыча индѣйцевъ была такъ обильна, что лошади едва двигались подъ тяжестью кожъ и мяса.

Съ какою радостью встрѣчала Эймоа своего мужа, слыша со всѣхъ сторонъ похвалы его мужеству и видя его невредимымъ!

Вскорѣ индѣйцы отправились въ походъ противъ команчей, узнавъ, что тѣ пришли въ степь на охоту за бизонами. Хау-ку-то опять предсказывалъ всякія несчастія, но ему уже не вѣрили. Тихо, осторожно пробирались индѣйцы къ лагерю своихъ враговъ. Остановившись невдалекѣ, спрятались и вы-

ждали ночи. Тогда внезапно напали на спящихъ команчей, и хотя тѣ, проснувшисъ, отчаянно защищались, большая часть отряда погибла въ бою.

Ральфу пришлось сражаться съ ихъ предводителемъ, и онъ убилъ его, несмотря на свое отвращеніе, снялъ съ него скальпъ и взялъ амулетъ съ копья. Онъ это сдѣлалъ въ угоду Эймоа, которая, какъ истая дикарка, желала, чтобъ онъ вернулся со скальпомъ врага и кошелькомъ-амулетомъ, а также желая расположить къ себѣ индѣйцевъ.

Побѣда надъ врагами была полная, но торжество омрачалось тѣмъ, что Теа-ут-вэ былъ раненъ стрѣлою въ бокъ.

Бѣдная Эймоа страшно горевала, видя раненаго отца. Она прилагала всѣ усилія, дѣлала, что могла, но старикъ угасалъ съ каждымъ днемъ. Чуя близость смерти и боясь за дочь и Ральфа, онъ взялъ клятву съ своихъ двухъ друзей старшинъ, что они будутъ его защищать. Вскорѣ, успокоенный этой клятвой, онъ умеръ.

Индѣйцы устроили своему славному вождю пышныя похороны. Они убили его лошадь, привязали къ ней его тѣло, затѣмъ лошадь прикрѣпили къ кольямъ, такъ что она и всадникъ казались какъ бы живые, обложили кругомъ камнями и насыпали высокій холмъ, какъ надъ Черной птицей.

Эймоа страшно тосковала и плакала по отцѣ.

Ральфъ, который сталъ хорошо говорить по-индѣйски (да и Эймоа понимала по-англійски), утѣшалъ ее словами Евангелія, и они глубоко западали въ ея юное, чистое сердце.

Между тѣмъ положеніе Ральфа между индѣйцами, благодаря хитрости и ненависти заклинателя, становилось все хуже. Достаточно было малѣйшаго предлога, чтобъ его погубить.

Долгое время не было дождя. Вся растительность высохла, и животныя ушли далеко, въ глубь степи. Такой засухи не запомнили и самые старые индѣйцы.

Заклинатели съ разными обрядами дѣлали заклинанія, моля Великаго духа о дождѣ, но все было напрасно. Хау-ку-то воспользовался этимъ и сталъ говорить, что бѣлый мѣшаетъ заклинаніямъ, и что Великій Духъ наказываетъ индѣйцевъ.

— Смерть ему!—съ бѣшенствомъ закричала толпа и бросилась къ вигваму Ральфа. Помня свою клятву, старшины, друзья Теа-ут-вэ, чтобы спасти Ральфа, сказали, что по обычаю племени, когда попадаетъ къ нимъ живой врагъ, на него устраиваютъ охоту. Охота эта происходитъ такимъ образомъ.

раздѣваютъ совсѣмъ человѣка и тѣло смазываютъ саломъ, затѣмъ всѣ индѣйцы съ томагавками выстраиваются въ линію, а его ставятъ впереди на сто шаговъ; по данному сигналу онъ долженъ бѣжать, и кто его догонитъ и убьетъ томагавкомъ, тому принадлежитъ и скальпъ.

Ральфъ услышалъ страшные крики и понялъ, что судьба его и Эймоа уже рѣшена. Эймоа бросилась изъ вигвама, чтобъ умолять о пощадѣ, но по звѣрскимъ лицамъ увидала, что это безполезно, и упала безъ сознанія. Ральфъ выбѣжалъ за ней; ему показалось, что она умерла, и онъ крѣпко поцѣловалъ ее, а самъ отдался индѣйцамъ.

Они вывели его за деревню, раздѣли его и вымазали тѣло саломъ. По данному сигналу онъ долженъ былъ бѣжать. Но индѣйцы сильно ошиблись въ своихъ разсчетахъ, думая поймать его сразу. Легче стрѣлы помчался Ральфъ, искусно бѣгавшій, перепрыгнулъ встрѣтившійся по пути ровъ, въ который свалилось нѣсколько человѣкъ индѣйцевъ, и понесся по плоской возвышенности. Индѣйцы всю свою жизнь проводятъ верхомъ и потому бѣгаютъ довольно плохо. Многіе уже отказались отъ погони, и только Хау-ку-то и еще три индѣйца преслѣдовали его. Ральфъ боялся оглянуться, чтобъ не терять мгновенья, и слыша уже близко за собою ихъ тяжелое дыханіе, бѣжалъ еще быстрѣе. Солнце уже спускалось къ закату, и становилось свѣжо. Наконецъ, взбѣжавъ на холмъ, Ральфъ почувствовалъ, что силы его оставляютъ и невольно остановился. Взглянувъ назадъ, онъ увидѣлъ только одного Хау-ку-то, бѣжавшаго тоже уже едва-едва. Но увидя, что его жертва остановилась, онъ изъ послѣднихъ силъ бросился къ Ральфу. По дорогѣ лежало дерево, котораго онъ не замѣтилъ, и онъ грохнулся на землю; томагавкъ отлетѣлъ отъ него на нѣсколько саженей. Ральфъ быстро схватилъ томагавкъ и убилъ заклинателя. Потомъ снялъ и надѣлъ на себя его платье, взялъ флягу съ водой съ его пояса и, вооружившись его же томагавкомъ, сдѣлалъ себѣ палку и пошелъ къ виднѣвшемуся лѣсу, хорошо сознавая, что несмотря на усталость, долженъ идти впередъ. Но въ лѣсу силы его оставили, и забравшись въ кусты, онъ заснулъ, какъ мертвый.

Когда индѣйцы пришли за Ральфомъ, Эймоа упала безъ чувствъ; Ральфъ подумалъ, что отъ испуга она умерла и простился съ нею, какъ съ мертвой.

Но подруга бѣдной Эймоа приложила всѣ старанія, чтобы

привести въ себя несчастную женщину, и ей это удалось. Въ это время въ деревнѣ уже знали, что Ральфъ убѣжалъ, и что за нимъ слѣдуетъ только заклинатель, да и тотъ, вѣрно, скоро вернется.

Эймоа, придя въ себя, вскричала съ горечью: — Ральфа убили!

— Нѣтъ, Эймоа, онъ бѣжалъ,—отвѣтила подруга.

Тогда Эймоа опустилась на колѣни и тѣми словами, какъ училъ ее Ральфъ, горячо благодарила Бога за его спасеніе.

Подруга сообщила ей всѣ подробности погони и то направленіе, куда скрылся Ральфъ. Оставшись одна, она глубоко задумалась, затѣмъ быстро начала собирать лукъ, стрѣлы, платье Ральфа и запасъ провизіи, все это связала крѣпко ремнемъ, привѣсила себѣ на спину и неслышно вышла изъ вигвама. Она рѣшилась идти за мужемъ, безъ котораго не могла жить. Она сразу нашла многочисленные слѣды погони, но скоро увидѣла, что ихъ меньше и меньше, и скоро остался только слѣдъ Ральфа и Хау-ку-то. Порывомъ вѣтра разорвались облака, и мѣсяцъ ясно освѣтилъ холмъ. Вдругъ Эймоа съ ужасомъ увидѣла лежавшій трупъ. Съ крикомъ она бросилась къ нему, но то былъ не Ральфъ, а заклинатель. Она поняла, что Ральфъ побѣдилъ своего непримиримаго врага, и съ жаромъ благодарила Бога за его помощь. Теперь ужъ ей не представлялось затрудненій идти за Ральфомъ, такъ какъ слѣды его и отъ палки, на которую онъ опирался, виднѣлись ясно, и вскорѣ она была уже около него. Долго съ горячей любовью смотрѣла она на спящаго глубокимъ сномъ мужа, и невольно слеза скатилась прямо ему на лицо. Онъ проснулся и сразу схватился за томагавкъ, думая, что его отыскали индѣйцы, но вмѣсто нихъ на грудь къ нему бросилась его вѣрная Эймоа. Въ эти минуты счастья они забыли всѣ свои страданія и горести. Но наступалъ уже разсвѣтъ, и медлить было нельзя, каждую минуту ихъ могла настичь погоня. Тогда тихо и молча они подкрѣпились принесенными Эймоа припасами и бодро двинулись впередъ. Ральфъ, по разсказамъ Вильямса, зналъ, что впереди была Миссури. Тамъ по берегамъ поселенія бѣлыхъ, и разъ они дойдутъ туда, то они спасены. Они и пошли по этому направленію. Разстояніе до рѣки оказалось гораздо большимъ, чѣмъ предполагалъ Ральфъ, и потому только на шестой день они дошли до береговъ и увидѣли ферму одного изъ колонистовъ. Ночи они проводили гдѣ-

нибудь въ разсѣлинѣ скалы, подъ густыми деревьями, или въ пещерѣ; пищу Ральфъ добывалъ лукомъ, стрѣляя попадавшуюся дичь. Но все время они страшно боялись, что индѣйцы ихъ догонятъ, и велика была ихъ радость, когда они добрались до фермы, и хозяинъ ея такъ ласково и сердечно ихъ принялъ. Всей душой благодарили они Бога за его милость. Пробывъ нѣкоторое время у фермера, они направились черезъ Санъ-Луи къ матери Ральфа. Между тѣмъ въ ихъ отсутствіе индѣйцы, увѣренные въ побѣдѣ Хау-ку-то, не тревожились его отсутствіемъ и только на другой день стали искать и нашли трупъ его. Рѣшено было похоронить его съ почестями, какъ подобаетъ заклинателю, и тогда на лошадяхъ ѣхать за Ральфомъ, думая, что усталый и голодный онъ далеко не уйдетъ. Такимъ образомъ, три дня было пропущено, а въ это время, бѣглецы были уже далеко, и настичь ихъ, чтобы удовлетворить свою месть, индѣйцы уже не могли.

VII.

Тяжело было одинокой вдовѣ, матери Ральфа, отпускать сына на охоту. Отъ мужа она знала всѣ опасности, которымъ подвергаются охотники, но утѣшала себя мыслью, что его побережетъ старый другъ ея Джекъ Вильямсъ. Она мечтала, что сынъ вернется съ хорошей добычей и броситъ опасное ремесло охотника, прикупитъ еще земли, и поведутъ они тихую, мирную жизнь.

Терпѣливо ждала она мѣховой ярмарки, зная, что всѣ охотники стекаются къ этому времени въ Санъ-Луи. Но торгъ пришелъ и окончился, а отъ сына и Вильямса нѣтъ никакой вѣсточки. Отчаяніе ея было полное, она была уже увѣрена, что послѣднее ея утѣшеніе и поддержка, ея сынъ, погибъ ужасною смертью. И только вѣра, горячая и твердая, заставила ее немного пересилить свое горе. Она вся ушла въ работу и молитву. Какъ сосѣди ни старались ее утѣшить, она всегда отвѣчала:

— Мой мужъ и сынъ—оба на небѣ.

Она взяла къ себѣ на ферму одну бѣдную старушку-родственницу, по имени Марта, чтобы въ случаѣ болѣзни или смерти ея былъ бы кто-нибудь около.

Уже два года прошло съ ухода Ральфа.

Однажды вечеромъ Бэтси что-то нездоровилось, и она

легла раньше обыкновеннаго. Вдругъ ея старая собака стала какъ-то странно лаять и визжать, не такъ, какъ на чужого.

— Марта,—попросила Бэтси,—впусти, пожалуйста, собаку въ домъ.

Старушка отворила дверь, но собака бросилась въ поле съ радостнымъ визгомъ.

Вся потрясенная какимъ-то предчувствіемъ, Бэтси вскочила съ постели и бросилась къ двери.

— Боже мой!—вскричала она,—собака такъ лаяла только тогда, когда чуяла приближеніе Тома или Ральфа!

Марта отворила дверь и съ крикомъ:—индѣйцы! отскочила въ комнату.

Но Бэтси, едва взглянувъ на мнимаго индѣйца, со слезами упала въ его объятія. Это былъ ея ненаглядный сынъ, ея Ральфъ.

Радости матери и сына не было предѣловъ. Но наконецъ, онъ вырвался изъ объятій и сказалъ:

— Матушка, со мной моя жена, моя Эймоа. Она не разъ спасала мнѣ жизнь, прими ее, какъ дочь!

Бэтси положила руки на голову склонившейся передъ ней Эймоа и благоговѣйно произнесла:

— Боже, благослови ее! Я буду ее любить и беречь, какъ дочь,—и съ этими словами обняла и крѣпко поцѣловала.

Эймоа посмотрѣла на Ральфа и сказала:

— Какъ счастлива теперь твоя Эймоа, у нея есть мать!

Какое счастье и покой настали въ этой бѣдной фермѣ, видѣвшей до сихъ поръ столько слезъ и горя!

Ральфъ подробно разсказалъ матери всѣ свои бѣды и несчастія. Вспомнивъ о завѣщаніи Джека Вильямса, онъ по примѣтамъ нашелъ мѣсто, и, дѣйствительно, тамъ оказалось спрятано много золота, такъ что Ральфъ прикупилъ большой кусокъ земли и могъ завести свое хозяйство. Эймоа пожелала стать христіанкой. Она училась у одного священника и скоро приняла крещеніе и повѣнчалась съ Ральфомъ. При крещеніи ее назвали Маріей, но мужъ продолжалъ звать ее Эймоа.

Счастливая, дружная семья часто вспоминала о пережитомъ и благодарила Бога за дарованныя радости. Эймоа всегда добавляла:

— Богъ вывелъ меня къ свѣту изъ тьмы.

Конецъ.

H

University of California, Los Angeles
L 006 010 425 4

